

Лесная ведунья
Книга I

ЕЛЕНА
ЗВЕЗДНАЯ

Annotation

Ведьмак во врагах — это мелочи. Чародей объявившийся внезапно — тоже не проблема. Да и заговор ведьм с магами вполне себе можно пережить, особенно если очень жить хочется.

Инициатива — дело наказуемое? Это мы еще посмотрим.

Неунывающая юная ведьмочка Веся, верный друг леший, Мудрый ворон, кот Ученый, дуб Знаний и самая размножительно-ориентированная Заповедная чаща в мире готовы к любым невзгодам и трудностям. И вообще, кто к ним с проблемой придет, тот сам наварался.

Коронавирусу посвящается (в смысле книга была написана во времена COVID-19 для повышения иммунитета и хорошего настроения).

-
- [Елена Звездная](#)

-

Елена Звездная

ЛЕСНАЯ ВЕДУНЬЯ

Ловушку я ощутила сразу. Едва ступив на порог своей лесной избушки. Остановилась, прислушиваясь к шелесту листвы, к шепоту ветра, к лесной нечисти, собиравшейся явно потешиться, к животине — тоже не собирающейся отказывать себе в удовольствии развлечься, и к охотничкам. Горе охотничкам.

«За третьим поворотом от могучего дуба яму вырыли»... — шептал мне ветер.

«Яда нету, одни сонные зелья», — добавил грибовик, высунувшись из-под пня.

«Скоррррее уже!» — возмущались сороки.

— Ты нос забыла, — меланхолично зевнув, сообщил мне кот.

Как забыла?

Подняв руку, прикоснулась к лицу и поняла что таки да — забыла. Пришлось возвращаться, а это очень плохая примета.

Вошла в избушку, подошла к зеркалу и обнаружила нос, свалившимся в пудру мшисто-зеленого цвета. Как позабыла — ума не приложу. Нацепила страшный крючковатый нос на место, лицо обильно зеленой пудрой припудрила, на руках перчатки в виде крючковатых пальцев с когтями поправила, на голове радовал мой лично взор зеленый косматый парик, поверх него шла остроконечная черная поганками покрытая шляпа.

Да, вид в целом был неприглядный, но кто им виноват, что он ненормальных законов понавыпустят, а нам потом с этим живи!

Поверх обычного грязного плаща, на всякий случай вконец страшный натянула. Я на него мухоморы и плесень лично крепила и магией зашивала, по плечам вообще здорово получилось — седой такой мох, с пауками. Не часто его одеваю, но мало ли, что-то во всей этой нарочитости незваных гостей настораживало.

И подхватив клюку, я зашагала легко и весело навстречу неприятностям — ждут ведь, как же не прийти.

Но по мере того, как приближалась — шаг мой становился все тяжелее, горб на спине все больше, ногу начала подворачивать, на клюку с кряхтением опираться. Нет, раньше мы так не ходили, да ни в жизнь, но с новыми-то законами.

— Кхе-кхе, — начала я, едва приблизилась к третьему повороту от могучего дуба. — Ой, чую духом человеческим пахнет... — скривилась и гораздо тише добавила: — Можно было и без вина перед походом обойтись, перегаром теперь на весь лес несет.

Но кому я жалуюсь? Мужиков тоже понять можно — кому же хочется на карге лесной жениться?! Вот и напиваются до беспамятства, это если неопытные — а те, кто с нами уже встречался, те в курсе — чтобы на лесную деву позариться, столько вина во всем королевстве не найти.

— Эээ... — раздалось в кустах от явно прозревших и протрезвевших.

— Пппапа, — проблеял кто-то.

Коварно усмехнувшись, я носом потянула воздух, а нос у меня был ого-го — пятый по счету, самый здоровенный в моей коллекции, почти в локоть длинной.

— Ой, чую, мужчиной запахло! А давно у меня мужика-то не было...

В кустах кто-то дернулся и задал стрекоча.

Прикрыв глаза, ударила клюкой оземь, да в птицу вспорхнувшую перенеслась на миг, глазами ее взглянула — улепетывал сын барона Коварда. Первый парень на деревне... тьфу ты, в городе. Плечистый, румяный, волосы, что пшеница спелая, глаза как васильки луговые, девки от вида его сами падали, да только... наследником Осол не был, был сыном младшим, а соответственно наследства лишенным, а потому светила ему служба в армии королевской, либо «А те кто дев лесных в жены возьмет, от военной службы освобождаются». Ну вот в итоге мы и наряжаемся так, что опосля нас мужикам уже и черт не страшен — зуб даю, накладной который, что уже поутру баронов сын сам в армию сбежит.

— М-да, — раздалось в тех же кустах озадаченное от барона, — у меня теща и то симпатичнее будет.

— Моя в сравнении с этим вообще красotka, — с видом знатока заявил его верный оруженосец, он же и глава дворцовой стражи.

Приятно, когда твои старания так высоко оценили, просто у барона теща ведьма. Как есть ведьма, и нос у нее, в отличие от моего, вовсе не накладной.

Постояла, улыбаясь, да снова клюкой оземь стукнула.

От удара моего схлопнулась ловушка, сгорели травы охотниками запасенные, да к моменту, когда пламя гудеть перестало, уже неслись прочь «охотнички» мчась во весь опор, но баронского сына все равно не обогнали — быстро бегают парень, этот даже в пехоте не пропадет.

Постояла, с улыбкой посмотрела вслед убегающим, да тут же ощутила — по самой кромке моего леса заповедного обоз идет. Идет крадучись, одной ногой по траве заповедной, одной по границе человеческих земель шагают, покоя леса не нарушают, веток не ломают, оленя, на тропу вышедшего не тронули... контрабандисты значит.

Коснулась дерева ближайшего, открывая заповедные тропы, да и пошла напрямик к гостям незванным, но осторожным и к моему появлению явно готовым.

* * *

Обоз вел Савран, сын Горда-кузнеца, он знал и меня и как вести себя знал тоже, а потому едва я шагнула на тропу перед обозом, тут же подал сигнал всем остановиться, стражам луки опустить, мечникам оружие в траву кинуть, пленникам не двигаться.

— Здравствуй, госпожа Ведунья Лесная, — протараторил, сыпая на траву кошель с золотом, да помимо них кинжал костяной, зеркало ручное в серебро закованное, россыпь жемчуга морского — дорого откупался, ой и дорого.

Странно это.

— И тебе здравствовать, Савран сын Горда-кузнеца, — произнесла низким голосом, вглядываясь в клеть с невольниками.

Хотя как сказать «невольники» — тут практически все и всегда по своей воле на услужение шли. От леса моего заповедного, через море Кипенное лежали земли жен суровых, что и нож и меч держали

уверенно, да мужчины их не меньшей суровостью отличались, и о покорности речи среди них не шло. Потому и возил Савран живой товар туда, где платили за него высокую цену, где юноша становился мужчиной мягким да покладистым, где жил в роскоши, не трудясь от зари до зари на пашне или у горна, да и в армию идти уже не надо было.

И казалось выгода всем и во всем, да только новый королевский указ... Впрочем и короля понять можно — такие как Савран отбирали лучших, молодых, здоровых, крепких, что и в нашем королевстве требовались как воздух, особенно в виду военных амбиций короля.

— Все по воле своей, госпожа Ведунья, — сказал Савран, да голос его дрогнул.

Лжет, стало быть.

— По своей воле, говоришь?

Переспросила я, да и шагнула к обозу. Странно, за последние пять месяцев первый обоз, что до моего леса дошел, так то их обычно на пол пути разворачивали, с чего тогда этих не тронули, а?

— По своей! — воскликнул, подскакивая Савран.

Да поздно было, заподозрила уже ведьма неладное.

— По своей! — переспросила мерзко подхихикивая.

И саму от мерзости голоса передернула — хороший у меня амулет для искажения голоса, самое то для образа мерзкой заленомордой старушенции с премиальным носом, но от смешка даже мне порой страшно.

Горбясь, больше для порядку и образу, меньше за счет того, что так видно было лучше, прошла вдоль обозов с тканями да украшениями, дошла до клетки с вьюношами, да и начала просматривать каждого в отдельности. Хороши молодцы — статны, высоки, плечисты, на меня смотрят с любопытством и настороженно, но мысли у всех светлые — о будущем в достатке, о женщине, что на себя заботы возьмет, а в Замории женщины красотой славятся, о том, что за каждого Савран хорошие деньги семье оставил, он честен в этом плане, и не придется теперь на войну идти, на погибель... Да только, от чего ж вас, молодцы, до самой границы-то допустили? Странно это. Ох и странно. Савран хитер, троп много знает, но даже для него это слишком большая удача, чтобы быть просто случайностью.

А потом я увидела его.

Впрочем нет, его не сразу — сначала тень, клубящуюся тень несправедливости, что нависала над ним будто туча, что отравляла его, словно яд, что порвала его душу давно и безвозвратно. Несправедливость была жуткая, даже дышать стало трудно. Несправедливость — была приговором его. А мужчина... Самый страшный из всех. Худой, в шрамах, и даже взгляд на меня не поднял, словно в целом утратил и намек на любопытство. Как труп, только жив еще был, да вряд ли его это радовало. И сдается мне — наложил бы он на себя руки, да только в отличие от остальных — ошейник на нем уже был, стало быть и амулет подчинения имелся.

— Пропусти нас, госпожа Лесная Ведунья, — взмолился подошедший Савран, — корабль ждет, да и юношей от участи страшной спасаю, ведаете ведь.

Ведаю, да. Многое ведаю. Ведаю даже то, что не следовало — за мужчиной этим беда придет. Беда страшная, для слишком многих гибельная. Беда, я на губах ее вкус ощущаю, как чувствую и вкус смерти стоящего рядом со мной сына кузнеца. Беду ты везешь, Савран сын Горда, беду страшную. И может, стоило бы оборвать жизнь пленника здесь и сейчас, нетрудно ведь — ядовитые шипы призвать и не будет беды, не будет горечи напрасных смертей, да только... несправедливость и так над ним. Жгучая, жуткая, невыносимая несправедливость.

И что же ты выберешь, ведунья лесная, беды избежать малой кровью, или исправить несправедливость?

— Пропущу я тебя, Савран, — проговорила, в пленника вглядываясь, — и пропущу, и на тропу тайную выведу, так что у корабля своего через час будешь, да только... я, знаешь ли, женщина, мужчину хочу.

И пленники, что с интересом на меня поглядывали, в едином порыве назад отпрянули, явно не желая становиться моим мужчиной. Всех проняло — даже этот, с глазами застеленными пеленой ненависти, голову поднял, да на меня так посмотрел, что идея с шипами ядовитыми единственно верной показалась, единственно правильной.

— Помилуйте предки! — испуганно отшатнулся от меня Савран.

— Хе-хе, — мерзко шепелявя, похихикала я.

И передернуло даже пленника. На меня он теперь смотрел не с ненавистью — напряженно скорее, словно почувствовал, какого «мужика» ведьма выбрала.

— Да как же... не пойдет никто, госпожа, — растерянно пролепетал Савран.

— Этот пойдет, — я указала крючковатым пальцем с жутким черным когтем на пленника. — Ты мне амулет подчинения дашь, он и пойдет. Не так ли, Савран?

И взгляд перевела на сына кузнеца. Думал работорговец не долго — с шеи снял амулет, да мне протянул с поклоном. Я же амулет концом клюки подхватила, но даже ей, моей верной помощнице не по себе стало — амулет рабский из дерева делают, из меди в крайнем случае, но чтобы из закаленной стали с серебром?! Ох Савран-Савран, это ведь не просто амулет, это артефакт волю ломающий, что ж ты, сын Горда, не увидел подставы такой?

Подняв взгляд от артефакта, посмотрела на бледного купца и сказала едва слышно:

— От беды я тебя уберегла. От большой беды. Человека одного из обоза домой отправь, жену твою, ребятишек, пусть сюда приведет, да и тех, кто причастен — пропущу через лес. И дурак ты, Савран, ох и дурак!

Он понял.

В лице переменился. Да и дал приказ своим — мужика моего выгрузить. Да только охоронники не успели в клеть войти — парни сами подхватили пленника под руки и под ноги, и передали с рук на руки. Судя по всему, ходить мужик не мог...

А едва его на траву положили, я клюкой махнула, открывая тропу заповедную каравану, да другую заповедную для помощника Саврана... может и успеет, может и спасет, но сдается мне, что нет, да и ворон древний каркнул предостерегающе... а значит быть беде. Все-таки быть.

Когда исчезли среди деревьев и обоз, и помощник купца, медленно подошла к пленнику, которого прислонили спиной к стволу дерева, видимо, чтобы не упал. Подошла я близко, страха во мне не было — это мой лес, тут я сила и власть. Да едва приблизилась — усомнилась в этом. Слишком уверенно смотрели на меня фиолетово-

синие как небо перед грозой глаза, слишком явной была усмешка, таившаяся в уголке губ.

— Что, ведьма, коли сама рожей не вышла, и мужика себе выбрала самого заваливающего? — язвительно спросил он.

— Ну, допустим, как мужик ты мне и даром не сдался, — ответила я, — верно про себя сказал — вконец ты заваливающий, небось уже и под себя ходишь.

Синие глаза сверкнули ненавистью.

И не то, чтобы знакомство мы правильно начали, а все равно на душе приятно стало — знай наших, зазнайка невольничья.

— И кто же я тебе? Раб? — спросил повелительным голосом мужик.

— Охраняб, — поправила я, задумавшись, откуда же у невольника голос такой взятся мог. — Охранять меня будешь, — продолжила уверенно. — А то, знаешь ли, развелось тут в последнее время желающих под венец меня повести без спросу, а я может девушка переборчивая, мне по любви надоть. Вот и будешь ты мой охраняб, вверяю тебе свою честь девичью.

По мере моих слов глаза у мужика становились все шире и шире, округлились почти в итоге. Судя по всему он, как впрочем и все, был искренне убежден, что от квитка девичьей чести уже только поганка и осталась, и на нее уже вряд ли кто позариться, но... Но он был раб, а я теперь его хозяйка, и будет по моему.

— А за службу... — начал было мужик.

— А за службу твою, не буду к тебе как к мужику приставать, — мерзко хихикнула я.

— По рукам! — мгновенно согласился он.

Видать спать с чудищем для него было страшнее смерти, оно и не удивительно — страшна я. Ух и страшна — я как маску, перчатки и нос надену, сама себя в зеркале боюсь, так что не удивительно, нет.

— Подняться сможешь, охранябушка мой? — ласково спросила я. — Али плечо подставить хрупкое, женское?

На плече росла поганка, так что мужик такой вариант даже не рассматривал и хоть тяжело ему было, а поднялся... С шестого раза, уж думала помочь, но ничего — встал, шатаясь аки стебель на ветру, да за ствол древесный поддерживаясь.

— Что ж ты за него, как за родного цепляешься? — не сдержалась я от насмешки.

Мужик только зыркнул злобно, а говорить ничего не стал — сил просто не было, все на подъем ушли, а может понял, что не хочу приказывать. Могла бы, достаточно слово сказать, да артефакт подчинения тронуть, но в том то и дело, что не амулет это был, и волю ломал он необратимо, от того я не хотела его использовать, а мужик... мужик видимо понял это, каким-то своим, звериным чутьем.

И точно понял.

— Спасибо, ведьма, — сказал вдруг.

— Да не за что, охранябушка, — усмехнулась я, — давай, милый, два шага и дома будем. Сдюжишь?

Он только кивнул в ответ.

А я клюку подняла, дважды оземь ударила, да и открыла короткий экстренный путь к дому своему. Только вот не два шага тут было, а все пять. Но мужик ничего — первый сделал, на втором пошатнулся, третий прополз, к четвертому только рухнул, аккурат на ступеньки избышки моей. И все бы ничего, да только змеилась, клубилась, кралась за ним несправедливость зверская... и как помочь ему, я не знала.

* * *

На пороге моей избышки долго сидели мы оба... ну как сидели — я сидела, лузгая семечки и ждала Михантия, а мужик он лежал кулем почти бездыханным, впрочем про куль это я утрировала чрезмерно. Хорош был мужик... когда-то. Стать, разворот плеч, волосы черные, словно вороново крыло, а ныне с проседью на висках, руки... многократно ломанные, но видать до пыток пальцы были красивые, сильные, меч держали уверенно, да и не только его явно. Сильный был мужик... когда-то. А сейчас так, одна сплошная проблема.

Когда Михантий появился перед моим домиком, сразу и не понял, от чего это рядом со мной мужик лежит.

— Тяжелый, — сообщила я медведю, одновременно потянувшись за бочонком с медом, который на гостинец ему припасла. — Знаешь,

думала сама справлюсь, выглядит же как мешок костей, но тяжелый, собака, не поднять.

— Угуррр, — прорычал медведь сочувственно.

А я серьезно чуть не надорвалась. Думала ну мужик и мужик, тут уж точно только кожа да кости, постелила ему в сених, поставила отвары нужные на плиту, ужин в печку, а как пришла тянуть этого — никак, даже с места не сдвинуть. Пришлось звать Михантия.

— Только ты осторожно, — поднимаясь со ступенек и отодвигаясь, чтобы медведю удобно было, — и так ему досталось.

— Угум, — подтвердил лесной зверь и мой закадычный приятель, берясь лапами за бессознательного мужика.

И тут случилось то, чего вообще никто не ждал — едва когти медведя бережно и трепетно сжали изможденное тело моего охраняба, как мужик вдруг мгновенно пришел в себя, оттолкнулся от ступеней ногами, опрокидывая на спину моего медведя и падая следом, чтобы со всей силы локтем острым прямо мишке в живот треснуть.

— Ты что творишь, ирод окаянный! — возопила я, хватаясь за клюку. — Не смей медведя бить, сволочь!

Ирод на меня взглянул, глаза его округлились, и мужик снова вырубился. Прямо на медведе.

И вот после всего этого, когда Михантий тащил мужика в сени, я сделал вид, что не заметила, как зверь его пару раз о косяк приложил, и вообще кинул не очень бережно на матрас, а вот пинать не стал, на меня глянул и усовестился.

— Ну, может у него инстинкт такой, шкуросохранительный, — глубокомысленно предположила я.

Михантий очень скептически на меня посмотрел, показательно тяжело вздохнул, да помычал неодобрительно. Не одобрял в смысле.

— Ничего, оклемается... наверное, — сказала я, глядя на мужика, который сейчас больше на груду сломанных костей в мешке походил.

Медведь был со мной не согласен, логика и здравый смысл тоже, но какая ж ведьма мимо несправедливости жгучей пройдет? Правильно — умная. А это явно не я...

— Мед не забудь, — крикнула в спину уходящему медведю.

Тот поклонился благодарственно, бочонок прихватил и был таков.

А не особо умная ведьма осталась и со своим охранябом, и с целью жгучей несправедливостью. Та зависла в углу облаком немного

укора, напоминая, что пора браться за лечение моего охранябушки, ох пора.

* * *

Всю ночь я как самая умная просидела рядом со своим охранябом. Сначала вливала в него по капле отвара пипеткой, после часу ночи по две, к четверем утра по ложечке чайной каждые пять минут, в седьмом часу я вырубилась на моменте заливания в него уже отвара через носик моего фарфорового чайничка.

Оно может как, я бы и не вырубилась, но прошлую ночь одна очень умная лесная ведьма читала пошлый рыцарский роман, а на сегодня почитать уже было нечего, от чего сия неприятная оказия и случилась.

* * *

Проснулась я утром, спозаранку, часов было девять, не больше, и разбудил меня глубокий мужской голос:

— Девушка, вы как тут оказались?

С трудом разлепив ресницы, обнаружила, что мой охраняб уже очень даже пришел в себя, выпил все из чайничка, и из ведерка допил, и даже самовар, что стоял рядом опустошил тоже, а теперь будил меня, сладко спящую на его кровати, хотя я точно помнила, что сидела рядом на шкуре, когда поила его.

Проморгавшись, обнаружила, что, во-первых, охранябушка слишком быстро как-то в себя пришел в себя, во-вторых, я, не ожидавшая столь быстрого восстановления пленника, несколько была не в образе, а в-третьих:

— Сегодня же суббота!

— Суббота? — нахмурился мужик.

— Ну да, суббота, ярмарочный день! — воскликнула я, подскакивая с постели.

Охранябушка поднялся тоже, но не столь резво... хотя одно то что уже поднялся немного сильно очень смущало. И вообще многое

смущало, но не суть-то.

— Ты это, ложись, — приказала я, — ведьма скоро придет, а она ого-го суровая!

Раба это не смутило.

— И до мужиков охотчая! — добавила я.

А вот это уже смутило, мужик сел и принял бледный вид. Но это не помешало ему задать крайне неприятный вопрос:

— А ты...

— А я тебя отпаивать должна была, — практически не соврала я. — Но ты уже и сам все выпил, как я погляжу. Нужник-то сам найдешь?

На меня посмотрели так, что стало ясно — коли не найдет, то у меня тут два нужника появятся, в смысле этот явно один отстроит с нуля.

— Вот и славненько, — засуетилась я, отходя в дом, — а я побежала, ждут родители-то.

И юркнув в дом, я подхватила сарафан, натянула поверх рубашки расписной, волосы заплела в две косы, украсила лентами с рябиной, подхватила корзинку, монеток мелких, и обувая лапти на ходу, попрыгала к двери.

Вот тут то мы и встретились.

Я и живот охраняба. Но так как живота толком не было, от столкновения было больно... причем мне.

— Ох ты ж! — только и прошипела.

— Аккуратнее, — мужик меня придержал, не дав упасть. — Что ж ты как оголтелая носишься?

— Так спешу же! — удержав вопрос о том, как этот вообще ходит, выдохнула я.

Выпрямилась, на мужика еще раз внимательно поглядела. В общем... большой был мужик. И плечистый. И опасный какой-то, как волк-одиночка, которого серые и всей стаей побаиваются, а еще мужик видел. Избу мою в смысле видел. Для других тут как не зайдешь — тьма беспросветная, а этот одним взглядом быстро все осмотрел, да так что стало ясно — видит он. И чашку на столе оставленную, и пирожок надкушенный, и книжку...

Книжка!

Я метнулась к столу, хватая томик, засунула в корзинку и обратно к выходу было подалась, когда до охраняба дошла одна только видимо ему ведомая истина:

— Стало быть ведьме служишь.

— Стало быть — служу, — не стала я отпираться.

И не вежливо вытолкнув его из светлицы, дверь закрыла, а затем добавила:

— Ведьма сказала, тебе до заката есть ничего нельзя, только пить.

И спать. И пить и...

— И спать, я понял, — произнес мужик.

— Ну вот и хорошо, что понял, — улыбнулась ему я, и обогнув, выбежала во двор.

А то ярмарка же сегодня, могу не успеть.

— И со двора не уходи, — крикнула ему, — лес для тебя опасен пока.

* * *

А вот для меня лес был домом родным!

Самым чудесным местом на свете, самым светлым, самым любимым! И я бежала навстречу новому дню, здороваясь с деревьями, лесными обитателями, нечистью, стаяй оленей, матерым волком, который сюда, ко мне в заповедный лес, приходил побегать словно молодой волчонок, и мы бежали с ним вместе на перегонки, до самого Дуба Знаний. У дуба волк отстал, не любят волки котов ученых, хоть и магических, а все равно не любят.

— Дочиталамррр? — спросил призрачный кот, глядя на меня двумя фосфоресцирующими глазами прямо из дуба.

— Дочитала, — я достала книгу, с поклоном протянула ее дереву, и то, открыв ларец, что из нутра ствола выдвигался, бережно спрятало ее вглубь.

— А к экзамену когда готовиться будем? — укоризненно начал кот.

— Эммм, — начала я придумывать очередное оправдание.

— Год до экзамена остался! — поучительно напомнил кот-ученый. — Год всего! А ты? Про любовь она книги читает! Смотри,

ведьма, добегаешься до алтаря самого, вон товарка твоя уж два дня как замуж выскочила!

И я чуть не села.

— Как выскочила? — спросила сдавленным шепотом.

Кот высунулся из дерева весь, потянулся призрачным телом, устроился на толстой ветке, скептически на меня посмотрел и сообщил:

— Смутные слухи, Весена, смутные. То там шепоток прошелестит, да и оборвется, то здесь... Да только говорят маг королевский лично за дело взялся, и куда он шагнет, там падают рубежи охранные заповедных лесов. Берегись, ведьма, ох берегись.

— Вот оно как, значит, опять нейдется королю, — расстроено подытожила я.

Кот важно кивнул.

— И-эх, жизнь, — вздохнула я.

Ближе к дубу подошла, трижды по стволу постучала, оттуда выпал список берестяной, да карандаш грифельный. Полчаса под присмотром кота я список составляла, в первую очередь требовались мне все трактаты по охранительной магии, во вторую — придется иллюзиями заняться вплотную, в третью... жертвы то я еще не приносила, стало быть в силу не вошла, а вот это вот самое плохое было.

Написав весь заказ, в ларец отправила, с котом попрощалась, да и пошла в Веснянки. Ярмарка сегодня только там, в Западянке через неделю, еще через неделю в Выборге, а опосля в Нермине. Это было удобно — так я одну неделю была Весей из Западянки, которую папенька на ярмарку в Веснянки отправлял, в другую уже Зарой из Веснянки, которую бабушка слала на ярмарку, в Нермин я ходила сиротой, в Выборг падчерицей злой мачехи. Когда-то думала зря я так, проще ж правду людям говорить сразу, а потом... нет, не зря. Ох не зря. Давно миновали времена, когда охраняло вече лесных ведуний, давно канули в Лету древуны и культ их Древесного бога, от всей старины Полесской только мы, ведьмы, и остались, а в остальном... Поначалу как — король своего бога поставил, одного над всеми. Мы пожалы плечами, да и внимания не обратили — ну бог и бог, сколько их было и будет... да не тут-то было. Новый бог требовал храмов, жертв, подаяний и... власти. Власти хотел и король. И понеслось... В

один год, я еще девчонкой была, отменил король власть вече, отменил и народные собрания. В другой — приказал гнать служителей Древесного бога, высмеяв их поклонение скульптурам из дерева. А потом больше и дальше. Были те кто против, но на сторону власти встали маги и запылали в единый день все храмы Древесного бога. А мы, ведьмы, остались. Остались потому, что сама земля нас бережет, сам лес охраняет, да вся нечисть лесная на защиту встанет, коли, что не так. Но если... если ведьма, по своей воле, за руку с мужчиной в храм нового бога войдет — нити силы рвутся, словно паутинка непрочная...

* * *

В Веснянки я вошла грустная, из-за нерадостных печальных дум. Махнула приветственно дяде Зоргу, стоящему на воротах, да и смешалась с толпой, ныне странной какой-то. По обыкновению как — все вдоль прилавков ходят, к товаром прицениваются, с продавцами весело торгуются, а сегодня торговые ряды пустые были почти, все на площади чего-то ждали. А чего?

Подойдя к бабе Урре, у которой я завсегда творог со сметаной покупаю, низко поклонилась старой женщине, но спросить не успела, бабушка первая заговорила:

— Ох, шла бы ты, Веся, домой сегодня, да скоренько, — и без счета, без взвешивания, протянула мне творог в тряпицу замотанный.

— А что случилось то? — с поклоном принимая, тревожно спросила я.

— Маг случился, — прошептала одними губами баба Урра, — да охальник тот еще, Весяка, завчера на сеновал увел девку Ванко-кожемяки, с утреца из его комнаты красная как твой маков цвет Кора дочка Ветова вышла. И сама понимаешь — он маг, закон ему не писан, а девкам бесчестье на всю жизнь то оставшуюся. А ты, Весянка, девка приметная, мимо тебя не пройдет. Иди домой, девочка, и денег не надо, уходи от греха подальше.

И стоило сказать ей, как ощутила я взгляд. Да такой, что одним этим взглядом явно любые двери открывал. И я отчетливо прочувствовала, как маг изучил взглядом и ноги мои, и все что выше, и косы, и профиль.

Я почувствовала его прежде, чем мужик материализовался рядом, впритык, заставив испуганно вскрикнуть бабу Урру, и отшатнуться от нас чуть ли не весь люд Веснянский.

Вот только я не робкого десятка.

— Извините, неуважаемый, — сказала, мазнув взглядом по стоящему так близко, что я дыхание его чувствовала магу, — я сейчас расплачусь с уважаемой женщиной и вы сможете купить творога, раз вам *так сильно* надо.

Но стоило за кошелем полезть, как маг перехватил мою руку и сказал, приблизившись еще ближе:

— Не торопись, милая, сам расплачусь. И за творог, раз он так тебе нужен, и за все, что пожелаешь, красавица.

И он сделал пасс рукой, от чего на колени к бабе Урре свалился самый настоящий полновесный золотой. Учítывая, что творог два медяка стоил — это была не просто щедрость, это был перебор. Показной, демонстративный и наглый перебор.

Я постояла, глядя на бледную бабушку, после чего наклонилась, забрала золотую монету с ткани ее юбки, не чураясь, опробовала на зуб, после чего задумчиво осмотрела монету, пристально, демонстративно и нагло, и вынесла вердикт:

— Не полновесная. Скупердяйничаете, господин маг.

И вернула монету бабушке Урре, добавив положенные две медные монеты.

Затем, обойдя застывшего мага, отправилась дальше вдоль рядов, попутно укладывая творог в корзину.

А позади раздалось:

— Гггосподин ммаг, ваша мммонета...

— Себе оставьте! — рявкнул он.

И направился за мной, шагая решительно и зло. Догнал в несколько шагов и заступил дорогу. Не поднимая взгляда, попыталась обойти — не дал, снова заступив путь. Попытка обойти слева тоже не дала результата. Смирившись с тем, что день сегодня выдался окончательно неудачный, я развернулась и пошла назад, намереваясь в конце молочного ряда на мясной свернуть. Сама я мясо редко ела, но теперь у меня дома был мужик, а мужиков кормить же надо... ой и на кой он мне сдался-то?

И тут случилось неприятное.

В конце молочных рядов, вдруг появился новый путь — и вел он явно не в мясные ряды, а куда-то определенно туда, где есть кровать и точно появится господин королевский маг. Остановилась, не дойдя двух камней до смены пути, затем медленно повернулась и впервые посмотрела на мага.

Маг был... такой маг типичный. Высокий мужчина с черными зализанными назад волосами, синими подведенными черным углем глазами, от чего взгляд казался пронизывающим, насмешливо приподнятой соболиной бровью и выражением в глазах, которое явно не сулило мне ничего хорошего... а если точнее маг стопроцентно ждал, что я сейчас сойду на тот самый магический путь, который завершится в его спальне. И ведь что досадно — сказать ему прямо, что он козел я не могу, местные девушки не бывают столь прямолинейны, вступить на путь не могу тоже, я-то с него сойду, но и тем самым выдам себя с головой — с магического пути только ведьма сойти и может.

— Что же ты остановилась, милая? — явно подначил маг. — Иди уже, раз не мил я тебе.

В своей силе маг был определенно уверен, все окружающие были точно уверены в том, что я теперь попаду к магу хочу я того, или нет, бабка Урра смотрела на меня с откровенным сочувствием... золотая монета так и блестела на ее юбке.

И я улыбнулась.

Хочешь поиграть, охальник королевский? Сейчас поиграем.

— Так за что вы там собирались платить? — поинтересовалась я, приблизившись к магу и неласково сунув ему в руки корзинку.

Он мужик? Мужик. Вот и пусть таскает, а то мы девушка хрупкая, нам не положено.

— Эээ... — маг несколько раз мигнул, но тут же собрался и коварно ответил: — За все, милая.

Ну... он сам это сказал, за язык я его не тянула.

* * *

Спустя час мы уже смотрелись парой, как минимум прожившей лет двадцать в не самом счастливом браке.

— Весенька, поверь мне как специалисту — это хорошее мясо, — шипел маг, указывая мне на идеальную говяжью вырезку.

— Ммм, даже не знаю, Заратаренька, — капризно надула губки я.

Заратарна эльн Тарга от моего обращения перекосило в очередной раз, но — мужик явно смирился уже даже с этим. Вообще любой бы смирился, если бы пришлось таскать корзинку, в которой была моя корзинка, заваленная продуктами, а так же копченый свиной окорок, копченый говяжий окорок, здоровенный основательно, копченый лосось, тоже нехилого размера, и да — все это ни в коем случае нельзя было поднимать магией, а иначе: «Ты что, миленький, магия продуктам вредит, излучения же в ней вредные, потом продукты эти хоть бери да выбрасывай!». Так что маг нес все сам, явственно скрипя зубами.

— Весенька, это хорошая вырезка! — начал срываться маг.

Надо же, наконец-то, я уж думала не доведу.

— Да, но там жилочка, — я надула губки еще капризнее.

У мага задергался глаз.

— Заратаренька, не злись, — я покровительственно похлопала его по щеке, надавав пощечин попутно просто потому что очень хотелось, — сейчас вырезку выберем, потом в тканевый ряд, а там и за бусиками зайдем, да?

И это стало последней каплей.

Разъяренный маг, сорвал с пояса кошель с золотом, сунул мне в руки, махнул ближайшему вознице, загрузил в подъехавшую телегу мою и не мою корзины, сказал что-то извозчику, а затем, развернувшись ко мне, ухватил за подбородок и совершил то, за что его вообще казнить должны были бы на столичной площади.

— К закату придешь в мою спальню, Весенька! — и глаза его вспыхнули синим пламенем, закрепляя приказ магией.

Любая девушка на моем месте сама не заметила бы, как на закате ноги принесли бы ее в постель мага... и от этого в моих глазах блеснули злые слезы.

— А вот потом будут тебе и бусики и издевательства над королевскими магами, — уже без магии добавил он.

И ушел, оставляя площадь и меня в потрясенном молчании.

И если я была потрясена тем, что маг в открытую, не стесняясь и вообще не чураясь магию влияния использует, и народ был потрясен

примерно тем же, то стоящий в постромах бык потрясен был совсем иным — в спальню мага на закате предстояло отправиться именно ему, да. И учитывая обстоятельства, маг решит, что просто слегка преломил вектор направления магии, пребывая в ярости, а ведьма коварно промолчит о том, что преломление было уже ее рук делом...

Но магия влияния! Посреди бела дня! На глазах у людей!

Что происходит то вообще?!

«Деточка, — раздался вдруг тихий голос за моей спиной, — кошель заговоренный».

Я обернулась. Вдали, у самых ворот в деревеньку ведущих, стояла теща барона. Та самая, которая ведьма, да такая, что ей в отличие от меня накладной нос не нужен был. И та, кто обо мне знал, как и все, кто стоит на сумеречной стороне.

— Ведьма!

— Ведьма! Детей прячьте!

— Товар от сглаза прикройте! — раздались крики сельчан.

А я, как замороженная, пошла к ведьме прямиком, словно под магическим приказом находилась. С поклоном отдала ей кошель. Услышала лишь для меня сказанное:

«Придется в храм выбросить».

Поклонилась еще ниже.

А потом вместе с возницей, который за мной шел — ему уже уплачено было, покинула деревеньку.

* * *

На опушке леса, возница удивленно моргнул, увидев ожидающего нас здоровенного дядьку в льняной рубахе.

— Батюшка! — радостно поприветствовала я лешего.

Тот было чуть не оскалится, да вовремя понял, что чары на нем, кивнул, подошел к вознице косолапо, забрал корзину с продуктами да и сказала я, ибо у лешего голос до костей пробирающий:

— Долго ты доченька.

Я же ему и ответила:

— Спасибо что встретили, батюшка.

Артефакт, модулирующий голос, штука замечательная.

Когда возница с быком, коему еще свидание сегодня предстояло, скрылся за поворотом, леший головой тряхнул, сбрасывая словно лоскуты дыма мое заклятие, укоризненно глянул на меня, и произнес своим жутким голосом:

— Долго ты сегодня. И запах на тебе. И магия.

От его голоса белки с ближайшей сосны прыснули в разные стороны, сойка траекторию пути сменила, да два лесовика быстро шурхнули под пень. Страшный у меня леший, да не мой. Моего изначально не было, не приживался в этом лесу, окруженном человеческими поселениями никто из нечисти, так что как я пришла — пусто было. Это потом уже, едва в силу вошла, так подтянулись — сначала кикиморы, опосля водяной, следом лесовички да уххры, а в одну ночь вот леший заявился. Злой, израненный, в рытвинах со спиной стрелами утыканной. Поначалу к себе не подпускал и говорить не мог, все пытался издохнуть в норе под дубом, но потихоньку, помаленьку выходила. Теперь вот даже говорить стал.

— В Веснянках королевский маг, — ответила ему, поспевая за широким шагом лешего. — Девок портит, ведет себя недопустимо, закон нарушает в открытую.

— Плохо, — подытожил леший. — А ведьмы что?

— Уже на месте, — тяжело было угнаться за ним, хоть и ходил косолапо, ноги так до конца и не восстановились. — Ульгерда в городе, не скрываясь. За ней должны подоспеть Славастена, думаю Изяслава на подлете. Разберутся, они ведьмы опытные.

И не сомневалась же тогда, ни единой капельки сомнения не было, да даже толики. Места у нас заповедные, а после падения Ясеневого Леса так и вовсе последний оплот нечисти, так что за нас ведьмы постоят всем кругом, Изяслава так и вовсе королевская Ведьма, она свое слово завсегда скажет. А мне то что, я лесная ведунья, мое дело маленькое — лес беречь, потерянных привечать, да учиться дальше, а вот с этим вот тяжело мне, хоть вой.

Я и взывала.

— К ученому дубу? — правильно понял леший.

Кивнула. Взмахнув клюкой открыла заповедную тропу и пошли мы за новой порцией учебников, чтоб их! Вот раньше времена были — если позвал тебя лес, то все — сразу ты госпожа лесная ведунья, и идите все в далекое пешее. А теперь как — лес позвал, в силу вошла,

учись теперь, голубушка, потому что коли назвался груздем, не вопи, что ты поганка к обучению не склонная вот совсем никак!

* * *

У Дуба Знаний нас, как и полагается, встретил кот. А кот с лешим друг друга не взлюбили как-то, от того леший этот дуб зовет «Дуб Ученый», а собственно кота:

— Кот дубовый.

Ученый кот зашипел, и в долгу не остался:

— И тебе подыхать долго, леший приبلудный.

— Леший не приبلудный! — вступилась я за лешего. — А кот — ученый, а не дубовый! — вступилась и за кота.

Да толку с этого.

— И как призрачные блохи, не помогают? — язвительно спросил леший, игнорируя меня.

Началось...

— А ты как, поганками не оброс? Не переживай, впереди еще все! — вставил кот, выгибаясь призрачной спиной.

Молча прошла к дубу, постучала трижды, да и получила ларец с книгами.

Открыла, просмотрела присланное — три книги по охранительной магии, одна по магии запирающей, по шрамам магическим было четыре трактата, каждый чуть не в половину меня весом — как прочитаю-то? По иллюзиям всего одна книга, зато с вопросами к экзамену сразу и сдавать придется через месяц дубу вот лично сначала зачет, а уже потом Силе Лесной на экзамене отвечать. Ох и жизнь у меня, ох и жизньюшка...

А тут в довершении всего Сила Лесная возьми да и спроси замогильным голосом:

— Кого в дом свой привела, ведунья?

Это вот уже «ой».

— Мммужика, — ответила, чуть список не обронив, с которым сверяла все присланные книги.

От слов моих смутилась суровая Сила Лесная, притихли кот с лешим, на меня все глядят вопросительно.

— А я что? — растерялась окончательно. — Мне может в доме мужик нужен давно!

И тихо так стало вокруг.

— Небось о размножении задумалась? — язвительно оскалился кот.

— Может и задумалась! — решила стоять на своем я. — У вас, между прочим, явственный недобор лесных ведуний, может я хочу поголовье увеличить.

У лешего показательно отвисла челюсть.

Она бы может и не отвисла, но не восстановился он еще, от того иногда сбои и бывали.

Да только что мне леший — тут Лесная Сила осерчала. Да единым порывом ветра ко мне метнулась, зависла надо мной, очами зелеными горящими вглядываясь и спросила сурово:

— А может ты ведьма?!

— Да ни в жизнь! — отчаянно солгала я.

Лесная Сила отступила как кошка — подобравшись, будто перед прыжком. Леший с котом ссориться тут же передумали, кот сиганул с дуба и корзинку мою ухватил, леший ларец с книгами, и пошли мы скоренько от греха подальше.

Потому что и кот, и леший точно знали — ведьма я. Ведьма как есть. А кто еще иной тень несправедливости углядит? Да никто. От того и не признаешься Силе Лесной в истинных причинах совершенного.

— Ну, раз мужиком назвала... — начал кот, едва пропало ощущение присутствия Силы Лесной.

— Да страшный он! — высказалась в сердцах. — Не буду я размножаться! Помогу чем смогу, и пусть идет на все четыре стороны.

Леший только вздохнул тяжело.

Знала я, о чем он вздыхает. Между ведьмами и лесными ведуньями только на первый взгляд разница не большая, и те и те о благе леса да нечисти заботятся, и тем и тем силы магически свойственны, да только... лесные ведуньи другие они, иначе думают. Лесная ведунья мимо пройдет, коли увидит как волк косулю настигает, от того что понимает — и ему питаться нужно. Лесная ведунья в лес чужого человека не пустит — ибо люди это одно, а ее дело лес защищать. Лесным ведуньям в принципе окромя леса ни до чего дела

нет, другие они, иначе думают, по-другому мир видят. А мы, ведьмы, к человеческому миру крепко привязаны. Мы мимо горя и беды не пройдем, и коли тень несправедливости увидим — вмешаемся. От того Лесная Сила нас и не привлекает, врагов в нас видит, да только... у меня тогда выбора не было, и лес позвал, вот и маемся.

— Нравится, не нравится, — наставительно продолжил кот, — да только ты Лесной Силе в глаза врала, а ложь всегда расплаты требует. Ты ж пойми, не выпустит его теперь лес, покуда...

И договаривать кот не стал.

А я говорить не стала, что если захочу — выпустит, никуда не денется. Только вот неясно, чем мне все это потом аукнется. И знала ведь — принесет этот мужик беды одни, но я же ведьма, я же не могу мимо пройти... теперь расхлебывать придется... как-нибудь.

* * *

На подходе к избушке, накинула на себя иллюзию, да и встала чуть позади лешего — говорю же, плохо у меня с иллюзиями.

Но зато вовремя наложила — охраняб мой ждал меня у калитки... которую сам и сделал. Сидел, на им же сколоченной скамье, усталый, вспотевший, злой аки медведь-шатун ранней весной, и явно не меня ожидающий.

— Здравствуй, охранябушка, — ласково прокаркала я, изменив голос.

— Здравствуй, ведьма, — мрачно ответил он, вглядываясь в тропинку и поджидая явно не меня.

Ну в смысле меня, но ту, которую он девкой селянской считал, а не вот эту вот меня с носом в аршин.

— Гляжу потрудился славно, — протискиваясь бочком в открытую лешим калитку, заметила я.

— Дело раба о госпоже заботиться, — язвительно усмехнулся мужик.

Надо же, гордый какой. То есть раз вылечила, я тебя ручным трудом отблагодарю, а в долгу не останусь, ведьма.

— Не тем отработываешь, — широко оскалившись, сообщил кот Ученый, вручая корзину оторопевшему от намека мужику, и по своей

привычке истаивая в воздухе.

Охраняб корзинку удержал, хоть немалого веса была она, я уж хотела попросить лешего подсобить, но удержал воин. С трудом, а все же понес к дому, идя следом за мной и лешим.

В сам дом ему леший зайти не дал, корзинку забрал на пороге, да и войдя дверь за собой закрыл. Благодарна я ему за это была смерть как — моя иллюзия уже неведомо на чем держалась. Вообще странное дело — уплывала магия, как вода сквозь пальцы утекала, с чего бы?

— С тобой остаться? — прямо спросил леший, едва я кинулась надевать маску, плащ, да нос с перчатками.

— Нет, не переживай, — заверила друга лесного.

— Медведя пришлю, — предложил он.

— А кормить чем? Весь мед вчера отдала, — я развела когтистыми теперь руками.

— И то верно, пришлю волка, — решил леший.

И махнув на прощание, ушел, растворяясь в лесу, едва листочки коснулись его шишковатого тела.

А мы остались. Я, охраняб, насущная потребность чем-то мужика кормить и книги.

Ох и жизнь я себе устроила, вот чем только думала, а?

* * *

За годы жизни в одиночестве, я привыкла есть... иначе. Там пирожков купишь, там в деревеньке перекусишь, а дома ягоды, чай, бутерброды, творог со сметаной — и что девушке еще надо? Мне хватало. И было же все хорошо, так нет же — мужика завела себе!

Теперь корми.

— Охранябушка, — прокаркала противным голосом, — ты готовить умеешь?

За дверью и так было тихо, теперь тишина стала вообще мертвой.

То есть — нет.

— Ну, не серчай тогда, — пожала я плечами, пытаюсь вспомнить, как в принципе суп-то варить?

Поначалу я мужика за водой послала — тут недалеко было, мне леший еще год назад ручей во двор провел, теперь бочка с водой

завсегда полная, и вода ключевая, студеная вкусная. Но вот то, что студеная... не радовало.

Котел для зелий пришлось мыть магией. Я попыталась руками, но слишком холодная вода была, в перчатках хлюпать начало вообще мерзко, пришлось магией. Охраняб скептически наблюдал за моими манипуляциями... но не вмешивался. Котел я в итоге кое-как вымыла, водой ополоснула, охраняб воды в него залил, совместными усилиями — я магией, он руками, взгромоздили над костром, всунув в таган, я в печи готовить не рискнула, я ее года два уже не чистила и в ней домовый приبلудный спал, тихарясь от Силы Лесной.

Потом долго ждали, пока вода закипит.

Я так вообще не дождалась, сбегала в дом, бутербродов наделала, на тарелке вынесла, на ходу уже вспомнила, что перчатки не надела, и пришлось сначала кричать:

— Охранябушка, а смотри, что это там?

А потом пока он смотрел в лес, тарелку на скамью бухнула, и умчалась за перчатками. Надо бы еще пару штук сделать, а то надевать мокрые неприятно.

К тому моменту как вернулась, охраняб уже все бутерброды умял, и теперь сидел на скамье, скептически глядя на меня и заодно сообщив:

— Там ничего не было.

— Да и тут уже ничего не осталось, — вздохнула я.

Подхватила тарелку и ушла в дом, новые бутерброды строгать — ну и аппетиты у некоторых, эдак я его точно не прокормлю.

Когда вернулась, меня ждали две вещи — закипевшая вода, и вопросительный взгляд все еще голодного мужика. Молча отдала ему тарелку, и угрюмо посмотрела на воду.

— По идее начинать нужно с мяса, — выдал умную мысль мужик, уминая очередной бутерброд.

Из ветвей растущей во дворе березки вылезла морда кота ученого и он с тем же умным видом заявил:

— Точно с мяса.

Леший умных советов не давал — просто принес мне кулинарную книгу, видать в Веснянки за ней ходил.

— Вот сердечное тебе спасибо! — искренне поблагодарила я.

Леший, кивнув, растворился.

А кот ехидно остался.

— Слушай, ведьма, я уже поел, — решил вдруг сжалиться надо мной охраняб.

— Точно? — не поверила я.

Мужик уверенно кивнул, доедая последний кусок. Я вздохнула, не скрывая облегчения, кот уржался так, что свалился с ветки на землю, и исчез уже оттуда.

— Ну, раз поел, моешь посуду! — гордо заявила я.

Мужик выразительно посмотрел на единственную все-таки чистую практически тарелку и на идеально чистый казан с кипящей водой.

— Может, компот сварим? — даже не знаю, почему предложила я.

Тяжело вздохнув, охраняб ушел в дом, вернулся с мясом. В общем если он и был согласен на компот, то только компот из мяса.

— У тебя хотя бы соль есть? — поинтересовался он, разделявая мясо на пне неизвестно где обнаружившимся топором.

У меня, кажется, вообще топора не было, где он его нашел?

— Какая-то ты странная ведьма, — разрубая говядину на куски, вскользь заметил охраняб.

— Что значит странная? Я старая женщина, давно живу одна, разучилась готовить! — возмущенно заявила я и ушла в избушку.

То же мне, нашелся тут мужик без странностей.

* * *

В избушке напустила туману, зажгла свечи, сняла плащ, маску, нос и перчатки, наинула на себя иллюзию — знаю, что они у меня не очень, но в тумане кто разглядит. Чаю мятного успокоительного заварила, творога себе набрала со сметаной, ветчины для бутербродов не осталось — мужик все съел, и засела за учебник по иллюзиям.

Два раза заходил охраняб.

Первый раз искал соль. Не нашел, забрал полупустую солонку со стола. Второй раз искал перец или специи «хоть какие есть». Высунувшийся из печки, сонный домовый указал ему на неприметный шкафчик у окошка, прикрытый занавеской. Надо же, занавески стирала в прошлом месяце, а шкафчика так и не видела раньше. В

шкафу обнаружилась соль, труха из перца, что-то еще, от чего читающая я расчихалась, пришлось открывать окно и проветривать.

— Ведьма, не хочу показаться неучтивым, но у тебя глаз сполз на подбородок, — выходя, сообщил охраняб, — левый.

Кинулась к зеркалу и обнаружила, что мужик у меня очень даже тактичный — про правый глаз, сползший на щеку даже говорить не стал. Долго восстанавливала иллюзию, частично вообще по учебнику. А вообще ничего бы не сползло, если бы тут некоторые не шлялись!

Злая я выглянула в окно на «шляющихся», да и замерла...

Мужик мой казан крышкой накрыл и оставил компот мясной видать настаиваться, а сам сейчас стоял у бочки, сняв рубашку, и обливался водой из ведра. Полуобнаженный, мокрый, смуглый, со жгутами мышц, которых под рубашкой было не видать, худощавый, но жилистый и... с жуткой, страшной, прожегшей кожу меткой на спине!

Клеймо ставили на живую!

Клеймо ставили на человека, который был в сознании и пытался сопротивляться видать до последнего, потому что края метки ровными не были, глубина прожega оказалась неравномерной, а всю спину покрывали черные молнии проклятий...

Мой охранябушка оказался магом.

Запечатанным магом. Тем, кто подвергся самой страшной каре, которой только мог подвергнуться магически одаренный, да только... я видела три метки запечатавших его магию архимагов, четвертая отсутствовала. Кто же ты, мужик над которым клубится тень дикой несправедливости?

Он обернулся, словно услышал мой вопрос. Синие глаза полоснули по засмотревшейся на бывшего мага ведьме, заставляя понять то, что понять бы следовало раньше — он и есть четвертый архимаг!

От окна отпрянула, прикрыв рот рукой.

Архимаг! Вот от чего при нем магия моя таяла, как первый снег на солнце! Вот почему встал так быстро! Неясно лишь, за что его так проклинали? Да не просто проклинали — заклеямили варварским способом. Причем — несправедлив был приговор, несправедной кара, подлым предательство.

А беда? Беда любой опытной ведьме была очевидна — архимаг он, а на него печать замыкающую наложили, на архимага. Словно

знать не знали, ведать не ведали — что рано или поздно, магия его проломит и печать, и оковы разума. И вместо вменяемого заклеяменного — обезумевший неограниченный архимаг будет, да такой силы, что весь мой заповедный лес одним движением руки сметет... Убивать его надобно. Сейчас, пока сила из-под контроля не вырвалась, пока еще можно убить. И тут уж любая лесная ведунья убила бы не задумываясь, да и ведьма опытная — убила бы тоже... а я... я просто дуреха неопытная, глупая, да безрассудная.

И ведь даже сейчас понимаю — не убью. Рука не поднимется.

Хотя вот он мой шанс в силу войти — принеси я в жертву архимага, и даже Сила Лесная мне станет нестрашна... И будь я ведуньей лесной воспользовалась бы... Не от того ли он сняв рубашку спиной к окну обернулся, словно знал — приглядывать буду, да и увижу. Неужто настолько жизнь немила?

И тут со дна постучали.

Не ко времени постучали, да делать нечего — схватила блюдо серебряное, по нему яблоко наливное пустила катиться, да и ответила на зов ведьминский.

Стучала Славастена. Ведьма она была древняя, опытная, опасная. Она вот как раз в силу вошла мага убив, с тех пор даже Изяслава к ней прислушивается, и первая голову опускает при встрече.

— Чего хотела-то? — спросила я, снимая иллюзию и запирая дверь на засов одним движением руки.

Славастена тоже без иллюзии была — а потому встретил меня ясный взгляд зеленых глаз, насмешливо изогнутые губы молодой девицы, да рыжие косы, что Славастена носила неприбирая.

— Что ж ты такая грубая-то? — насмешливо поинтересовалась она. — Мала еще, старшим грубить.

Может и мала, да со Славастеной у меня свои счета были, от того и извиняться не стала.

— Твой бык-то? — насмешливо поинтересовалась ведьма.

И взмахнув рукой перед серебром, показала мне картину неприглядную — как идет маг королевский к спальне своей, как изогнулись губы его в кривой ухмылке, едва шум в спальне услышал, как дверь распахнул магией, руками не прикасаясь, да от всей одежды одним движением избавился...

Дверь захлопнулась, прикрывая обнаженный магический тыл.

Затем раздался рев. Для начала мага, под конец быка... Причем именно бык ревел обиженно и оскорблено...

— Да чего ж это деется?! — не выдержала я. — Да чего ж он со скотиной то беззащитной творит, бесстыдник!

Скотина оказалась далеко не беззащитной и в следующее мгновение мага вынесло из номера гостиничного вместе с окном. Маг, смущаясь присутствия многочисленных зрителей, в полете попытался одеться и одел — столб, дерево, окно на котором летел, и кузнеца Ивана, со всеми оторопело наблюдая за действием. А себя маг так облачить и не смог — видать летел слишком быстро, так что наземь упал в чем мать родила, на потеху мужикам и к смущению женской половины Веснянок.

А потом, прямо со второго этажа, на землю спрыгнул оскорбленный бык, который копал землю копытом, пускал пар ноздрями и пригнул рогатую голову, демонстративно намекая, что он этого так не оставит, и вообще очень даже лежащих бьет... Магу пришлось улепетывать обнаженным, одаривая на ходу одеянием всех, кроме себя — столбы в Веснянках еще никогда не были такими нарядными.

Когда парочка «орущий маг и требующий справедливости бык» исчезла за поворотом, Славастена вернула изображение, вновь продемонстрировав себя, и вопросительно вскинула бровь.

— Ну... — промямлила я, — так получилось.

— Да неужели? — издевательски переспросила ведьма.

— Я же не виновата, что бык обидчивый попался, — попыталась оправдаться хоть как-то.

— А кто поверит тебе, ведунья? — и теперь не только издевка в голосе ее была, но и угроза.

Практически угроза.

Чуть не сглотнула нервно, сама не знаю, как удержалась.

— Сделаем так, Весенка, — голос Славастены сладок стал как мед, — я тебя прикрою, и от совета, и от магов, от тебя лишь одного прошу — не сегодня-завтра по твоей территории обоз с невольниками пройдет — пропустишь. Пропустишь и Саврану слова не скажешь!

Так значит, да?

Очень медленно подняла руку, да и сделала то, о чем давно мечтала — показала фигу бывшей наставнице. Внушительную такую

фигу.

И глаза Славастены вспыхнули зеленым огнем.

— Пожалеешь ведь, — прошипела она.

— Так уже, жалею-то, — едко ответила я.

— Я тебя дуру, пожалела тогда! — прошипела стремительно стареющая ведьма.

— Ну так а я не поумнела, не видно что ли? — нагло спросила в ответ.

И остановила бег наливного яблочка, прерывая связь.

Посидела, сама не заметила, как задумчиво яблоко сгрызла, на сутки, не меньше, отрезая себя от всего мира. Может и к лучшему... Потому что не поумнела, нет. И тогда мимо несправедливости не прошла, и сейчас вот в нее же вляпалась да так, что выберусь или нет неясно.

Из печи высунулся домовой, посмотрел на меня, догрызающую черенок от яблока укоризненно, покачал головой и сказал:

— Ничему тебя жизнь не учит.

Даже отвечать не стала.

Поднялась, плащ на плечи накинула, капюшон на голову, иллюзию на лицо и руки, захватила клюку с артефактом раба подчиняющим и вышла на двор.

Охраняб мой ел сидя перед сдвинутым в сторону котлом и горящим огнем костра, в мокрой рубашке, некрепко держа тарелку, но с грацией орудуя ложкой. Меня он не услышал, сидел спиной к избе, да и шла я босая, но почувствовал — замер.

— Не оборачивайся, — приказала, убирая иллюзию.

— Что так? — хрипло спросил.

Объяснять не стала, предупредила только:

— Артефакт подчиняющий при мне.

Понял, сглотнул гулко.

Застыл, напряженно.

Я медленно подошла вплотную, прикоснулась ладонью к рубашке так, чтобы мокрая ткань обрисовала клеймо — едва ли я рискнула бы прикоснуться к нему напрямую. А так, через ткань, провела, касаясь каждой из пяти меток. Три оставили те трое архимагов, что оставались в королевстве последними, раз этот четвертый, а вот две метки... Одну магистр ставил, много сил в нее вложил, почти выгорел, а пятую...

того кто ставил пятую, последнюю, усиливая метку магистра, я не смогла определить.

Но стоило мне прикоснуться к ней — мага затрясло.

— Не бойся, вреда не причиню, — тихо сказала я.

— Не боюсь, — с трудом сдерживая ярость, произнес он, — но где твои когти, ведьма?

Я вздрогнула. Мгновенно отняла руку. Помолчала, а воинственно выдала:

— Так подпилила. Мужик же в доме, надо соответствовать.

Он усмехнулся.

А затем как-то очень странно сказал:

— Ты слишком хорошо вымыла котелок, ведьма. Он прямо сияет.

Меня пробрала дрожь. Очень медленно повернув голову, взглянула в сторону котла с похлебкой и увидела свое отражение — растрепанные волосы, виднеющиеся из-под сползшего назад капюшона, лицо девчачье испуганное, глаза широко распахнутые и ужас, который я, к стыду своему не скрыла.

— Да, меня тоже сползший на подбородок глаз напрягал меньше, чем это, — хрипло признался маг.

Я поняла о чем он — я ведьма молодая, в силу не вошедшая, то есть жертву еще не принеся. А тут вот он весь — в моей власти и целый архимаг. Убивай не хочу просто!

И ведь что сейчас не скажи — не поверит. Выглядит все слишком уж — и караван встретила, и себе забрала, и артефакт подчинения не забыла прихватить, а ошейник все так же на нем, и прикажи я на алтарь лечь — сопротивляться не сможет.

Почувствовала себя целой владельницей целого мужика!

Рабовладелица уже звучит гордо, а я теперь целая архимаговладелица!

Постояла, подумала. Сняла плащ с себя, откинула на ступени, с клюки сняла артефакт — демонстративно надела на шею, чтоб знали некоторые охранябы — кто тут хозяин, и, отправив клюку прыгать в избу, обошла мужика и села рядом.

Посидела, подперев кулаком подбородок, посмотрела на огонь, затем искоса взглянула на мужика и спросила:

— И как суп?

— Похлебка, — ответил он, все так же сидя с неестественно прямой спиной. — Хочешь?

Кивнула, прикусив язык, чтобы не спросить «А не отравлено ли?». Свистнула домовому, тот принес еще тарелок и ложек, себе из казана похлебки набрал и умчался в дом — он в этом лесу вообще гость незванный, потому у меня в домике и скрывается.

А вот мне архимаг похлебки налил, тарелку протянул, пристально за каждым движением следя. А едва я за ложку взялась, насмешливо поинтересовался:

— И даже не спросишь отравлено ли?

— Я хотела, — честно призналась рабу, — но решила тебя не обижать.

— Спасибо, добрая госпожа, — едко ответил он.

И видимо обиделся.

Из дома выскользнул домовый за добавкой, поцокал одобрительно, хваля повара, и умчался обратно в избу.

— Твой первый су... в смысле похлебка? — спросила я, осторожно набирая варево в ложку.

Пахло вкусно.

— Практически, — угрюмо ответил архимаг, у которого впереди была в лучшем случае смерть, в худшем безумие... а вообще-то у него впереди была я, и надо было бы ему как-нибудь на это намекнуть.

И вкус у похлебки оказался тоже потрясающим, я даже глаза прикрыла от удовольствия — вкусно. Давно я горячего такого не ела, соскучилась.

— Готовишь ты, — решила, набирая уже пятую или шестую ложку, я кажется, после первой счет потеряла.

Маг мрачно посмотрел на меня, усмехнулся и сказал:

— Ты ведь уже поняла кто я. Повар из меня не лучший будет, я уже лет сорок как не готовил в принципе.

Чуть не подавилась, укоризненно взглянула на него и честно призналась:

— Просто поверь, я готовлю хуже.

Подумала, и призналась еще честнее:

— И ведьма с меня примерно такая же. Никакая в смысле.

Теперь аппетит пропал у мага, а взгляд стал очень, просто очень напряженным.

Подтверждая его худшие предположения, добавила:

— Печать будем снимать.

— Дура, — тихо, но очень отчетливо произнес архимаг.

Пожала плечами, ничуть не отрицая.

Маг же, помолчав, спросил:

— Ты природная ведьма, да?

— Прирожденная, — поправила его.

Он отложил свою тарелку и схватился за голову. Понимаю, я бы на его месте поступила бы примерно так же. Ну или сбежала. Нет, я бы, наверное, сбежала... но у него ни шанса, на мне подчиняющий артефакт.

— И что ты видишь, глядя на меня? — хрипло спросил архимаг, зажмурившись до боли в глазах — я в отражении котелка увидела.

— Беду, несправедливость, боль, — нехотя ответила я.

Он стиснул челюсти, но затем, выпрямился, чем только подчеркнул свою худобу и немощность, и сообщил:

— Эту печать не снять. Поверь, и пытаться не стоит.

— Да, но дура я, еще и неверующая, — отозвалась беззаботно. — И снимем мы ее, серьезно снимем. Я же природная ведьма, так что рано или поздно, но снимем.

Архимаг посмотрел на меня так, что сразу стало ясно, где он видел меня, мою природную магию и в целом мою уверенность, я лучезарно улыбнулась в ответ, сверкнув иллюзорными зелено-желтыми клыками.

И вдруг реальность изменилась!

И я на архимага смотрела, а видела иное. Дорогу, темную, залитую светом наливающейся кровью луны, бегущую женщину с двумя детьми держащимися за юбку матери, да одним в прижатом к груди, мужчин, следующих за ней и падающих одного за другим... И хотя до моего заповедного леса оставалось две версты, решение пришло быстро — взмах рукой и дорога делится на двое, уводя женщину и детей в безопасность, тихий шепот ветра и из своей норы встает леший, а по краям дороги растут-поднимаются лианы с ядовитыми шипами. И пусть не мой лес, не моя заповедная территория, но...

— Что ты творишь? — яростный шепот моего охраняба.

Его я не видела, но протянув руку, сплела пальцы с его сильной ладонью, позволяя увидеть то, что вижу я.

И архимаг мгновенно сориентировавшись, сказал мне то, что уже и так знала:

— Это не твоя территория!

А то я не знаю!

— Слушай, не... — начал был маг.

Хрипло выдохнув, выгнулась всем телом, вливая дыхание заповедного леса в дорогу и ядовитые лианы волной слхлеснулись одна с другой, перекрывая преследователям путь.

— Лесная Ведунья! — послышался крик... знакомый мне крик.

— Не ее территории! — вторил ему тоже кто-то... знакомый.

Я улыбнулась.

Есть яды, что не вредят животным, а вот людям...

— Что же ты делаешь?! — взревел уже практически архимаг.

А по захваченной мной дороге распускались-расцветали источая яд кусты дурмана, росли и наполняли ночь ядом тысячей соцветий, падали с испуганных лошадей преследователи, теряли сознание преследуемые...

И падала на землю я, очень надеясь, что не костер.

* * *

В себя пришла неожиданно не на земле, что плохо — земля силу дает. А так очнулась я едва дыша, взглянула в синие глаза моего охраняба, и попросила:

— На землю положи.

Мужчина, стоявший со мной на руках, отошел от костра, и аккуратно опустил меня на траву. Отошел на шаг.

Вдох — меня выгнуло дугой, едва не ломая кости, выдох — и занывшая от боли спина касается всей поверхности почвы... боль отпускает. Одна боль. Та, что физическая... а вот другая терзает словно позабытый оголодавший зверь, вырвавшийся из клетки... «Не ее территории!»... да, голос я узнала. Не ждала, не гадала, что встретиться доведется, а жизнь вот оно как...

Медленно села, поджав колени к подбородку, обняла посидела, покачиваясь, да и позвала:

— Леший.

Подчиненный мой явился мгновенно — вылез по плечи из земли, на которой сидела, посмотрел вопросительно.

— Какая из изб охотников у нас еще держится кое-как? — спросила сходу.

— Из охотничьих — никакая, — ответил он, — ты ж охотников не жалуешь. Рыбацкие сохранились.

— Где? — уточнила я.

Леший, почесав шишковатый подбородок, вытащил из головы сучок, и нарисовал схему у излучья Зорянки. Указал на третью избу.

Молча кивнув, подозвала снова свою клюку, и едва та прискакала, взялась за нее, да не поднимаясь, оземь ударила — один раз — и заповедная тропа открылась женщине с детьми прямо возле нужной рыбацкой избы. Второй раз — и проход в мой лес закрылся для тех их преследователей, кто еще жив остался... осталось много, оно и не удивительно, с ними был маг. Магистр. Один из лучших магистров королевства. Третий раз удара клюкой заставил проснуться волков.

— Оттащить в охотничьи избы, — приказала я, помечая каждого из раненных защитников хлебной плесенью — она и раны затянет, и меткой станет.

И вот после этого с чистой совестью рухнула обратно на траву — спать и сил набираться.

Сквозь сон слышала сказанное охранябушкой:

— Может... в дом ее?

— Нельзя, — ответил леший. — Она лесная ведунья, ей силу лес дает и земля.

* * *

Проснулась я от того, что рядом воняло зверски. Воняло так, что глаза резало, и дышать уже не хотелось вовсе. Хотелось сдохнуть не просыпаясь! Но едва я попыталась отвернуться, как запах стал сильнее.

подавив рвотный позыв, распахнула ресницы и потрясенно посмотрела на охраняба, который держал у моего носа какой-то ужас, в котором явно пребывал экстракт всех ароматов разложения, которые вообще могли бы быть.

— Нюхательных солей у тебя нет, пришлось импровизировать, — сообщил мне раб, все так же невозмутимо травя меня отнюдь не благовонием.

— Все, я проснулась! — заорала не своим голосом.

Даже клюка дернулась с перепугу.

— Точно? — уточнил охраняб, вскинув бровь и не убирая пузырек.

— Да точно-точно! — подскочив, отодвинулась.

И огляделась — вечерело уже. Надо же, почти сутки проспала. Но все равно мало было, после такого оно самое то еще бы поспать.

— Я бы не будил, — ничуть не усовестившись деянием, произнес тощий архимаг, — но у тебя серебряное блюдо с яблоком уже часа два трезвонит, а преследователи там потихоньку лес твой рубят.

— Что? — потрясенно переспросила я.

Сжала клюку, да и рухнула обратно, поднимаясь вверх птицей. Птица была проверенная — мой черный Мудрый ворон. Древний, ему лет триста было, от того и вселяться в него было проще всего, и с самим Вороном можно было между делом поболтать.

«Ты заповедный лес вчера по всему кругу увеличила, — взлетая над деревьями, сообщила мне птица».

«Ой... — только и сказала я».

«Чего пугаться? Правильно сделала, — похвалил меня мудрый друг. — Русалки только рады. Кикиморы на Варговом болоте тоже. Люди не все».

И Ворон поднялся выше, почти под облака, позволяя мне увидеть, что заповедный лес дошел до стен Запядянки, и странные дела там творятся — люди выкапывают ростки деревьев в лесу, да вокруг домов своих сажают, самостоятельно и самовольно увеличивая территории моего леса. И понять то их можно — с территории Заповедного леса налоги не снимают, животные у меня на людей не нападают, и в целом — безопаснее. Деревья мои правда рубить нельзя, если только не сухие, но ветки и валежник собирать можно — так что люди по-

своему, по-простецки, решили что раз такое дело, то грех не воспользоваться.

Но то люди простые, а властимущим такое ой и не понравится, ой и шуму будет... в смысле попытаются теперь меня замуж выдать, ох и попытаются.

«На запад лети, — попросила я Мудрого».

Тому и лететь не пришлось, повернулся лишь, изменив направление полета, и я увидела... Рубить они начали основательно — за ночь подогнали из города даже не лесорубов — лесопильные установки, теперь вот пытались пробиться через ядовитый кустарник, сплетенный покрепче иной корзины для переноски тяжестей.

«Основательно взялись» — сказал Ворон.

Я бы кивнула, да он не услышит, а голосом ответить не могла — отсюда, с высоты птичьего полета, я смотрела на стоящих в отдалении красивую рыжеволосую ведьму и высокого светловолосого магистра... не ошиблась я вчера. Ох не ошиблась.

«Ближе не подлетай — заметят», — сходу предупредила я Ворона.

«Меня-то!» — начал он хорохорясь.

«Ближе не подлетай!» — с нажимом повторила я.

И отпустила птицу.

Некоторое время так и сидела на земле, пытаюсь осознать, что увидела.

Потом вдруг поняла — спала я укрытой. На мне одеяло было, из дому принесенное, сверху шалаш с занавеской, видать от солнца поставил.

В смятении посмотрела на архимага — тот кашеварил опять, в новом казане варя какие-то травы.

— Раков принесли, — сообщил он мне, и добавил, — русалки на рассвете заходили.

«Мужика почуяли» — мрачно подумала я.

Просто ко мне не приходили ни разу, водяной у них был главный, вот он да, захаживал по случаю, ну или я к нему.

— Леший был? — спросила у мага.

— Был, — кивнул он. — Баба с ребятишками в порядке, покормил мясной похлебкой, оставил им хлеба и творога твоего, не серчай. Мужиков кого подлатал, кого полечил, кого похоронил... Дороги они тебе были?

Что ответить-то?

Правду ответила:

— Баба эта с детьми — жена Саврана. Мужики — из его охраны.

Архимаг покивал, доставая красных готовых уже раков на крышку, вместо блюда... просто блюда у меня не было, и уточнил:

— А Савран кто таков?

Грустно глядя на раба, тише, гораздо тише ответила:

— А Савран сын кузнеца, это тот, у кого я тебя вчера купила, в обмен на проход по моему заповедному лесу.

И раки едва не упали на землю. Упали бы, но охраняб подхватил их в последний момент, удержал крышку, и с поварешкой в руке, обвинительно глядя на меня, произнес:

— То есть они тебе никто!

Это был интересный вывод из всего мною сказанного.

— Слушай, охранябушка, — я поднялась, тяжело поднялась, за клюку свою придерживаясь — больно уж мир нестабильным был, да пошатывался, — понимаешь...

Сделала осторожный шаг... не упала — уже хорошо, а то бывало и ползком до избушки добираться приходилось.

— Понимаешь, — уже увереннее произнесла я, — был бы ты раб простой, Саврану дали бы простой амулет подчинения, а не это вот!

И я сняла с шеи этот самый «это вот».

— Сам видишь, — держа его на ладони и подставляя лучам заходящего солнца, продолжила я, — это не дерево, не медь, не простая поделка для рабов. Да и простых рабов Савран не возил никогда — понятийный он, честный, ты остальных в его клетки видел — там все по своей воле, уходя от тяжелой доли крестьянина-пахаря. И тут ты. Да не с амулетом подчинения, а с артефактом силы немерянной, что не подчиняет — ломает волю. Может и не умна я, да сложить дважды-два дело не хитрое. Взять тебя Саврана заставили.

Архимаг тяжело посмотрел на меня, затем вернулся к делу нехитрому — доставать раков из казана, и лишь когда последнего достал, хрипло спросил:

— Значит, ты поняла, что он волю ломает. От того терпеливо ждала, пока не поднимусь сам и приказа не отдавала, да?

— Да, — просто подтвердила я.

И ушла, стыдливо не оборачиваясь, в свой нужный сарайчик.

Удивилась сильно оный не обнаружив, зато увидев другой, правее — новый, крепкий, не то что мой готовый от любого порыва ветра рассыпаться.

— Эээ... спасибо тебе! — крикнула архимагу, заскакивая в нужное место.

— Это тебе... спасибо, ведьма, — едва слышно отозвался он.

* * *

Когда вернулась, умывшись, охраняба своего на дворе уже не увидела, зато он из дома крикнул:

— Завтрак на столе.

Да как бы ужин уже, но чего уж спорить то.

Как оказалось на столе был и завтрак, и обед, да вот еще и ужин поспел.

— Чай нагрей госпоже, — приказал не оборачиваясь охраняб, ломая здоровенных раков.

Домовой тишком выскочил из печи, подогрел чай для меня, двух раков слямзил со стола, да и был таков. Маг на него даже не глянул. На меня не глядел тоже. А вот мне поглядеть было на что — стол стоял новехонький. Скамейки тоже. Кровать моя, там давно одна ножка отвалилась и я пенек приспособила, теперь же новехонькая кровать стояла, заглядение просто.

— Итак, — едва я села за стол, и принялась есть, начал охраняб учительским тоном, — значит вчера, одна не шибко умная лесная ведунья, влезла в дело, о котором точно знала — влезать не стоит!

И он мрачно посмотрел на меня своими синими, очень синими глазами.

— Ну влезла и влезла, с кем не бывает, — отмахнулась я, потягивая чай.

— С умными лесными ведуньями! — вынес вердикт... между прочим раб.

— Кто бы говорил, — съязвила я.

У мага дернулась щека, но он видимо считал ниже своего достоинства обсуждать собственные ошибки, поэтому перешел на мои.

— И сейчас преследователи людей Саврана рубят твой лес.

Пожав плечами, беззаботно ответила:

— Пусть рубят.

Маг вопросительно поднял бровь. Я все так же беззаботно ответила:

— Это Заповедная чаща, охранябушка.

— Ты хотела сказать — лес, — уточнил он.

Отрицательно покачав головой, от чего на лицо упали мои пряди нечесанные, пояснила:

— Я сказала то, что хотела сказать. Видишь ли лес — это одно. Он, хоть и заповедный, да добрый, проходимый, светлый и беззлобный. Это лес. А есть чаща, охранябушка. Это как у волка — есть шерсть, приятная, гладкая, нежная на ощупь... а есть клыки и когти.

Несколько секунд архимаг мрачно смотрел на меня, затем все же снизошел до краткого:

— И?

Коварно улыбнувшись, не менее коварно сообщила:

— И я бы не советовала лезть руками в пасть к волку. Ох и не советовала бы. Особенно к злему. А они разозлили.

И тут со дна постучали снова.

Я на охраняба выразительно посмотрела, палец к губам приложила, призывая к молчанию, да и ответила на вызов зеркальный, расположив блюдце серебряное так, чтобы видать было только меня, да стену темную за моей спиной. И лишь опосля пустила выросшее за ночь новое наливное яблочко.

Стучала снова Славастена. На сей раз на ведьме иллюзия была, да и грим нужный — от того взглянули на меня зеленые глаза щедро сурьмой подведенные, ярко выделяющиеся на фоне бело-фарфоровой кожи, в обрамлении черных прямых волос.

— Значит, в силу вошла, да? — прошипела Славастена.

И охраняб мой от звука ее голоса напрягся так, что даже дышать перестал.

— Ну вошла, дальше что? — зевнув, от того что спать хотелось мне, спросила нагло.

А Славастена зарычала, почитай, что зверь лесной раненный.

И уже без расшаркиваний, без лишних слов, прорычала:

— Где архимаг, тварь?

Я, спокойно себе пьющая чай, чуть не подавилась от такого.

А ведьма продолжила:

— Тебе что было сказано, оборванка беспутная? Саврана пропустишь! Пропустишь!

— Так пропустила же, — делая вид, что не обидно ни разу, спокойно сказала я.

И пока Славастена воздух ртом хватала, ехидно добавила:

— Только сделала я это девятью часами ранее, Славастена. И на моих условиях.

И победно отсалютовав бывшей наставнице чашкой с чаем, сделала маленький глоток, ощущая непередаваемый вкус сделанной гадости. Если бы ведьма могла проклясть меня через серебряное зеркало — она бы это сделала, действительно сделала... но она не могла, никак, от того ей оставалось лишь скрежетать зубами, и скрежет вышел славный.

— Где архимаг, тварюга? — прорычала она, подуспокоившись.

— Вспоминаем твою первую фразу... — с намеком протянула я.

А первой фразой ведьмы было: «Значит в силу вошла, да?».

— То есть ты убила моего архимага?! — взревела ведьма.

— Ага, — абсолютно невозмутимо соврала я.

«Убитый» нервно сглотнул, потрясенно глядя на меня.

— За артефакт подчиняющий волю спасибо отдельное, — мило проворковала я, явственно издеваясь над бывшей наставницей.

И по лицу вечно молодой Славастены пошла рябь, выражая высшую степень ее бешенства.

— А то знаешь ли, — продолжила невозмутимо, — он бы без него и наземь бы не лег, и сопротивлялся бы, а так вообще никаких проблем и целый архимаг — мой. Кстати.

Я сняла с шеи сохранившийся артефакт подчинения, разместила на раскрытой ладони, и на глазах у потрясенной Славастены медленно подул на магическую вещь — тяжелый серебряный предмет под дыханием ведьмы медленно истаял и уже лишенными силы серебряными ручейками пролился на пол... точно так же поступил ошейник на моем охранябе, но к чести мужика он не издал ни звука.

А вот Славастена захрипела, подтверждая, что артефакт был ее работой. Исключительно ее... и сейчас при гибели ее творения, она испытывала боль, причем отнюдь не моральную.

— Не люблю серебро, — стряхивая с руки последние капли, равнодушно ответила я.

Ведьма по ту сторону зеркала хрипела и едва не выла, отчаянно сдерживаясь.

— Знаешь, в чем проблема твоя? — глядя в ее наливающиеся колдовской зеленью глаза, произнесла я. — Ты не ведьма.

Это было самым страшным оскорблением в сторону любой из ведьм, но это же было истинной правдой в отношении Славастены... жаль, об этом знала только я. Ну и она тоже, соответственно.

— А кто поверит тебе, ведьма? — прошипела моя бывшая наставница.

— А это не важно, — подбрасывая яблочко и снова хватая его, ответила я. — Знаю я, знаешь ты, рано или поздно узнают все остальные. А к лесу моему руки не тyani, Славастена, отгрызу по локоть.

И я откусила от яблока, пристально глядя на содрогнувшуюся ведьму.

Содрогаться ей было от чего — одновременно со мной откусила и чаща... все пилы, все телеги с пилами и лесоповалочным материалом — всё. Людей только не тронула. Но это пока...

— Я объявлю тебя вне закона! — прошипела Славастена.

— Ой, серьезно? — притворно испугалась я. — А кого именно, Славастена? Меня, ведунью Заповедного леса, которая и так вне всех законов, или ведьмочку, что была под твоей защитой, а ты ее... скажем так «не защитила»?!

Она зарычала и повторила то, что меня уже бесило невероятно:

— А кто тебе поверит?!

Мы обе знали что никто.

Знали, но:

— Тайна, что известна двоим, рано или поздно станет известна всем, — уверенно сказала я.

— Ведьма, — презрительно обозвала Славастена, — все вы искренне верите в мировую справедливость, а что в итоге?!

Я прервала связь. Затем медленно сгрызла яблоко, мрачно глядя в серебряное блюдо, ныне отражающее лишь мое лицо.

«А что в итоге?!»

Я ведьма, а значит, я, как и все ведьмы, истово верю, что в итоге победит справедливость. Мы такие. От природы, от рождения, от крови... не знаю от чего, но мы такие. Ведьмы верят, что рано или поздно всем воздастся по заслугам. Ведьмы верят в справедливость. Ведьмы не могут пройти мимо тех, кто был несправедливо обижен. Ведьмы, мы... Славастена просто не была ведьмой. Она была магом. Одаренным, сверх одаренным магом, которая сумела обмануть круг при поступлении, которая до сих пор водила за нос всех честных ведьм, просто потому, что подобной бесчестности не могла даже мысленно допустить ни одна из нас. Мы верим друг другу. Привыкли верить. Мы знаем, что есть границы и табу, которые ни одна из нас не нарушит. Мы... а она просто не ведьма, и я узнала об этом слишком поздно.

И тут архимаг подал голос, тихо спросив:

— Славастена была твоей наставницей?

Грустно посмотрела на него, и не стала отвечать. Что толку отвечать, если и так все ясно. Не было смысла отвечать, да и говорить об этом смысла не было тоже.

Но охраняб считал иначе:

— Я слышал историю о том, что воспитанница Славастены сбежала за сутки до свадьбы со своим любовником. Любовника нашли... ведьму нет.

Молча кивнула, подтверждая, что слышал он обо мне, да.

Но архимага ответ не удовлетворил, и пристально глядя на меня, он тихо спросил:

— А был ли любовник?

Отрицательно покачав головой, я взяла чашку, поднесла к губам, и едва слышно выдохнула:

— Был друг.

И больше я не смогла сказать ни слова. Даже если бы хотела — не смогла бы. Просто не смогла бы. О таком не говорят, о таком горько плачут в тишине своего сердца. Только плачут, потому что сожалеть уже поздно.

— Это расследование вел я, — вдруг уведомил архимаг. — Я подтвердил тот факт, что вы были любовниками. Я нашел то место, где его поглотил лес.

Если маг хотел меня как-то поразить, или может напугать — напрасно. Я уже давно не чувствовала практически ничего по поводу случившегося... заставила себя не чувствовать. Знали ли мы, что ищейки считают его предсмертное воспоминание? Знали. Но это была последняя просьба умирающего Кевина, и я поцеловала его холодеющие губы, вложив в свой поцелуй всю благодарность к этому, так и не познанному мной парню. Это все, что я могла сделать в благодарность за спасенную жизнь.

— Каждый видит только то, что хочет увидеть, — грустно улыбнулась я. — Ты искал любовников, их и нашел, только и всего.

Маг, сидящий напротив меня, смотрел синими, пугающе синими глазами, и наконец произнес то, о чем видимо хотел спросить с самого начала:

— Почему лес поглотил его тело?

Как много было в этом вопросе... недосказанного. Я улыбнулась невольно, сделала еще глоток чаю, и спросила:

— А почему ты не избрал смерть, после наложения печати?

Щека мужчины дернулась, но это было единственным проявлением ярости, которую он подавил.

— Потому что мне не дали... умереть, — сдавленно ответил он.

Улыбнувшись чуть заметнее, тихо добавила:

— Потому что тело мага можно использовать... для различных целей. Ты об этом узнал слишком поздно, а Кевин... уже знал.

И я поднялась, убирая со стола.

— Оставь, сам уберу, — хрипло сказал мужчина.

Не отреагировав, продолжила складывать тарелки и спросила:

— Сколько умерло?

— Трое, — последовал ответ.

Помолчал и спросил:

— Что делать с ними будешь?

Пожав плечами, равнодушно ответила:

— Отпущу, как и всегда. Это заповедный лес, охранябушка, он всех принимает, всем помогает, но никого не держит. За бабой с ребятишками вернется через два денька Савран, думаю, покинут они королевство. К мужикам сама схожу сейчас, подниму на ноги, кого смогу, да Саврану дам знать, где искать охоронничков своих. Если захочет — пойдет к ним. А нет... так я ему не судья.

— Ты ему не судья... — эхом отозвался архимаг. — По его вине люди погибли, а ты ему не судья!

Остановилась у печи, повернулась к мужчине и спокойно сказала:

— Это наемники, охранябушка. Знали, на что шли, знали, за что деньги берут. Не Савран бы тебя вез, другому поручили бы — это ясно как день. Это понимаю даже я, и они тоже поймут. От Саврана зависит лишь — заплатит он им сверх меры, али нет. Но у него теперь жена с детьми, а возвращаться им некуда, жизнь придется строить заново, так что раскошеливаться или нет — ему решать, он мужчина, он глава семейства.

И я начала собирать еду, ту, что отнесу жене Саврана. В избах рыбацких многое есть — чайник, да чай, сахар есть, соль, перец, крупы — за тем строго следят. Что взял — назад должен положить, а коли нет возможности, деньги кладут, так что я опосля докупаю. Охотничьи вот запустила совсем, ну да и к лучшему, не хочу чтобы зверье мое стреляли, волкам и так впрытык хватает, увеличилось поголовье волчьей стаи в последние годы... много чего увеличилось в этом лесу за последние годы, сегодня вот и лес ко всему прочему увеличился.

Собравшись, я надела плащ, взяла корзинку с едой, клюку подхватила, и попыталась набросить на себя иллюзию... Вот именно, что попыталась! На руку свою посмотрела — тонкую, с белым запястьем, на пальцы с ногтями коротко стриженными, снова магию призвала... А она возьми, да и утеки! Вся, как есть! Вот только что была между пальцами, а тут оп — нет ее! Ни капли! Ничегошеньки! Вообще ничего!

Оторопело на руки уставилась, еще более оторопело в зеркало... да так и застыла. Потому что ведьму наколдовать я наколдовала. Хорошо так наколдовала. Так что и морда вся зеленая, и нос ого-го, и бородавка на носу с поганку размером, и зубы желтые редкие страшные, и подбородок острый, и все как полагается... одна проблема — плечи широкия, руки на груди сложились мраченько, выражение наколдованной морды — зверское.

— Ой, — только и сказала я, глядя на своего оведьмившегося охранябушку.

— Хорош? — издевательски спросил он.

— Да загляденье просто, — мгновенно соврала я.

И взмахнула рукой, убирая иллюзию. Хорошо, что на нем убирала — на нем сработало.

— Ты всю мою магию поглощаешь, — заметила, раздражено направившись за маской и перчатками.

Не люблю я их, с иллюзией лучше, ну да как есть, так есть.

— Сидеть дома, отсыпаться, ничего не строить! — скомандовала я охранябушке напоследок.

— Серьезно? — насмешливо спросил он. — Ведьма, ты на моих глазах уничтожила амулет подавления силы воли.

Удивленно моргнула, вопросительно посмотрела на мага.

Маг, рывком поднимаясь, пояснил:

— Меня здесь больше ничего не держит!

— А-а-а, — догадливо протянула я. Пожала плечами и посоветовала: — Еды возьми на дорогу. И у меня там шкаф за печкой — в нем где-то было несколько мужских рубашек и штанов, тоже возьми. Бывай, охранябушка.

И развернувшись, я, подхватив корзинку, вышла на двор.

За закрытой дверью, когда я уходила, хранилось тяжелое молчание. То ли осознал, что с печатью деваться ему некуда, то ли раздумывал, что с собой взять в дорогу. В любом случае — это Заповедный лес, насилу тут никого не держат. Лесная сила правда вмешаться может, но делает она это редко, да и в целом, вряд ли потребует кого-то конкретного для продолжения рода избрать, ну и вообще — там видно будет.

С этими мыслями я ударила клюкой оземь, открывая тайную тропу, и шагнула к рыбацким домикам.

* * *

Жена Саврана поселилась в первом из трех домов, оттуда доносился надрывный детский плач, а на ступеньках сидел грустный мальчик лет семи. При виде меня мальчик на секунду застыл, а затем поднялся, спустился с лестницы, и низко склонился до земли.

— Здравствуй, матушка ведунья лесная, — подражая голосам и манерам взрослых, уважительно сказал он.

— И тебе не хворать, — весело, девичьим голосом отозвалась я.

И с огорчением поняла — амулет, меняющий голос, дома забыла. Вот же напасть какая. Малыш не поднимаясь полностью, удивленно на меня глянул — но нет, перед глазами его была все та же старушка с жутким носом и поганками на плаще. Глазам ребенок явно доверял больше, чем ушам.

— Идем, — стараясь сделать голос старчески дребезжащим, сказала я, — с маменькой поздороваемся.

А малыш вдруг возьми да и скажи:

— Не до нас мамке сейчас, Митятка гибнет.

И на лестницу я взбежала, даже клюку позабыв — та не обиделась, поскакала дальше. А я вбежала в лавочку рыбацкую, глянула на девочку лет четырех, держащую таз с холодной водой, бледную, дрожащую, и только потом, на вздрогнувшую при моем появлении жену Саврана — малыша она обтирала холодной водой, умница, от того и орал он. Но даже с порога видно было — жар не спадает.

— Умная ты мать, жена Саврана, — с порога начала я, торопливо сдергивая перчатки с когтями и фальшивой зеленой кожей.

— Матушка ведьма лесная... — только и прошептала я.

А вот девочка с огромными зеленющими глазами проследила за падением моих рук ложных на пол, и не ведаю, как миску то с водой удержала. Позади меня в избу вошел мальчик.

— Сестру покорми, — сказала я, указав ему на корзину, которую тоже клюка подхватила. Говорю же — замечательная клюка у меня.

А сама, торопливо к ребенку направилась. Жена Саврана поднялась, уступая мне место и я, сев на краю постели, осторожно приложила ладонь к горячей, дьявольски горячей головке. От чего жар такой? Слишком сильный жар для дитя, слишком сильный для нервного потрясения, что пережил, а в остальном — здоровый малыш был, шести месяцев от роду, крепкий. С чем же организм его сейчас боролся так отчаянно пытаюсь выжечь заразу?!

— Не болел ведь, — смещая руку на грудь затихшего при виде моей жуткой маски ребенка, сказала я.

— Нет, не хворал, — подтвердила жена Саврана.

Я кивнула, принимая ответ, и спустила руку ниже — на животик. Спустила, да и вздрогнула — яд там был. Яд!

— Не своим молоком вчера накормила, да? — уже зная ответ, спросила я.

И ответ зная, и что молоко то не только дитяtko пило — то-то слишком бледным мне старший савранов сын показался...

— Подойди, наклонись, — приказала я женщине.

Та приблизилась осторожно, поклонилась, я ловко ладонь на ее лбу разместила — жар. Пока не явный.

— И ты молоко то тоже пила, — очень тихо сказала я.

Жена Саврана выпрямилась да и стала белая, как саван. Что ж, до савана их всех один шаг и отделял.

Женщина пошатнулась, опустилась на пол обессилено, и прошептала бледными губами:

— Свекровь-матушка принесла поутру. Сказала молоко в священном храме благословенное, от всех хворей и невзгод поможет...

Значит нет у Саврана больше ни матери, ни отца-кузнеца... Жаль, хорошие люди были. Очень жаль, да печалиться времени нет, нужно живых спасать.

Я клюку к себе поманила, а едва прискакала та, тихо приказала:

— Лешего позови.

Она кивнула и поскакала приказ выполнять. Не то чтоб я сама лешего позвать не могла, но далеко сюда идти, пока явится долго будет, а клюка ему сходу заповедную тропу откроет.

Дети на волшебство смотрели со смесью живого интереса и благоговения, а вот жена Саврана глядела только на меня. В глазах ее дрожали слезы, губы были белыми как у мертвеца, а спросить она боялась. Понимаю, о таком спрашивать страшно. Говорить страшно тоже, но я сказала:

— Тебя и старших спасу, а Митяя... не знаю.

Опустив голову и едва не взыв, женщина вдруг отчаянно попросила:

— Детей, детей спаси сначала!

Укоризненно поглядев на нее, спросила:

— Совсем сдурела? Ну спасу я детей, а кто о них позаботится? Детям мать нужна.

Женщина сникла. А затем тихо, едва едва слышно, словно ветер донес издали, прошептала:

— А Савран?

— Коли вернется в Заповедный лес пущу, из Заповедного леса куда нужно выведу... я не бог, женщина, — так же тихо ответила ей.

— Уля, — поправила она.

— Я не бог, Ульяна, — приняла своеобразное знакомство, и закрыла глаза, осторожно вторгаясь в тело ребенка.

Яд был в нем. Окрасил мертвым цветом стенки крошечного желудка, пытался прорваться в кровь, но кровь горела, организм старался сжечь заразу из последних сил. А сил тут требовалось... А примерно столько же, сколько и когда границы леса расширяла. Тут оно как — лес, это жизнь, и тут вот тоже жизнь...

Дверь распахнулась слишком резко — леший так не приходит. Не он и пришел — уверенную поступь охранябушки я различила, даже головы не поворачивая.

И когда он, пройдя в дом, поставил на пол деревянное ведро с ключевой лесной водой, лишь спросила насмешливо:

— Что, рубашки не нашел? Али по ночи в путь снаряжаться страшновато?

— А я теперь свободный человек, ведьма, хожу там где вздумаю. Рубашки нашел, спасибо.

Даже отвечать не стала — мои силы сейчас на ребенка шли, помочь смогу или не сумею — время покажет, но прежде чем за мать его браться и сестру с братом, хотя бы боль снять, да жар снизить немного — силы ребенку еще потребуются.

Архимаг постоял рядом, постоял, да и не выдержало сердце любопытное:

— Что с ребенком? Почему леший мне ведро отдал, а сам в лес кинулся?!

Тут уж я удивилась.

Держа ладонь на животике младенца, повернула голову, удивленно на мага поглядела, тот ответил напряженным взглядом синих глаз.

А в следующее мгновение видеть охранябушку я перестала, взглянув на лес глазами Ворона.

Птица сидела на верхушке самого высокого в лесу Мудрого Дуба, показывала мне, как вдали, в той части, где маги и Славастана на лес мой заповедный посягали — горит он. Лес мой! Заповедный! То-то

леший ведро магу всунул, а сам помчался деревья спасать, как-никак его вотчина.

— Ведьма, в чем дело? — раздался голос мага и меня тряхнули за плечо.

Мотнула головой, намекая, что слышу отлично, орать на ухо не надо, и позвала чашу. Заповедная не дремала от слова вообще никак, и ныне, под отвлекающий маневр своего псевдо-горения, кралась под землей, собираясь атаковать находящихся в неведении и абсолютно уверенных, что уничтожили зловерные насаждения магов.

И все бы ничего, но едва чаша нанесет удар, магию и силу для рывка она возьмет у меня!

И распахнув глаза, я, одну руку держа на ребенке, вторую протянула над ведром с ключевой водой и торопливо, быстро, вливая свою силу, сколько могла, начала читать заговор.

«Здравствуй при встрече,
Здравствуй при прощании,
Здравствуй в разлуке,
Здравием обернись возвращение».

Чаша ударила, когда я произносила последние звуки. Ударила лихо и радостно, со всем торжеством почуявшего крови хищника, вырвавшись из-под земли коснулась ног магов безобидными ростками и в стремительном росте оборачиваясь лианами, сплошь усеянными острыми шипами. И меня скрутило так, что не продохнуть ни выдохнуть, на чем сила держалась — не ведаю.

— Ведьма, что ж ты... — встревожился архимаг, едва я на пол на одно колено рухнула.

На оба не могла, если отпущу ребенка — погибнет.

Вот только и чашу звать, когда на младенце руку держу не самое верное дело — чаша у меня детей любит. В прямом смысле. Жуткой материнской любовью. Этой только волю дай — так заберет себе и вырастит, причем и молоком поить будет, и растить, и даже баловать. И не отдает. Пока дите не вырастит, вообще отдавать отказывается! Меня поначалу тоже все пыталась, да и сейчас... недалеко ушла.

Но делать нечего.

«Стой!» — взмолилась я, призывая чащу.

Зловредина остановилась, оглянулась на меня, словно бы через плечо на букашку мелкую и тут засекла дитяtko! В следующее мгновение смола с огнем, успешно имитирующая горение чащи, перекинулась на магов, которым и так приходилось не сладко, в том смысле, что вообще неприятно, когда по тебе растут лианы с шипами, а заповедная мгновенно оказалась тут.

И в единый миг над кроваткой склонилась условно обнаженная девушка. Очень условная девушка, потому что сплетенная из ивовых прутьев и покрытая листочками чаща в принципе девушку напоминала разве что изгибами. И вот это чудище, восторженно приоткрыв условно губы, склонилась над младенцем.

— Так, вот давай без этого! — потребовала я. — У него вообще мать есть!

Зловредина дернула плечом, демонстрируя все, что думает об этой матери, и протянула загибающие ручки к младенцу.

Вообще исстари лесные ведуны и ведуньи получались именно так — чаща подбирала брошенных в голодные годы младенцев, растила их, отдавая все тепло своей истинно женской материнской души, и вырастали ведуны как бы на грани миров — лесного и человеческого. Но голодные годы миновали, детей более в лес на смерть никто не выбрасывал вот уже много лет, вот чаща и тосковала, а потому оберегала вообще всех детенышей — то и дело периодически приходилось отбирать у нее оленят, медвежат, волчат, зайчат, а в последнее время даже птицы прилетали жаловаться.

— Не смей! — приказала я чаще.

Та выпрямилась, витые ивовые руки на груди сложила и с вызовом в пустых глазницах посмотрела на меня. Намекая на очевидное — а почему бы и нет?!

— У этого ребенка есть мать, — повторила я очевидное.

Чаща в ярости топнула ногой, не желая соглашаться с этим очевидным. Постояла, зло сузившими глазницами взирая на меня, и вдруг хлопнула себя ладонью по лбу, словно вспомнила о чем-то, запрыгала радостно, указала на меня, на стоявшего в некотором оцепенении мага, сложила ладони вместе недвусмысленным жестом, даже подвигала, имитируя явно зачатие, после чего обрисовала живот

на себе, указала на меня — ну чтобы если кто не понял, обозначила что речь о моем животе, и радостно запрыгала снова.

Даже у меня челюсть отвисла, что уж об остальных говорить.

— Господи помоги, — прошептала жена Саврана, и добавила, — мужику.

«Мужик» промолчал, но выражение лица у охранябушки стало непередаваемым, а вот мальчик проявив удивительную для его лет осведомленность, со вздохом произнес:

— Да, не повезло вам, уважаемый.

Архимаг очень выразительно посмотрел на меня.

А я поняла две очень важные вещи: первая — Лесная сила сплетница, и вторая — я попала. Еще я поняла, что очень зря давала чаще на почитать книгу о человеческой анатомии... дочиталась. И главное не возразишь же никак.

— Хорошо, если забеременею, так и быть возьму в няньки, — сдалась я.

Зловреднючая чаща, даром что заповедная, радостно запрыгала, с разбегу обняла оторопевшего архимага и вымелась из избы и далее проводить наказательно-обучающие мероприятия.

Когда за ней дверь захлопнулась, охраняб очень тихо произнес:

— Ведьма, а ты не могла бы...

— Чего не могу, того не могу! — сходу сделала я заявление.

И выдохнула с облегчением, едва появился леший.

— Ребенка возьми и пои водой ключевой, — приказала я.

Леший тяжелой громоздкой массой ввалился в избу, и сменил меня на посту удержания одновременно разных степеней контроля.

— Ребенка мог поить и я, — произнес вдруг архимаг.

— Не мог, — возразила, тяжело поднимаясь, — нет в тебе магии.

И встав над ведром с водой, я простерла над ним уже обе ладони и зашептала:

«По небу ветрами,
По земле ногами,
По ночи светом,
Дождем летом.
Вдохом полным,
Выдохом легким,

Криком рождения,
Счастьем свечения...»

И вода в ведре начала светиться легким зеленовато-бирюзовым сиянием. На самом деле страшные вещи творю — сплетаю воедино магию ведьм и магию леса, за такое меня бы с первого курса вышвырнули не глядя, но суровые времена требовали суровых решений.

— Начинай, — приказала я лешему.

И из ведра потянулся первый ручеек, маленький, чуть ли не каплями, в сторону ребенка. Я не следила — знала, что леший контролирует, чтобы каждая капелька попала в рот малыша. И продолжила, используя исключительно ведьминское заклинание:

«Ассарда кеанар,
Аруна аргевар,
Дейшар нэквахар,
Дайсун аграхар!»

И ведро забурлило, вода в нем практически вскипела от магии, а я приказала жене Саврана:

— Подойди, встань на колени между мной и водой.

И едва женщина заняла нужное место, приказала:

— Пей.

Я видела слезы в ее глазах, видела мольбу. Она словно вся, всем телом просила «Детей, детей сначала!». Но я не могла. Первой следовало спасти мать.

— Пей! — приказала повторно, притянув магией притянув кружку и швырнув ее на руки женщине.

И она начала пить. Захлебываясь слезами и рыданиями, пить, стараясь не смотреть на детей. А мне оставалось лишь следить, чтобы скверна, сейчас черным пятном пожиравшая ее желудок, была уничтожена... одна проблема — скверна уходить не желала.

Кружка, кружка, еще кружка, и еще...

Женщина уже едва ли могла пить, но каждый раз я, стараясь не смотреть на то, сколько воды осталось в ведре, повторяла:

— Еще.

Она пила. Но глупой жена Саврана не была, и видела как все меньше и меньше воды остается в ведре. Видела и понимала — ее детям практически ничего не останется.

— Я могу еще воды принести, — тихо сказал мне подошедший архимаг.

— Да и леший бы мог, вот только у меня на большее количество сил не хватит. Это ведро рассчитано конкретно под мои возможности, — хрипло ответила ему.

Женщина вздрогнула услышав это, подняла на меня заплаканные глаза, но мой приказ был неизменен:

— Пей.

Тьма покинула ее тело, когда от ведра оставалось меньше четверти.

— Все, — сказала я.

И женщина метнулась на улицу — вода волшебная, пока пьешь не ощущаешь, а как волшба схлынет... Рвало жену Саврана знатно, но никто из нас на такие мелочи внимания не обратил.

— Мальчик, — позвала я.

Сын Саврана насупился, он был смышленным мальчиком, все уже понял, и даже решение принял, сказав:

— Пусть Луняша первая.

У четырехлетней девочки шансов выжить было меньше... но я просто не могла об этом сказать.

— Или пьешь, или я тебя вместе с Луняшей в котел засуну, сварю и съем! — прорычала я.

Но мальчик стоял, и тогда я добавила:

— Луняшу съем первую!

Не знаю, подействовало бы это или нет, но тут вмешался архимаг. Он подошел к мальчику, присел перед ним, и сказал как взрослому:

— Луняша и твой братик маленькие, яд в них распространился сильнее, поэтому после исцеления им понадобится помощь. Ты помочь сможешь, а Луняша?

Мальчик судорожно вздохнул, прогоняя детские слезы, для которых считал себя слишком взрослым видимо, и сказал:

— Хорошо.

— Пей быстро, чем быстрее — тем меньше воды понадобится, — солгал ему маг.

Надо будет запомнить на будущее, что когда у него вот такое выражение лица — охранябушка врет, причем врет нагло и уверенно. Но естественно я лишь на миг обернулась — мне для дела нужно было, чтобы сын Саврана пил, он и принялся. И каково же было мое удивление, когда хватило всего половины кружки.

— Стой, — тихо сказала, вглядываясь в ребенка.

Скверну смыло даже таким количеством воды. Сколько он выпил — глоток, два?

— Молоко ты не выпил, да? — осторожно спросила у мальчика.

Мальчик опустил взгляд на мгновение, затем кивнул головой на стоящего рядом мага, и выдохнул:

— Нет. Ему оставил. Чтобы не хворал.

Вот так вот!

Искоса взглянув на охраняба, подумала, что так стыдно ему, наверное, еще никогда не было. Просто вот врешь и врешь в лицо ребенку, а он, оказывается, тебя помнит еще рабом и вообще тогда спасти хотел.

— Гхм, — прочистил горло архимаг.

— А ведь говорили тебе в детстве — врать плохо, — наставительно поиздевалась я.

Маг метнул на меня злой взгляд, и пошел за Луняшей. Девочка все это время сидела на стуле, сжавшись и, кажется, даже не шевелясь — только испуганные глазенки моргали. Луня не сопротивлялась, когда мужчина подхватил ее на руки, и когда поднес к ведру, но едва наполнил кружку и подал ей, девочка замотала головой отрицательно, отступила на шаг и ротик ладошками прикрыла.

— Пей! — сурово по-мужски сказал ей брат. — Пей, мамка без тебя жить не захочет.

Ох, солнышко, ваша мама без никого из вас жить не захочет — с грустью подумала я.

И пользуясь тем, что жена Саврана все еще была на дворе, сняла с головы шапку ведьмовскую, и маску зеленую, улыбнулась девочке и спросила:

— Хочешь стать красивой прекрасной?

Малышка удивленно моргнула.

— Вот я раньше была страшная престрашная, а потом выпила воды волшебной и вот! — я гордо поправила волосы.

— Нечесаная, — убрав ладошки от ротика, заметила малышка.

Замечательная какая малышка... все замечает.

— Так, а расческа сломалась, — соврала я.

Маг многозначительно хмыкнул, намекая, что не один он тут детям нагло врет.

— Так я свою дам! — всполошилась Луняша. — У меня гребень костяной, папка из заморской страны привез! Все-все расчесывает! Тебе поможет!

Теперь стыдно стало мне, да.

— Договорились, — шмыгнула носом расчувствовавшись, — а теперь пей давай.

На Луняшу ушло две кружки. В итоге воды в ведре оставалось совсем на дне, когда я повернулась к ребенку. И чуть не выругалась. Матом.

Потому что поил дите не леший, поила Чаша, которая за громадой лешего вполне успешно пряталась, и сейчас вливала в ребенка не только эту ключевую воду, но и молоко! И где только надоить успела?!

Причем заметив, что я ее засекла, Чаша моментом спряталась за лешего и, теперь не отсвечивала от слова вообще совсем никак — не выдавая себя ни единым листочком.

— Молоко откуда? — прошипела я, едва архимаг вынес Луняшку на двор, а мальчик убежал за ними — малышку мутило и я точно знала, что будет ее еще и тошнить.

Чаша осторожно выглянула, протянула руку и от нее ко мне мгновенно выросла лиана, коснулась моей щеки и передала зрелище: «Орущая баба, окосевшая коза, и убегающая в лес с кринкой молока голозада Чаша».

— Могла бы и прикрыться! — заметила я.

Чаша удивленно на меня уставилась, мол «а что такого, все так ходят».

— Ну я не хожу! — возмутилась я.

Безразлично пожав плечами, моя заповедная зловредина вернулась к попыткам отбить чужого ребенка. Есть такая фраза

«могила исправит», так вот — в отношении Чащи эта истина не работает!

— Леший, просто убери ее отсюда, — попросила я, напяливая маску обратно.

Потому что потом сил на это не будет.

Заповедная попыталась было ерепениться, но леший молча поднял ее на руки, молча понес к двери и так же молча передал на руки пытавшемуся войти архимагу. В следующий миг у мага сильно вытянулось лицо и я не могла винить его за это — у кого хочешь вытянется, если кто-то залезет к нему в штаны лианой, на предмет проверки осеменительных способностей.

— Можно я ее сожгу? — очень тихо спросил мужчина, к его чести стоически переносящий вторжение в свое интимное пространство.

— Нельзя, она бессмертная, — обрадовала я.

Архимаг развернулся и молча вышел. Леший закрыл дверь.

А я вздохнула и занялась ребенком.

* * *

Из избушки меня выносил леший. Как и всегда — перекинув через плечо и неся вниз бессильно болтающейся головой. Леший у меня вообще был свойский и никогда особо не церемонился, поэтому у меня и капюшон и шляпа были на завязочках с самого его появления в моем Заповедном лесу.

Нес меня леший как и всегда в лес под какую-нибудь сосну, под сосной я быстрее всего приходила в себя после осушения. А сейчас меня сила выпила досуха, я даже не имела сил сказать хоть что-то жене Саврана. К счастью и не пришлось — в доме возмущенно заорал уже совершенно здоровый младенец, и женщина поспешила к ребенку.

Это было последнее, что я видела.

К сожалению, не последнее, что слышала.

— Куда ты ее? Эй, с тобой говорят. Стоять!

И тут леший развернулся, да так что меня порывом ветра едва не снесло и прорычал:

— У-хо-ди! Беда от тебя, беда с тобой, беда за тобой!

И архимаг застыл.

А леший понес меня дальше в лес, отнес до сосны, уложил под нею, снял маску и перчатки, сел, как умеют только лешие, в позе пня замшелого, на меня посмотрел, вздохнул тяжело и мне не сказал ничего.

Я бы вот ему что-нибудь сказала бы с удовольствием, только не могла. Лежала, раскинув руки, и просила сосну поделиться силой со мной, моей-то не осталось. Сосна была старая и вредная, делиться не хотела и вообще послала бы подальше, не сиди рядом со мной леший — ему не перечили. А то сегодня ты ему скажешь «нет», а завтра тебя дровосеки «случайно в самый центр Заповедного леса забредшие» срубят... Леший у меня он такой — случайно-мстительный.

— Зазря ты охраняба моего обидел, — сказала я, едва говорить смогла.

— Зазря ты его в лес привела, — ответила мне лесная нечисть.

— Так я привела, мне и обижать, — напомнила лешему.

Глазастый пенъ посмотрел на меня, вздохнул и не стал ничего больше говорить. Ни когда я почти заснула, ни когда подняли меня с земли знакомые руки, да и понесли в сторону дома.

* * *

«Пришли...» — донес до меня ветер.

«Две ловушки поставили», — добавил шелест листьев.

«Вино принесли, на пне разместили-и-и-и», — добавил, подвывая волк.

Я проснулась и села, открыла глаза. Через ткань, закрывающую меня от солнца, пробивались назойливые лучи, лес гудел и шумел — радостный, дневной, приготовившийся к новому развлечению, я лежала у себя во дворе перед избушкой, рядом, в кресле, которого у меня раньше не было, сидел мой раб, и с невозмутимым видом читал мой учебник по охранительной магии.

— Чего проснулась? — не радостно спросил он.

— Дык ловить меня пришли, — сообщила, поправляя встрепанные волосы.

— Ммм, — отозвался охранябушка, — а я думаю, с чего все всполошились.

— Развлеченьице, — усмехнулась, поднимаясь.

И устояла с трудом. В смысле с шестом — ухватила за палку, одну из четырех, которую маг установил, для того чтобы надо мной полог устроить.

— Спасибо, кстати, — поблагодарила его.

— Пустое, — отмахнулся архимаг. — Так что — чай, завтрак или издевательства над неближними?

Недоуменно взглянув на него, признала, что:

— Все три пункта вызывают живейший интерес.

Маг улыбнулся краешком губ, поднялся и ушел в избу, у которой даже дверь скрипеть перестала, то ли смазал, то ли новую сколотил, с него станется. Вообще на удивление рукастый архимаг мне попался, насколько я знаю магическую братию эти без магией и пальцем не шевельнут, а охранябушка не такой... надо бы кстати имя его узнать.

С этими мыслями я, придерживаясь за заборчик, сходила в нужный чуланчик, от него придерживаясь уже за стенку, добралась до бочки с родниковой водой. Умывалась долго, опосля взяла расческу, кое-как волосы расчесала, а тут и охранябушка с завтраком подоспел.

* * *

По лесу шли быстрым шагом, я с завтраком и охранябушка с маской, перчатками и плащом.

— Я не понимаю, — довольно терпеливо для человека его положения, пусть даже и в прошлом, начал бывший архимаг, — для чего и зачем так развлекаться?

— Потому что это — раз-вле-че-ни-е! — по слогам, как маленькому объяснила я.

— Ведьма, тебе больше развлечься нечем? — спросил маг.

Ну, вообще-то было чем, но я соврала и сказала:

— Нет.

— Так поучилась бы, — сурово поучительным тоном, произнес охраняб.

А вот это было уже обидно.

— Ты лазил по моей избушке, — обличающее произнесла я.

— Домовой сдал твою учебную ведомость, — в свою очередь «сдал» домового маг.

— Да? Она нашлась? — сильно удивилась я.

Вообще ведомости и тому подобную отчетность ввели маги, будь они неладны. Это поганое веяние подхватили ведьмы, у которых до этого срок обучения был не сильно ограничен, а потом и Лесная Сила подсуежилась, хотя между прочим, у лесных ведуний и ведунов срок обучения вообще ограничений не имел! Бери себе и хоть лет сто сдавай все зачеты с экзаменами, не жизнь была, а сказка... была-была, да и вышла вся.

— Слушай, охрянябушка, — очень ласково начала я, — вот снимем с тебя печать, и иди куда хочешь, а я, между прочим, лесная ведунья, хочу учусь, хочу не очень!

Вот, а то понимаешь ли, учить он меня вздумал.

Маг только стрельнул синими глазами, сжал челюсти и говорить больше ничего не стал. И правильно, а то подошли уже совсем близко.

Я откусила от ломтя с хлебом кусь побольше, и пока жевала, натянула маску, шапку с париком, поправила поганки с мухоморами в накладных волосах, маг галантно помог надеть плащ, а следом и перчатки.

После началось самое интересное.

Я взяла клюку, ухватилась покрепче, и, закрыв глаза в своем теле, открыла в теле затрепетавшей на ветви сойке.

Ловушку готовили знатную.

Одну в другой.

Так под пнем, на котором сейчас стояла бутылка дорогого вина с королевских винокурен, вырыта была яма. Но вот падать в нее мне не довелось бы в любом случае — стоило лишь подступиться к пню, как я встала бы на траву, прикрывающую сеть... А вот сеть уже была примечательная, я бы даже сказала дюже интересная — сама по себе прочная, новая, она была прикрыта магией иллюзии, а значит где-то рядом тут был маг.

И сойка его не видела!

Рывком покинув ее тело, я переместилась в ближайшего черного ворона, и вот тогда разглядела весь масштаб заготовленной пакости.

Во-первых, тут был барон. Тот самый. Странно, что его теща не предупредила, старшему ее зятю помнится, ведьма сделала внушение

по всем правилам, а барон вот что-то распоясался. Все с тем же вторым сыном, он засел в кустах и выговаривал хмельному отроку:

— Девка она ладная, это я тебе со всей уверенностью говорю. Красивая даже девка. Волосы рыжие до талии, груди во! — барон обрисовал окружности, до которым и коровьему вымени было далековато. — Кожа белая, аки молоко молочное.

И тут рядом со мной раздалось нетерпеливое:

— Что там?

Дернув плечо, ответила, чтобы отвязался:

— Грудь мои великие обсуждают, и молоко молочное.

Поняла что сказала, открыла глаза уже в своем теле, взглянула на охранябушку, тот скептически смотрел туда, где грудь то особо и не было, если уж откровенно.

— Вот не надо на меня так смотреть! — прошипела, сжимая клюку.

— А может, мы тебе вымя приделаем? — с абсолютно серьезным лицом, предложил охранябушка, и в синих глазах заискрились смешинки.

И может и стоило бы стукнуть его, да посильнее, а только пользуясь тем, что под маской не видно, улыбнулась радостно. Ведь когда душа болит — смех, это первый шаг... к выздоровлению шаг, а выздоравливать магу придется долго...

— Тебе приделаем, — мстительно пообещала я, — будешь у меня дублером.

Архимаг вскинул бровь, и улыбка скользнула уже по его губам.

А я, вновь сжав клюку, рывком перенеслась в тело ворона.

Сеть была обычная, новая, видать только купленная, но в ней помимо иллюзии было и что-то еще, что-то что вызывало настороженность. Какой-то знак. Он мерцал в двух метрах неосязаемый даже для ведьмы или ведуньи, но черные вороны птицы особые — они видели, позволяя увидеть и мне.

— Что там? — маг прикоснулся к моему плечу.

Не открывая глаз, вычертила острием клюки на истоптанной тропке знак, и ощутила, как перехватил мою руку на последнем движении охранябушка.

Постоял, все так же крепко мою ладонь удерживая, и сказал:

— Это знак Ходоков.

Глаза открыла мгновенно. Потрясенно глянула на архимага, вмиг побледневшего, судорожно вздохнула и только спросила:

— Как?!

Маг не ответил. Да и не требовалось — сама все поняла. Ступив в сторону с тропы, тяжело опустилась на пенёк замшелый, и сидела теперь, нервно кусая губы. Это уже не просто охота за мной, как за нужной женой была, тут цель иная четко прослеживалась — им нужен был мой лес. Точнее — Заповедная Чаща и ее сила. А для чего — долго думать не надо, королевство ведет войну, на войне гибнут крестьянские сыновья да так, что вон в наложники массово подаются, а баронеты готовы даже чудище лестное в жены брать, так что дело ясное — нужна армия. Да такая, которой у Подгорья нет, потому что там магов хватает, ведьмы имеются, а вот Заповедных лесов ни единого.

Охранябушка подошел, сел передо мной на корточки, маску с меня снял, да и взглянул вопросительно своими синими, как летнее небо перед грозой глазами. Он тоже понимал, что происходит что-то паршивое, но не понимал всей сути.

— Знаком Ходоков накрывают обычно кладбища, если поднять их хотят, — проговорил он, переводя внимательный взгляд с моих глаз, на губы, которые я уже до крови искусала. — Объясни, зачем им это здесь, в Заповедном лесу?

— Из-за Заповедной чащи, — тихо ответила я.

Вскинув бровь, охранябушка с заметным сомнением поинтересовался:

— На кой им эта развратница?

Я вспыхнула, и от слов, и от обиды — нечего мою чащу обижать, она не развратница, просто детей любит!

— А потому что ты за бревном, леса не видишь! — высказала возмущенно.

Архимаг нахмурился, демонстрируя, что действительно не видит. И вот смысл на него обижаться?!

— Заповедная чаща — это защита Заповедного леса, — начала терпеливо объяснять я, — и моя защита.

— И? — все так же не понимал он.

Тяжело вздохнув, устало ответила:

— И если на меня знак Ходоков наложить, она примет удар на себя, и распределит так, чтобы всем терновым кустам досталось по капле — она чаща, она действует инстинктивно, а если на каждый охранный куст по капле яда, это ведь мелочь по ее мнению. Так что она распределит...

Договаривать я не стала, ему и не требовалось. Архимаг не зря был архимагом, он все понял:

— И они получают неуязвимую армию из подчиненных способных меняться, передвигаться на корнях и атаковать терновых кустов?

— Да, — прошептала я, — и плюсом — эти кусты будут невосприимчивы к магическим атакам, и даже пламени. Чаща, при необходимости, сумеет защититься и от первого и от второго.

Охраняб долго смотрел на меня своими синими, внимательными глазами, затем глухо спросил:

— Но для того, чтобы управлять чащей, им сначала нужна ты, так?

Я кивнула.

Собственно скрывать смысла не было — ловушку они на меня очень наглядно расставили.

— Так, — маг поднялся, постоял, нехорошо глядя в сторону ловушки, после чего выдал: — Раздевайся.

Я как сидела... да так и осталась сидеть.

— Да раздевайся, говорю, — потребовал мужик, который еще недавно на ладан вообще дышал.

А теперь вот взял и... натянул мою маску на себя. Неожиданно так. Молча сняла перчатки, потом встала, помогла охранябушке с плащом. Плащ был ему короток, пришлось порезать его край на живописные лохмотья, а сапоги мужские маскировать мхом, но в целом, когда закончили, чудище лестное, в смысле ведунья леса, стала на голову выше, в плечах пошире, шагом поувереннее.

— Ключи мне не надо, палку похожую подыщи, — потребовал он... она. Хотя он, а что бывали ведь и лестные ведуны, очень даже были хозяйственные.

Вот и этот хозяйственно приказал:

— Следи за руками, как только махну — спускай на них зверья мелкого, можно птиц, только живых.

— Да я мертвыми управлять и не умею, — мгновенно сообщила я.

Жуткая зеленая маска с хищным крючковатым носом по идее не могла передавать эмоции, но на охранябушке передала, да еще как — я себя просто неучем почувствовала.

А опосля «лесная ведунья» окинула меня насмешливым взглядом и двинулась на моих захватчиков.

Глядя ему в спину, я подумала, что надо бы, во-первых, поправить один из мухоморов, он почти отваливался уже, пришить бы покрепче, а во-вторых, какой рукой махать будет? Как махать будет? Не условились же конкретно!

Но и спрашивать было неловко.

Опустившись на пень обратно, я тихонечко позвала для начала лешего, привыкла уже к нему, да и спокойнее с ним, опосля кота Ученого, просто если не позову, он мне потом не простит, а вот Мудрый Ворон прилетел сам, он всегда заварушки чувствовал.

— Ой, что сейчас будет, — грызя ногти, простонала я.

Моя бравая команда тоже не знала, что сейчас будет, так что интересно было всем, но смотреть послали ворона — у него зрение получше, так что ему и смотреть. А нам видеть, потому как связаны внутренним лесным зрением.

И тут леший выдал:

— Там, в подлеске, под оврагом, еще два мага торчат, и артефактор поглотитель.

Мы бы переглянулись, но уже следили за происходящим глазами ворона. А Мудрый ворон, нагло неоправдывая свое звание мудрого, вместо того чтобы свысока, поодаль смотреть за всем, чтобы у нас полная картина происходящего имелась, взял, да и слетев вниз, устроился на плече хмыкнувшего охранябушки.

— Ты, друг, случаем не ошибся? — мужским низким голосом поинтересовался маг у ворона.

— Вороны не ошибаются, — важно ответила ему не самая умная птица в мире, предоставляя нам теперь не самое четкое изображение с высоты птичьего полета, а подергивающуюся при каждом шаге охраняба картинку.

Леший вздохнул и спросил у меня:

— Может курицу заведем, все полезнее будет.

— Точно, — неожиданно согласился с извечным соперником кот, — по крайней мере, яйца нести станет.

Мудрый Ворон нас слышал, и мстительно сузил глаза — вороны вообще существа мстительные, особенно мудрые. Чувствую хана теперь и коту и лешему.

Но хана пришла не к нам!

Хана наступила ворюгам!

Первое что сделал маг, едва к нему, вышедшему на поляну кинулось пятеро «загонщиков» с ног до головы обвешанные защитными амулетами, причем буду откровенно — даже я бы с такой экипировкой не справилась, охранябушка лишь лениво крутанул клюшкой и...

И у нас у всех отвисли челюсти, пасти, рты, а у ворона, который перелетел на ближайшее дерево даже клюв!

Магия?

Да какая ко всем чертям магия?! Охранябушка расшвырял их как котят, причем троих аккурат в заготовленную ловушку, а двоим попросту переломал ноги, после чего остановился, в окружении стонущих и посыпающих проклятиями, и с каким-то даже высокомерием, оглядел ближайшие кусты.

Как выяснилось, остановился не зря.

Секундная задержка, всего лишь секундная, и из-за кустов, которые давно подпилили и держали исключительно для маскировки, выступил отряд! Отряд. Человек в сорок, которых я вообще не видела и не увидела. Да и в целом едва ли что-то смогла бы сделать с ними сама, без призвания Заповедной чащи, что тоже было бы не слишком умным поступком, ввиду имеющейся тут ловушки.

У меня даже слов не осталось! Заявились неведомо как на территорию МОЕГО леса! Пусть на пол мили всего продвинулись, но это МОЙ Заповедный лес, я бы знала сколько тут находится посторонних, я бы...

И тут охранябушка сделал пасс рукой.

Мы все застыли, глядя на него. И почему-то показалось, что мужчина под маской вдруг скривился, явно чем-то недовольный.

Полсекунды и он вновь махнул.

Мы сидим.

Охраняб щелкнул пальцами...

Мы нахмурились, особенно я, потому как — ну вообще нереально щелкнуть пальцами при условии, что они в перчатке, к которой еще и

когти приделаны.

Охраняб повернулся и выразительно посмотрел на ворона.

— Слушай, мне кажется, или он сейчас знак подает? — спросил вдруг кот.

Точно! Вспомнила! Сказал же языком человеческим: «Следи за руками, как только махну — спускай на них зверья мелкого, можно птиц, только живых». И как только позабыть умудрилась?!

И я, раскинув ладони, нараспев произнесла слова призыва:

— Как роса поутру,
Как звезды по ночи,
Как ручьи в реку,
Так и ты, зверье, ко мне мчи!

И затрещали мелкие ветки под сотней ног, зашелестели листья на деревьях и кустах, пропуская зверье лесной да птиц свободных, а после стихло все!

И вот сажу я на пне, леший тишком рядом пристроился, кот давно ко мне на руки забрался и... мы на зверье лестное смотрим, они на нас, мы на них.

— Не туда позвала, — уведомил кот.

Ну, в чем-то он был прав.

Я снова раскинула руки да и запела:

— Как роса поутру,
Как звезды в ночи,
Как ручьи в реку,
Так и ты, зверье лесное, к охранябушке мчи!

Олени смирили меня презрительными взглядами, волки посмотрели так, что сходу стало ясно — мы еще встретимся, где-нить зимой темной, но точно встретимся, а птицы решили нас с лешим и котом сильно удобрить, видимо заботясь о нашем росте, но им не повезло — леший всех нас прикрыл стремительно увеличившимся в размерах лопухом, и этим срулям в полете пришлось ретироваться несолоно хлебавши, в смысле нас не загадивши.

Но в любом случае все помчали.

Не так споро, как в первый раз, но очень вовремя прибыли — охранябушка танцевал с шестом как даже не знаю кто, но я лично точно так не умела. И клюка в его руках становилась орудием, крайне опасным орудием, я бы даже сказала многофункциональным. Он одной этой клюкой отбивался от стрел прямо в полете, от копий, от мечей, что двуручных, что кривых по восточному типу, да даже некоторые щиты проламывал на раз!

Так что в целом я не уверена, что в данном случае зверье лесное спасло охранябушку, мне напротив показалось, что прибыли они аккурат во спасение напавших. Ну и слегка были шокированы кратким приказом архимага:

— Гнать прочь! Не убивать.

И самое что интересное — вот мне волки завсегда перечили, порой вообще гордо и игнорировали, а тут вожак рыкнул согласно, да и помчался на гостей незваных. И гнали они их, ох как гнали, даже эта троица с переломанными ногами по-пластунски бросилась наутек.

А вот маг весь интерес к бегущим утратил в то же мгновение — он развернулся, подошел к сети и теперь смотрел, как знак «Ходоков» оплетает трех жертв, словно паук в кокон муху закручивает. Так и эти трое — они еще орали, когда черная паутина сети сковала их по рукам и ногам.

Недолго это длилось — минуты не прошло, опустилсся архимаг на одно колено, ладонь к земле приложил, за и зашептал что-то свое, ведьмам неведомое, и слова его в свете солнечном красноватой огненной вязью заискрились, заискрились, да и упали, поджигая дары для меня принесенные, сеть рыбацкую магией напоенную и тех троих, что жизнью своей за чужой грех расплачивались. В общем, и эти трое выжили, да и кинулись наутек со всех ног... рук... ползком... подвывая от ужаса, и прочь...

* * *

Когда охранябушка возвратился, мы смотрели на него... как на бога. Мы все. Даже олени вернулись, и волки с ними, и птицы больше в полете не гадили — мы восхищались. Мы восторженно смотрели как

он пришел, как молча вернул мне клюку... которая, и мы теперь это знали, была способна на многое, как снял с себя нос, маску, перчатки, плащ, с неспешностью воина, что уже завершил бой, и даже не вспотел в процессе...

Архимаг стоял в лучах солнца, и светился... светился... светился...

И это было так прямо ОГО!

Прямо совсем.

— Ведьма, — маг сдул прядь упавших волос с лица, — я так понимаю, суть нашего соглашения меняется?

— В смысле? — удивленно моргнула я.

Синий насмешливый взгляд и издевательское:

— Ты гарантировала, что не будешь приставать ко мне как к мужчине.

И усмешка, растянувшая тонкие губы.

Ореол поблек мгновенно!

— Ах ты... — начала было я, поднимаясь.

— Ну вот, другое дело, — хмыкнул он, полуиздевательски усмехаясь и дальше, — успокоилась? Ты знаешь, облик восторженной дурочки явно не твое. Ну что, пошли домой?

Гад.

Я шла вслед за своим между прочим рабом, который насвистывал что-то веселое, перекинув мой плащ через плечо, и клюку тоже забрал. И выглядел он даже не то чтобы победителем — самым победительным победителем из всех!

А по сторонам от него, иногда забегая вперед так же гордо шли волки. И птицы летели сверху, и да — не гадили. И даже олени держались хоть и поодаль, но все же рядом. И только мы с котом, лешим и вороном как идиоты плелись в конце процессии.

— Нет, ну вот как это называется? — возмутилась в итоге я.

— Это называется мужик, — ехидно подсказал кот.

— Архимаг, — добавил Мудрый ворон.

— Исчезли! — прошипела я, этим двум предателям.

— Да чего ты так? — улыбнулся во все клыки кот. — Хороший же мужик, Чаща Заповедная одобряет.

В этот момент мой верный друг леший взял кота за шкурку двумя пальцами и зашвырнул так далеко, что кот впечатался в дерево и

принял умное решение оттуда не возвращаться. Ворон же не зря именовался Мудрым — он совершил мудрый поступок и ретировался сам.

Мы с лешим продолжили идти с чувством глубокого морального удовлетворения.

Минут на пять нас хватило, а дальше не до удовлетворения было.

— Это что ж делается-то? — выдохнула я.

Ученый кот тут же выскользнул из ближайшего дерева, и зашагав рядом с нами, мрачно произнес:

— Недобрые дела, вовсе не добрые.

— Оно понятно, что недобрые, — расстроено цокнула, — но мы ж последний заповедный лес на сто дней пути вокруг! Да и лес — не почувствовала я их! Вторжение только, а сколько, кого, как? Ворожбу, опять же, не призаметила.

Мои други-соратники тоже приуныли, и стало ясно — и леший не ощутил, и кот, и даже ворон.

— Может ведьмак с ними? — вдруг предположил леший.

Ведьмак?.. Коли ведьмак, это многое бы объяснило, например то, что я ворожбу в собственном лесу не почувствовала. Да только откуда ему взяться-то, ведьмаку? Славастена в свое время все пыталась сына своего ведьмаком сделать, да только тут дело в чем — ведьма, только ведьма, родить ведьмака и способна, а она... не ведьма она. Не ведьма вовсе.

— С Изяславой поговорить нужно, — решила я.

— Думаешь, не ведает она? — спросил Ученый кот.

— Думаю, что нет.

И я пнула веточку с тропинки. Изяслава хорошая ведьма была, правильная, да только имелся у нее один недостаток — влюбилась она. И не в кого-нибудь, а в самого короля, с тех пор... Оно как — ведьмы должны независимость хранить, а коли полюбишь, да так чтобы всем сердцем... То и вышло в итоге, что сама королевская ведьма перед Славастеной голову опускала. Обидно. И то еще обидно, что коли не знает Изяслава, это еще не значит, что возмутится. Для короля сейчас победа важнее жизни, а для нее важнее жизни сам король, так что...

— Все равно поговорить нужно, — решила я. — Не дело это все.

Как до избушки дошли, охранябушка зверье лесное выгнал... в смысле отпустил милостиво, а я задумчиво мимо прошла, поднялась по ступеням скрипнувшем, в избушку вошла, за стол села, серебряное блюдо достала, яблоко.

— Ты что делаешь? — поинтересовался вошедший следом маг.

— С начальством говорить буду, — призналась со вздохом, взявшись за расческу и пытаюсь причесать до приличной прически лохмы свои.

И уйти бы этому «мужику», но нет, в проходе стоит, свет затмевает.

— Это с каким? — ехидно поинтересовался архимаг. — Чай Лесная сила не по блюдцу с тобой разговаривает.

Молча на дверь ему указала, да и пустила яблочко наливное, запасное, по блюдечку крутиться, призывая, преодолевая сопротивление пространства, связывая меня с той, кто, сейчас пост Верховной занимал.

Изяслава ответила не сразу.

Уже и блюдо зазвенело, и я ждать устала, и даже охранябушка плечом к дверному косяку привалился, и лишь после из блюда раздалось удивленное:

— Веснянушка?

Вот только по обращению возраст ведьмы и вычислить можно — ласково-уменьшительное, как с маленькой разговаривала. Но я и была для нее совсем маленькой, мне то что, едва ли двадцать стукнуло, ей — сто двадцать, о чем король в свои сорок с небольшим едва ли догадывался. Изяслава была красива. Огромные темно-зеленые глаза чуть заужены, с черными длинными ресницами и пристальным кошачьим прищуром. Двигалась ведьма с грацией хищника, практически врожденной — Изяслава в силу вошла убив волкодлака, а потому грация у нее и была хищная, опасная. Почти восемьдесят лет Изяслава правила ведьмами, сильная ведьма, и в то же время правильная, справедливая, расчетливая, честная.

А потом влюбилась.

Как девчонка юная. В результате взошел на престол не старший сын и наследник, а младший — оболтус и бабник... ну судя по слухам. Сама я судить не могла, меня тогда еще не было. Но что сказать точно можно было — влюбилась ведьма, влюбилась да так, что ни жить ни

спать без княжича не могла. Любила ведьма страстно, слепо и безответно практически. Молодой княжич поиграл да бросил, увлекшись очередной красавицей, а ведьма на глазах сохла, а потом тоже бросила... все королевство к его ногам.

Ведьмы тогда ни одна супротив ничего не сказали, решили, что так оно и надобно. Что заглянула Изяслава в самое будущее, что беду от королевства отвести хотела, что... Доверяли мы, ведьмы, друг другу, вот в чем проблема. И я доверяла. Ни мысли же супротив того, что королевская ведьма любимому помогает никогда не возникало.

Никогда.

До сего дня.

И на Изяславу я посмотрела уже не как ведьма, что и возрастом младше, и умом скуднее и преданна до последнего вздоха, на Верховную ведьму я посмотрела как равная, а и была равной, ведь у лесной ведуньи из начальства одна Лесная Сила, и ведьмы нам равны, какого бы статуса не были.

— Что происходит, Изяслава? — прямо спросила я.

Темно-зеленые, красивые как у иной кошки глаза, мгновенно сузились. И ушла, порывом ветра, что задувает огонек свечи, ушла и приветливость, и ласковость, и обращение доброе. Изяслава поджала губы, взирала на меня изучающе, пристально, взглядом плохим, опасным.

— А ты, говорят, в силу вошла, — произнесла недобро.

Охраняб мой тихо на скамью сел, к разговору прислушиваясь, и вроде ничего ж не сделал, а спокойнее мне от его присутствия стало. Увереннее. Как-то надежнее.

От того и ушел страх перед Изяславой, был раньше, да весь вышел.

— Вошла, — подтвердила я ложь, Славастене сказанную.

И вот уж не знала, что у Славастены с Изяславой дружба близкая, вовсе не знала, на душе неприятственно стало так.

— И не дрогнула рука-то, раба безвольного убивать? — язвительная Изяслава... даже не ведала, что она такой может быть.

— Не дрогнула, — холодно ответила, пристально на Верховную ведьму глядя. — А должна была?

Презрительно усмехнувшись, Изяслава ответила:

— Должна была бы, если бы ты ведьмой была, а так... Права оказалась Славастена, не ведьма ты, и никогда ею не была.

Обидные слова, несправедливые и обидные.

И обиделась бы, да только, мелочь тут одна имелась:

— А давно ли ты ведьмой перестала быть, Изяслава? — тихо спросила я.

И побледнела Верховная, лицо белое словно полотно стало. А потому что — будь ведьмой она, она бы увидела — и правду во мне, и обиду незаслуженную, и то, что я ведьма. А раз не увидела... значит больше не ведьма.

И мне о страшном подумать пришлось — чтобы людей незамеченными в лес провести, это ведьмак нужен. А ведьмаки вид почти вымерший — ибо родиться ведьмаком невозможно, ведьмаки это мутация и сила... которую ему только ведьма может отдать!

— Кто ведьмак, Изяслава? — голос мой до шепота упал. — Кому ты силу свою отдала?

Но Верховная не ответила.

Потускнело серебряное блюдце, упало на стол и начало медленно чернеть наливное яблочко, отрезая меня от связи с ведьмами, да только — руку протянув, коснулась я плода лесной яблони, и зарумянилось яблоко вновь, засияло, силой наполненное.

— Что делать надумала? — вдруг спросил архимаг.

— Недоброе, — не знаю зачем ответила ему, могла бы и не отвечать. — Недоброе, да верное, справедливое.

Синие глаза охраняба смотрели пристально, взгляд был предостерегающим, и словно в воздухе читалось «Не лезь в это, дура». Да только проблема в том, что ведьма я. Не могу мимо несправедливости пройти, и смолчать не смогу.

А потому закрутилось вновь наливное яблочко по серебряному блюдцу, завертелось стремительно, разрывая пространство и пути магические, и от ведьмы к ведьмам понеслось истинное: «Славастена — маг, ведьмой никогда не была. Изяслава ведьмой быть перестала, силу свою ведьмаку передала, по наущению ли, или от шантажа мне не ведомо. Я, ведьма Весяна, слово мое верное, я правды требую».

И рухнуло на стол мое наливное яблочко, мертвым рухнуло. Покрылось трещинами серебряное блюдце, опустошилась душа.

Дело мое было верное, да, вот только предшествовало ему два неверных — трусливо промолчала я, в лесу Заповедном скрывшись, о том кто такова Славастана по сути, и трусливо я скрыла то, что жива. Кто знал меня, все поверили — сбежала глупая Весяна, прямо перед свадьбой своей сбежала, променяла славного могучего златоволосого мага Тиромира на слабого да неприметного Кевина, и сбежала с любовником аккурат перед свадьбой. Дура девка, такую глупость сморозила, и махнул на меня рукой весь ведьмовской мир. А ведь могла тогда правду сказать, могла бы. Пусть не все поверили бы, а все равно — каждая природная ведьма ощутила бы, несправедливость висит надо мной, страшная, темная, чудовищная. Ульгерда вон почувствовала, теща нашего барона, сама ко мне пришла, с избушкой помогла, слезы вытерла, а я и рада была, скрылась от всех интриг, и на душе легче стало.

А теперь каково тебе на душе, ведьма?

Паскудно там. Ох и паскудно. Дело мое правое и правду я сказала, да только я по общей связи слова передала, их все услышат... Да только Лесная Сила она о лесах заботится, ей на дела мирские плевать, а вот на обман мой нет.

И потому я лишь вздрогнула, когда раздалось над лесом разъяренное и землю стрясаящее:

— Ведьма!

Выглянул из печи испуганно мой нелегальный домовый, на столе кот ученый материализовался, из пола вылез наполовину леший, на раму оконную сел Мудрый ворон, встревожено смотрел на меня архимаг, а я... сидела и с мыслями собиралась.

То что прогонит меня из заповедного леса Сила Лесная это я знала, точно прогонит, глупость я сделала, спорить не буду. Да только и сдаваться не буду тоже. Мой это лес! И лес Заповедный мой, и Заповедная чаща тоже моя! И никто лучше меня о них не позаботится, в этом даже сомнений нет. И как бы не гневалась Сила Лесная — а на моей стороне правда и благополучие леса этого, на моей ведь! Зверей защищаю, лес берегу, нечисть привечаю — с обязанностями, стало быть, справляюсь, а то что ведьма...

Встала стремительно, на порог вышла, на ступень спустилась, прямо, смело, решительно в глаза Силе взглянула и ответила наглуую ложь:

— А я природная!

— Но ведьма! — пророкотала грохотом грозы Сила Лесная.

— Но природная! — отступить не собиралась.

Руки на груди сложила, подбородок вскинула. Страшен лик Силы Лесной, да только я и пострашнее вещи видела, а бояться... устала я бояться. И потому смело смотрела на суровое лицо, что из крон могучих дубов выступало зелеными очертаниями, смело и сказала:

— Это МОЙ лес! МОЯ чаща! Мой дом! Леший мой! Кот-ученый мой! Мудрый ворон мой!

Но Лесную Силу не проведешь.

— Домовой тоже твой? — гневно спросила она.

И вот вроде как Сила Лесная это «она», а лик и голос мужские, страшные, никакого в них сочувствия, никакого понимания.

— И домовый мой! — а признаваться так признаваться. — Ежели дом есть, то и домовому стало быть можно быть!

Приздумалась Лесная Сила. Взглядом сверлила недобрым, пристальным, нехорошим, изучающим, да и как скажет:

— А архимаг заклеянный в доме твоём, тоже твой?

А вот это уже «ой», потому как если скажу да, то погонит его прочь Лесная Сила, как есть погонит, уж кому как ни Силе Лесной знать, как опасны заклеянные архимаги, а потому... промолчала я, но взгляда не отвела, подбородок не опустила.

Сила Лесная обзавелась рукой-ветвью дубовой, свой подбородок почесала задумчиво, да и высказала:

— Ведьмы решили, что ты в силу вошла заклеянного архимага убив, но вот он живой-невредимый стоит за спиной твоей, и магии в нем не должно быть, а как-то портал уже смастерил, охранябушка твой, да готов при первом намеке на опасность, спасти и тебя, и помощников твоих.

Я обернулась удивленно — права была Сила Лесная, стоял там охранябушка. И правой рукой, кончиками светящихся пальцев, удерживал портала плетение, а каким образом — и не ведаю. Но у портала этого были исходные точки — одна сияла на мне, одна на домовом, что из-за двери выглядывал, одна на Мудром вороне, одна на Коте-ученом, одна на лешем... на архимаге точки не было, себя он спасти не собирался.

— Хорош мужик, — протянула вдруг как-то странно и пугающе Сила Лесная, — права была чаща Заповедная, мужик-то самое то для тебя.

И стало мне нехорошо тут же!

Просто знаю я, чего чаща Заповедная хочет пуще всего на свете, ох уж и знаю, не первый же мужик в избушке этой, она мне по первости и рыбаков и охотников подсовывала, причем от чистого сердца старалась, зараза размножательнолюбивая.

— Нет! — вот сразу и без разговоров. — Нет и слово мое последнее!

Сила Лесная молча изогнула бровь, от чего дуб, ликом ее выступавший, застонал даже. Жалко дуб, я вообще жалостливая на свою голову, зато инициативная и изворотливая.

— Все экзамены сдам! Курсовую! Зачеты! За месяц сдам, как есть за месяц! — предложила быстренько.

Призадумалась Сила Лесная.

— Ни во что вмешиваться не буду, никуда ни ногой, только о благополучии леса Заповедного печься стану! — и на обещания я тоже была горазда.

Но Сила Лесная не лыком была шита.

На меня посмотрела пристально, на архимага за спиной моей, снова на меня, да и молвила слово недоброе:

— За неделю. За неделю все сдашь, а коли нет... хороший мужик, Весяна, правильный, матерый да сильный. А тебя, ведьма пусть и природная, от желания во вселенскую справедливость вмешиваться только пузо и убережет. Неделя, ведунья, неделя.

И исчезла она, Сила Лесная, а я... как стояла на ступеньках, так и села туда же, и лицо руками закрыла, и хоть вой.

Рядом домовый пристроился, на нижней ступеньке сгорбившись леший сел, Мудрый ворон на его плече слетел, кот на периллах материализовался.

— И что делать-то будем? — кот и спросил.

— Действовать, — руки я от лица убрала, а щеки то все равно были пунцовые, аки маков цвет, не меньше.

— В каком направлении действовать? — каркнул Мудрый ворон.

— В двух, — я обняла колени, посидела, глядя вдаль, да и обозначила пути-решения: — Кот, для тебя задача — найди как печать

снять. Книги мне нужны, да ритуалы, всего-то семь ночей у нас, действовать быстро надо. Леший-родненький, знаю, ты можешь — найди путь в Заморье, да такой, чтобы мигом сработал. Ворон, для тебя задача особая — всех птиц поднимай, ястребов, соколов, орлов, за врагом следить надобно, особенно прикажи искать мага, что в небо не смотрит никогда, выдать себя не желает — ведьмак это.

И тут не Сила Лесная, вовсе не она, проклятушая, а архимаг этот, позади меня стоящий, тихо спросил:

— Ведьма, ты что делать собралась?

Напряженно спросил, тяжело.

— Да дело нехитрое, — отмахнулась я, — днем буду учебой занята, ночами тобой. Ты уж прости, охранябушка, но за неделю я все не сдам, это и последнему пню замшелому понятно, так что путь у нас один — я с тебя печать сниму, неделя короткий срок, да уж извернусь-постараюсь, а опосля тебя леший в Заморье перекинет, и оттуда, поверь, даже Сила Лесная возвернуть не в силах.

Архимаг помолчал, затем едва слышно спросил:

— Народ, вы что удумали? Силу Лесную обмануть? Да вы хоть соображаете, с чем дело имеете?

Кот на него оглянулся, фыркнул да и ответил:

— А нам не в первый раз обманывать, разберемся. А ты ручонки то свои от нашей ведьмы держи подальше, мужик, учти — Заповедная чаща то далеко, а мы близко, отгрызем если надобно будет.

— Или отключем, — задумчиво каркнул Мудрый ворон.

— Отпилим, — добавил леший.

— А вы бы прежде чем угрожать, вспомнили бы, что охранябушка, между прочим, самоотверженно собирался вас всех спасать, — напомнила мрачно.

Никого это не смутило. Ворон, даром что Мудрый, глядя на архимага, выразительно провел крылом по шее, кот, даром что Ученый, проделал то же самое когтем, леший тоже собирался, но глянув на меня, жестами разбрасываться не стал. А домовой извлек мою ведомость из-за пазухи да и пригорюнился... полупустая та ведомость была, совсем полупустая. Я при всем своем желании за неделю все не сдам, хоть в лепешку расшибись.

— Кот, за книгами, — решила, поднимаясь. — Ворон, чего сидим, кого ждем? У тебя дело есть. Леший, и ты навряд ли без работы.

И я вскинула руку, призывая клюку — та прискакала незамедлительно, еще и плащ принесла.

— А ты, охранябушка, спать иди, — бросила через плечо, плащ надевая. — У тебя ночь впереди долгая, трудная.

— И без сраму, — добавил кот.

Под моим взглядом осекся, пристроился рядом и пошли мы к Знающему дубу.

* * *

Дорога вышла не веселая. Ворон работу свою исполнять начал исправно, вот и выяснилось, что в окрестностях не два мага, а четыре — королевский маг Заратаренька, уже от меня и быка пострадавший, Тиромир Славастены сын... некогда затмевавший для меня даже солнца свет, Ингеборг — архимаг, он же королевский советник... злой, опасный человек, очень уж нехороший и... и принц Анарион. Его я узнала не сразу, но головы вверх именно он и не поднимал.

И едва передал мне это Мудрый ворон, так я и остановилась.

А потом с тропы сошла, к дереву устало прислонилась, глаза закрыла и переметнувшись в тело ворона, взглянула на принца ведьминым взглядом. И увидела. Головы принц не поднимал, умен был, или обучен справно, да только я ведьма, мне хватило отражения в воде, когда нагнулся, чтобы лицо ополоснуть, отражения в стекле, когда в дом старосты входил, да отпрянувшей прислужницы, что взгляда ведьмака испугалась.

— Принц Анарион — ведьмак, — сказала я разом и коту, и лешему, ну и ворону естественно.

И стало мне ясно если не все, то многое — бастардом был Анарион, именно что бастардом, король то был женат, и наследников имел еще до Изяславы. Но когда Верховная к его ногам все королевство бросила, снизошел до безумно любящей, сына ей подарил милостиво.

А сыновей у короля-бабника было как опят после дождя, куда ни кинь взгляд, везде найдется. Но сына любовницы король признал, от того у Анариона и имелся титул принца, но принца не наследного и правом на корону не обладавшего... не в этом ли кроется причина, по

которой Изяслава сына ведьмаком сотворила? Ведь не было магии у парубка, еще совсем недавно ее не было. Да только и ведьмаком быть удовольствие малое — чужой ты и среди нечисти, и среди магов, и среди людей. Везде чужой. А чтобы своим среди ведьм стать, это в силу войти нужно, да в такую, чтобы на одну ступень с архимагами стать и...

И тут стало мне не по себе.

— Думаешь о чем? — спросил кот, высунувшись из дерева над моим левым плечом.

Я сползла по стволу дерева вниз, на траву села, клюку верную рядом положила и прошептала:

— Я разворошила осиное гнездо.

Сверху спикировал Мудрый ворон, на земле стоять отказался, перебрался на клюку, кот рядом с ним материализовался, оба на меня смотрели выжидательно. А что сказать, я и не знала. Как слова подобрать? Я из тех, у кого скоро дело делается, да не скоро сказка сказывается, а тут ситуация ни в сказке описать, ни в легенде рассказать.

Но начала кое-как.

— Жила была ведьма, и полюбила она короля, так полюбила, что все для него, все заради него, и сына родила ему пригожего, красивого, богатырь, а не сын, да только... она ведьма, родись девочка, может и стала бы ведьмой, а сын никак. И вот какие у мальчика перспективы? Королем ему не стать, ибо бастард, магом не стать — ибо не маг, ведьмой тоже ни как, мужик же... а вот если мать ему всю себя, всю силушку свою до капельки отдаст... тогда он ведьмаком станет. Не самым сильным, но ведьмаком. А у ведьмака шанс есть в силу войти, и от того, какую жертву принесет, от того-то уровень силы и зависит. И вот вопрос — что будет, если ведьмак такой на алтарь архимага возложит?

— Ничего не будет, — задумчиво изрек кот Ученый.

— Окромя пепла из ведьмака, — добавил Мудрый ворон.

— Так-то оно так, — согласилась я. — Архимаг то по всякому сильнее, не поспоришь с этим. Но что если обвинить архимага в преступлении страшном? Что если суд провести, да доказательства предъявить? Что если поверят доказательствам? Что если архимаг тот, осужден будет, и три оставшихся архимага да два магистра, наложат

печать на осужденного, а после закуют в рабский ошейник и из подчиняющего амулета артефакт ломающий волю сотворят?

Я посмотрела на ворона, тот нахохлился задумчиво, кот брякнулся наземь, и тоже шерсть, пусть и призрачную, встопоршил.

— Но в этой истории, не все так просто, — продолжила я, почти шепотом. — Ведь в царстве том, в смысле этом, жила была другая ведьма. Не настоящая, фальшивая. Могла бы магом стать, но тогда мороки много — клятву королю принести нужно, обучаться долго, а опосля идти в услужение — не по ней это было, и стала она ведьмой. Как обманула всех, мне не ведомо, но ведьмою стала. А в положенное время родила ведьма сына, да не от абы кого, а от самого архимага... королевского советника ближайшего, самого Великого Ингеборга. Хорррошего сына родила, — я усмехнулась с горечью да печалью — сколько лет прошло, а до сих пор больно. — И всем был хорош сынок, и красив, и здоров, и знатен, и даже маг, да только уровнем слабоват и для магистра, и для архимага, чем очень огорчал маменьку. Иного она для сына хотела, ох иного... И нашла пути-дороги черные, подлые, жестокие, да действенные. Одна ведьма прирожденная от нее чудом сбежала, так она другую нашла, и стал Тиромир магистром. И остановиться бы ведьме этой, которая вовсе не ведьма, но что, если узнала она, о готовящемся? Что если выкрала из темницы закованного заклеяменного несправедливо осужденного архимага? Что если заставила Саврана скрыть того среди своих «невольников» и вывести из королевства через мой Заповедный лес?

И совсем сникла я.

Разворошила, как есть разворошила, да не одно осиное гнездо, а два! И Изяславе и Славастене мой охранябушка пуще жизни нужен был. А я глупость сморозила, сказала, что уже в силу вошла, намекнув что путем его убивания, а потому... Теперь я главный приз. Я. И кто первый меня на алтарь возложит, Тиромир ли, который уже пытался раз, да не вышло, или Анарион, коему нет места среди живых, пока в силу не войдет? На стороне Тиромира явственно только мать, но глупо было бы не учитывать, что в городке близ моего леса имеется и архимаг — Великий Ингеборг, и он, конечно, служит королю, но какой отец не поставит интересы сына превыше королевских? Так что на стороне Анариона только лишь авторитет его матери, что я пошатнула до основания, да поруганный быком маг Заратар, но ведьмаки народ

опасный, да и принц-бастард идиотом не был — от моих птиц он скрывался успешно, и Заповедную чащу обмануть смог, и даже мое чутье.

— Весяна, Весь, это стало быть выгнала бы тебя Силушка лесная и... — кот договаривать не стал.

— И мне конец, — договорила бедовая ведьма за него.

И мне бы в уныние впасть, но... нас, прирожденных ведьм, и так мало осталось. Не до уныния в общем. И я встала. Иногда встать — оно самое первое дело. Второе — сделать шаг. Третье идти, идти вперед, забыв о боли, предательстве, боли от предательства, предательстве... что-то меня заклинило.

Но где-то вспорхнула птица, поклонились справа олени, оскалились слева волки, уважительно сползла с пути Хозяйки Леса Заповедного змея подкодная и легче мне стало. Дело мое правое, правда на моей стороне, ведьм я оповестила, осталось две сложные задачи, и одна приятная. Приятной займусь, как только со сложными делами разберусь, так уж учили меня сызмальства «Сначала съешь лягушку», а уж после делай, что хочется.

Хотелось многого.

И вот стоило только захотеть, как явилась она — самая главная лесная хотелка!

Условно голозадая Заповедная Чаша возникла не сразу.

Сначала на моем пути подвешенные на край веточки показались пинетки, детские. Я мрачно прошла мимо.

Потом шапочка, в кружавчиках, на младенчика... Я мимо прошла.

Потом пеленки тоненькие, из особого льна, красивущие...
Прошла мимо.

А потом распашонка! Да такая миленькая, беленькая, в василечек синенький, мягенькая, нежная... И дрогнуло сердце ведьминское, руку протянула, потрогала.

И понапрасну я это сделала!

Ибо Чаша моя Заповедная та еще затейница, а потому на пути далее появились картинки срамные. Очень срамные. И навроде вот что можно сотворить из ветвей ивовых срамного-то? Но нет, Чаша смогла! Да так, что в девице предающейся процессу зачатия вполне угадывались мои черты, а в мужчине, тем же процессом с девицей занимающемся, черты лица охранябушки. И чем дальше я шла, тем...

— Да сколько можно уже?! — воскликнула в сердцах.

Все картинки тут же с тропы исчезали, аки щупальца втянувшиеся в лес, а вот Чаща, поганка, выглянула из-за ближайшего дерева, руками развела, мол старается, делает как лучше, чего гневаюсь-то?

— Знаешь, ты бы лучше делом занялась! — досаду скрывать не стала. — У тебя сегодня чуть ведунью из-под носа не увели, в Заповедный лес целый отряд проник, и вот ведьмака ты не почуяла, а отчего все? А отвлекаешься на ерунду!

Чаща поникла. И даже листочками прикрылась, а опосля пошла рядом, голову опустив. Кается. Она обычно недолго кается, но всегда с последствиями, а потому каялись сейчас мы обе, и она и я. Я потому что знала — теперь Чаща точно что-нибудь да утворит, а она... потому что думала, что бы еще утворить.

И тут на самую кромку леса Заповедного ступил кто-то. Да не кто-то, а ведьма.

Остановилась я, остановилась Чаща, замер ветер, шумевший кронами высоких дубов.

Насторожились зря, ведьма руку к ближайшему дереву протянула и прошептала «Весяна».

Ульгерда!

Я подняла клюку, ударила по земле, открывая тропу заповедную, и вышла к самой опушке леса, туда, где с холма открывался вид на город Даной, уголье нашего барона. А на краю леса, сидела на старом замшелом пне Ульгерда.

Ведьма она была природная, та, что силу получила от самой матушки земли, да взяла слишком много, цену заплатив страшную, а потому зеленой стала ее кожа, черными глаза, длинным и жутким нос — по началу пугала она меня до икоты, а сейчас уже ничего, привыкла.

Ульгерда встретила меня грустной улыбкой и тихо сказала:

— Из лесного сумрака не выходи, в тени останься, следят за мной.

— Спасибо за совет, — поклонилась я, да и осталась в тени леса, ощущая тревогу, что становилась все сильнее с каждым мгновением.

Старая ведьма сидела, сгорбленной спиной к городу, поникшей головой ко мне, рядом с ней лежала верная метла, а в крючковатых

пальцах сжималась черная поганка. И Ульгерда молчала, глядя на свои пальцы. Молчала не долго.

— Я знаю, кто ты, — тихо произнесла она, — и знала, с первого дня, как увидела, знала — несправедливо обидели тебя, страшно предали, да только в тебе была лишь боль, но не было гнева. Я старая ведьма, Весяна, старая и умная, я из тех, кто помнит, что такое ведьмы.

И на меня она взглянула внимательно, словно не в глаза — в душу смотрела.

Отвечать я не стала, молча села на землю, крепко держа клюку в руках. На ветке рядом сидел Мудрый ворон, из самого дерева выглядывал Ученый кот, Заповедная чаща устроилась позади ведьмы и... корчила рожи. Ну корчила! Как есть корчила! Говорить чаща не способна, может только передавать видения, да упражняться в пантомиме. И вот сейчас, эта... зараза размножательнолюбивая, демонстрировала мне, каким образом у Ульгерды три, целых три дочери имелось! На пальцах показывала. А выражения лица это была явная попытка передать, что Ульгерде дело размножательное очень нравилось, однако странно было изображать любовный экстаз страшной длинноносой ведьмы. И Чащу хотелось стукнуть. Клюкой стукнуть, хотя нет, клюку жалко, а вот камнем каким... нет, камнем жестоко.

— Весяна, ты меня слушаешь? — спросила вдруг Ульгерда.

А я поняла, что она уже что-то говорила, но я прослушала, на поганку заповедную заглядевшись — та что только не вытворяла. Однако стоило Ульгерде обернуться, как развратная Чаща мигом обернулась скромным кустиком.

— Нет, не услышала слов последних, — повинилась я, — прости, пожалуйста, и повтори.

Ульгерда неодобрительно покачала головой и сказала:

— Слова твои до всех ведьм дошли. До кого не дошли... тем я послание отправила.

— Благодарствую, — уважительно склонила голову.

И даже Чаща прониклась, сползла побегами лиан в траву, внимательной хищной кошкой подкралась ближе к Ульгерде, та и не заметила — Заповедную чащу заприметить не просто, если она не хочет, чтобы ее заприметили.

Да только, едва зараза моя к ведьме подкралась, как травяная шерсть встала дыбом: Опасность!

И уже напряженно я на Ульгерду посмотрелась, вгляделась в глаза ее темные, после на руки... поганка, та которую держала ведьма судорожно, она все больше становилась. Неявно, не быстро... но я лесная ведунья, я такие вещи вижу.

Заметив взгляд мой, Ульгерда усмехнулась криво, да и сказала:

— Принц у нас гостит, не наследный, Анарион. Зятек мой расстарался, все для гостя дорогого сделал, а гость отплатил...

Черной неблагодарностью отплатил гость!

И теперь ведьма держала в руках погибель!

— За что? — вздохом ветра спросила я.

Усмехнулась ведьма, плечами пожала, да все же сказала:

— У девочки моей дети красивые, два сына и дочка. Да только сыновья в отца пошли, место свое знают, выше головы прыгать не станут, а Уна в меня, ведьма, природная ведьма, добро и зло сразу видит. Посватался к ней принц, думал девка от счастья летать будет, да только ведьма если и летает, то на метле, отказала она ему. Ведьмаку отказала... Ведьмаку... А он ей розу подарил на прощание. Как тебе роза, Весяна?

Вот за это и не любят ведьмаков, ни люди, ни нечисть.

— Дай, — сказала я, и руку протянула.

Ульгерда вскинула голову, посмотрела на меня с сомнением, что в здравом уме пребываю, и спросила:

— Ты умом тронулась, Веся?!

Улыбнулась и напомнила:

— Я не тронулась ничем, я Лесная Ведунья. Дай.

Осторожно, недоверчиво передала мне поганку проклятую Ульгерда, зашипела моя личная поганка — Заповедная Чаша, весело подмигнула ей я. Я ведьма, это да, но и ведунья лесная, это тоже да, а потому природная магия мне ничем не вредит, а вот я повредить могу, очень даже могу — в этой условной «розе» имелась магия ведьмака.

И мне бы расцеловать Ульгерду сейчас, за то что помогла мне сама того не ведая, но целовать с благодарностью и сама ведьма была готова — уберегла я ее от смерти, ведь на себя она взяла и проклятия ведьмака и его последствия. А последствия были... гадкие. Я крутила поганку, и считывала — заговор на бородавки, да не абы какие, а

черные, гадкие, болезненные. Заговор на облысение... что для девицы любой беда-беда горе горемычное, но на случай, если и обезображенная внучка Ульгерды кому-нибудь да приглянется, в поганке этой еще и заговор на бесплодие присутствовал. А вот это уже жестоко, нечеловечески жестоко. От того и не любят ведьмаков ни среди людей, ни среди нечисти.

Я вот, например, так не смогла. Все оставила — заговор на бородавки и облысение, несколько мелких проклятий на неудачу, а вот заговор на бесплодие не смогла. Хотя оно может и зря, не стоит таким как Анарион размножаться, ох и не стоит, наверное. Ну да не мне судить, я не бог, не Земля Матушка, не могу я такой грех на себя брать. Говорят люди не меняются, но все бывает... а я так не могу.

Два касания, и вместо поганки в руках моих букет цветов лесных. Ландыши, фиалки, незабудки, листья клевера, заячья трава. Милый букет получился. Одного не хватало.

— Ульгерда, нет ли у тебя случаев кожи змеиной? Откуда-нибудь издалече, желательно, да чтобы кожа была сброшена, а змеи уж и не было бы в живых давно.

Ведьма, настороженно взирающая на букетик в руках моих, призадумалась крепко, подол юбки подняла, да на башмаки свои посмотрела. Хорошие были башмаки, а на них для крепости вставки из кожи питона.

— Не уверена, что своей смертью помер, — сказала я.

— Своей, — улыбнулась Ульгерда, — а если не своей, то давно это было. Шкуру же я нашла, сброшенная она была, и давно это было, в мою весну.

Улыбка у ведьмы стала грустная.

Весна у ведьмы это не молодость, мы и вовсе не стареть можем, весна — это пора, когда распускались чувства, когда сердце наполняла любовь.

И вот сидим мы, я, молодая еще, девчонка почитай, и она, старая опытная ведьма... а весна прошла уже у нас обеих. Мою погубили, недолгой она была, да растоптали жестоко. Ульгерде повезло — любил ее муж, больше жизни любил, и жили они счастливо в браке счастливом, и... а впрочем мое ли это дело.

— Ботинки снять придется, и сжечь, — предупредила ее, да потянулась к коже змеиной.

И пока горели огнем синим ботинки ведьмы недалече, сама Ульгерда с интересом следила за тем, как обрывок кожи змеиной в моих руках превращается в два разнородных предмета — алую шелковую ленту, и прядь каштановых светлых почти рыжих волос.

А после я протянула руку к моей личной поганке, из темно-зеленой сплетенной из изумрудной травы кошки, вытянулась ростком лиана, прикоснулась к моей руке. А я старалась не улыбнуться, когда передавала ей образ Анариона, стать, поступь, плечи широкие.

— Нравится он мне очень, подарок передай, — попросила я чашу.

И тут произошло невиданное — моя зараза росток отдернула, и головой кошачьей отрицательно покачала. Я чуть букетик из рук не выронила, а Заповедная чаща, моя Заповедная чаща, нахмурилась, по-кошачьи глаза прищурила, подошла, на задние лапки поднялась, передними к руке моей прикоснулась да и выдала мне образ. Охранябушкин! Без рубашки. И тот, между прочим, не просто так красовался на радость русалкам, которые толпой в три штуки уселись у меня на дворике, а окно рубил! Окно рубил! В моей избе! Окно!

— Да что ж он творит то, ирод окаянный?! — вырвалось у меня.

Чаша этого тоже не поняла, но зато показала мне другое — там русалки толпой в три хвоста, сидели и волосы расчесывали костяными гребнями, да все как на подбор — золотоволосая, шатенка и с волосами цвета воронова крыла. И щебечут-щебечут, а маг мой, тощий, поджарый, все рубит и рубит! Избу мою рубит!

— Так, все, неси подарок ведьмаку, — потребовала я.

Чаша на меня посмотрела с сомнением, внутренним взором на русалок... сравнила. Тяжело вздохнула, забрала букетик и помчалась нести его принцу. Потому что, по мнению чащи, и она этого даже не скрывала, русалки куда привлекательнее меня были, так что мне в плане архимага моего рассчитывать было не на что!

Проводила ее гневным взглядом, потому что... я и не рассчитывала на архимага, мне вообще никто не нужен, но обидно же! И куда водяной смотрит, почему у меня по двору русалки шатаются?!

— А ты гневаешься, — заметила проницательная Ульгерда.

— Русалки распустились, чаща не слушается, лес Заповедный разрастается, ведьмак не проученный шляется, маги королевские налетели, Изяслава ума лишилась, Славастена остатков совести! Есть с чего гневаться-то.

Ульгерда кивнула, но продолжала смотреть на меня пристально.

— А, говорят, леший у тебя знатный, — заметила словно невзначай.

И тут я чуть не сболтнула, что к лешему русалки и на триста сажений не подойдут, он у меня суровый да неприветливый, вот только... не такая уж я и дура, чтобы правду сболтнуть неосторожно.

— Хороший леший, — сказала сдержанно, — и мой.

Ульгерда понимающе улыбнулась, голову склонила.

Понять ее я могла, часто лесные ведуньи с лешим неразлучны становились, да только никому и никогда не скажу я, что мой леший человеком оборачиваться не способен больше. Искалеченный он ко мне пришел, что смогла, я сделала, но что я могла, ведунья необученная? Не станет мой леший человеком никогда и не родятся от него дети, от того и бесится моя чаща, с жиру бесится, не иначе!

— Спасибо тебе, — вдруг сказала Ульгерда.

Благодарить ей было за что — та гадость, что она на себя взяла, ей бы не ботинок стоила, а жизни — Ульгерда стара.

— Не за что, — улыбнулась грустно, — к ведьмаку у меня свои счета, он на мою чашу позарился, в лес мой гостем незванным пришел, а ты мне ключ принесла, сердечная благодарность тебе.

С сомнением посмотрела на меня ведьма, да спорить не стала — магия леса моя вотчина. Ведьма же вздохнула глубоко, улыбнулась и вдруг сказала:

— Словно годков двадцать с плеч. Я к тебе попрощаться залетела, опосля путь мой к источнику лежал, думала не доживу до суда ведьмовского, да ты мне жизнь подарила, хоть и не признаешь этого.

И поднявшись, ведьма метлу взяла, на меня посмотрела и сказала:

— Хорошая ты ведьма, Весяна, правильная. Береги себя.

Когда улетала босоногая ведьма, я сидела все там же, в сумраке леса, задумчиво глядя ей вслед. Надо же, никогда не думала, что ведьма на метле может выглядеть... забавно. А оказывается, когда пятки голые из-под подола юбки гордой ведьмы выглядывают, очень даже потешно смотрится.

И да, я правильная ведьма. Правильная. И поступила правильно. Я и сама это знала, просто когда это и Ульгерда сказала, на душе стало светлее.

Потянувшись к ближайшему лопуху, я собрала все капли росы, что еще пряталась в стеблях травы, наполнила лист лопуха маленьким казавшимся ртутным озером, да и принялась наблюдать. Наблюдала я городок нашего барона, в который, видать после «подарка» переселился Андарион из усадьбы барона.

Видеть я могла не все, только то, что чаща моя видела, а она перемещалась змеей потайной, по большей части под землей, так что сад позади двора гостиного, в котором на траве растянулся ведьмак, с девицей легкого одеяния, и сам был полугол, я видела отрывками. Сад с ведьмаком — земля сыра. Сад — земля. Сад — земля, крот. Крот попался вежливый, очень извинился перед чащей, спросил может помочь чем надо. Чаще помогать не надо было, но... у крота кротиха оказалась беременна.

«Не смей!» — потребовала я у чащи.

Да какой там, эта поганка уже остановилась и в красках расписывала, какой у нас замечательный лес! А как червяков-то под землей много, прямо косяками ходют! В красках, потому что это говорить чаща не может, а вот показывать очень даже. Она и показывала! Особенно крота впечатлил косяк червей под землей! В результате переговоров, в саду раздались характерные стоны, но даже они не отвлекли чащу от главного — поганка прорыла ход в мой лес для крота и его будущего семейства!

Но на этом дело не закончилось — опосля чаща высунула листик на поверхность и с интересом стала следить за происходящим. Следить было за чем — к ведьмаку еще одна девица присоединилась, и теперь у него было сразу два объекта для размножения. А чаща моя такие процессы очень даже любит и уважает, а потому интерес у нее был к размножениям повышенный.

Я же краснела аки маков цвет, закрывала лицо руками, подсматривала через растопыренные пальцы, и в какой-то момент смущение было вытеснено совершенно изумленным:

«И так можно?»

«Так тоже можно?!»

«Ого, и даже так?!»

«Ну, ничего себе!»

А потом чаще все это надоело. Моя зараза спустя четверть часа, не менее, уяснила для себя главное — размножательного во всем

действию нет ни капли. В смысле ни капли нужного семени не пролилось из ведьмака, а потому все вот это пустая трата времени. А тратить время в таком ответственном процессе, чаща считала абсолютно безответственным. Так что сердобольная выскочила из земли одним плавным движением, став девой... голозадой, увы, одеваться она все так же не считала нужным, величаво подошла к остановившейся, но уже довольно далеко зашедшей в разврате компании, и вручила оторопевшему ведьмаку, который некоторыми местами даже поник от изумления, мой букет. Потрясенный принц оторопело воззрился на букет, но на этом испытания для его психики не закончились — чаща моя разошлась во всю!

И началось. Тычинки и пестики. Зерно и почва. Осеменение во всех его видах и формах! Чаща молча, но выразительно читала нотации ведьмаку, и вещала, что негоже это, брать зернышко и совать его в лунку, потом высовывать, совать и высовывать. В ее исполнении это было оригинально — впереди лошадь с сохой, позади крестьянин с лотком, сначала разбрасывающий пшеничные зерна, а потом как умом скорбный, судорожно собирающий все что раскидал обратно в лоток. В подобном контексте разврат ведьмака приобретал вид весьма скудоумного действия, даже более чем.

И вот после всего этого чаща сунула ему в руки мой букетик, презрительно воззрилась на девиц, а затем обрисовала ведьмаку мои очертания. На этом не остановилась, и сотворила из зелени мой облик... сильно польстив моей внешности. В исполнении чащи у меня была грудь раза в три больше имеющейся, талия раза в два меньше, попа... одеждой обременять мой облик эта зараза не стала, так что ведьмаку предоставили возможность полюбоваться крутыми очертаниями бедер, а опосля, еще раз презрительно оглядев всю компанию, чаща гордо удалилась под землю. Вслед за ней исчез и скудоумный пахарь сплетенный из веток ивовых, и лошадь, и соха... осталось только вспаханное «поле». Не то чтобы большое, но все грядки с земляникой пали жертвой образовательного процесса.

И остался ведьмак, с букетиком. Ошарашенный. Я бы даже сказала потрясенный. А потому не сразу заметил, как... расцвел.

Зато я заметила и растерялась.

Принц Анарион цвел! В прямом смысле этого слова! Не знаю, что Изяслава на него наложила, но вместо того, чтобы начать покрываться

бородавками, ведьмак начал цвести! Ромашками! Ромашки выскакивали бутончиками на его лице, носу, руках, груди, везде в общем, и распускались! А потом упала прядь черных волос... и еще одна... и еще...

Ошарашенный ненаследный принц в ужасе смотрел, как на его руках расцветают ромашки, как падают вокруг него лохмы волос, и не видел, что на стремительно лысеющей голове тоже распускаются ромашки...

На этом видеть ведьмака я перестала, потому что чаща вот только теперь свалила из сада, так что далее я могла лицезреть только землю, под которой поганка лианистая перемещалась. Взмахнув рукой, вернула воду на травинки, у коих позаимствовала, и осталась ждать чащу. Хотя, явно зря.

Но все равно почему-то просидела, пока Заповедная не явилась, восстав передо мной гневной лесной девой, и даже руки на груди воинственно сложила, потому как... дошло до чащи, для чего я букетик ведьмаку передавала.

— А давай без нотаций, — поднимаясь, и поправляя капюшон, попросила я. — И особенно без пантомим.

И на этом я поднялась, и пошла обратно к дубу Знаний. Чаща шла рядом, мрачная, насупленная, злая. Потом вдруг подотсталла, и вернулась лишь когда я уже к дубу подошла, где меня ждали леший, кот и ворон. И вернулась чаща неожиданно довольная, я даже не поняла с чего бы такая радость, но тут зловредина заповедная протянула ко мне руку ивовую, и продемонстрировала — там были три пряди — золотистая, рыжая и черная... И жалко мне стало русалок.

А потом мне стало жалко меня, потому что кот уже все что нужно у дуба заказал, и теперь меня ждала стопка книг, да настолько внушительная, что сюда тележка требовалась, в руках все не унесешь!

— Да чтоб это все к чертям провалилось! — воскликнула в сердцах.

Зато чаща расцвела от счастья, и...

— Так, прекрати это паскудство, — потребовала я, едва она начала мне на пальцах показывать, что надо делать, чтобы вот это все не учить.

Домой возвращались все мрачные и злые — чаща достала. Как есть достала! Я ее посылала за тележкой раз десять, но каждый раз эта поганка возвращалась с какой-то гадостью не толкательнспособной! Нет, как молоко для ребенка воровать, так на это она способна, а как нормальную тележку у крестьян позаимствовать, так это нет! Она таскала только то, что прогнило до такой степени, что и на растопку не годилось!

В итоге пришлось звать на помощь кого ни попадя.

Итого, к избе моей вышли суровые, мрачные, злые... а некоторые вроде меня еще и вспотевшие. А я всего восемь штук тащила. Основную массу на себя леший взял, две книги нес кот, одну ворон, часть на оленей распределили, хорошо хоть зайцев встретили, те тоже помочь взялись.

Охранябушка мой, тоже явно притомившийся за день, как раз на огне суп варил, но увидев нас, все равно встал, ко мне подошел, освободил от тяжести невероятной, а я уже такая уставшая была, что чуть не рухнула, только и хватило сил на хриплое:

— Спасибо.

Архимаг взглянул сурово, вздохнул и спросил:

— А тележку для этого всего взять не додумалась, да?

У меня даже слов не нашлось, чтобы ответить.

А потом я на избу свою, в которую маг ушел, глянула да и... оторопела. Изба моя выросла! Не маленькая и замшелая теперь была, а чистая, деревянная, светлая, с окнами... и без казана моего, самого большого, самого хорошего, такого нужного, что еще ни разу не использовала, настолько я его берегла! Я... но не охраняб мой.

— Ирод окаянный, — я клюку подпрыгавшую ко мне подхватила и бросилась к казану, — ирод, ты чего уделал то?

В казане булькало что-то вязкое, сосной пахнущее, и вот гарантированно не отмывающееся!

— Не трогай, — обернувшись через плечо, сказал архимаг, — обожжешься еще. С тебя станется. И суп не трогай, сам налью. Иди лучше руки помой.

Тут уж даже леший за меня оскорбился, от чего трещать начал. Он всегда трещит, когда в ярость приходит — у него мускулатура древесная, а поверх деревянная же кора, вот она и трещит, когда лопается.

— Охолонись пожалуйста, — попросила я, — печать сниму, и уберется отсюда... умный такой.

И тут случилось страшное — я же к казану со смолой подбежала, а я ведьма, а охранябушка, он же архимаг, а печать, она же криво наложена, а изба — мужик же ее с применением магии строительствовал...

Треск! Грохот! Смола которой бревна конопатили, обратно в казан! Бревна в хлам! Крыша вниз! А я вверх и бегом, почти до самой изгороди.

А потом стихло все.

И только пыль, оседающая медленно, костер протестно шипит, затушенный пролившимся супом, у супа выхода не было, на него бревно наехало, да основательно причем.

И в общем... лежу на руках у охранябушки, смотрю на него выразительно, а маг меня держит, на разруху взирает, и зубы яростно сжимает. Красота, идиллия.

И злой вопрос лешего:

— Маг, это что сейчас было-то?!

Охраняб мой промолчал, только желваки под смуглой кожей дергались, выдавая ярость, причем злился мужик на себя, исключительно на себя, и оно как бы правильно, да только:

— Лешенька, ты не злился, — попросила друга верного. — Охранябушка и сам не рад, чему уж тут радым быть, весь денечек почитай работал и все зря.

Жалко мне его было, да, скрывать нечего. Руку протянула, по щеке погладила, я лешего так часто успокаивала, просто во всех остальных местах можно было себе занозу загнать нехилую, а лицо леший полировал каждое утро, так что там не кололось. Да только леший от моего прикосновения так не вздрагивал, и голову резко не опускал, и взгляда синего, пронзительного у лешего тоже не было, и сердце у лешего не начинало биться так, словно вырваться из грудной клетки хочет...

— Ты не печалься, не тужи, охранябушка, — улыбнулась я сочувственно, — печать тебе наложили плохо, нечеткая она, нестабильная. Видать сражался ты до последнего, на алтаре, обессиленный, и то ужом извивался, вот и не вышло у них с раза

первого-то. Догадываюсь, что тогда-то рабский ошейник на тебя и надели, а дальше...

Про дальше, говорить явно не стоило.

Но охраняб мой тихо произнес:

— Все равно сопротивлялся. И ты права, ведьма, сражался до последнего. Одного архимага за Грань отправил, второму недолго еще ходить, третий вот... жив пока. А теперь скажи мне, что не так с печатью?

Я с рук его соскользнула, на дом полуразрушенный посмотрела, на охранябушку, злого, напряженного, на друзей верных и вымолвила:

— Силен ты, маг, очень силен. И сила твоя рвет печать, терзает ее, словно волк голодной зимой, и сломает печать твоя силушка. Сломает, охранябушка, быстро сломает. Да только ничего хорошего в том нет — сначала печать твоя падет, а потом и разум.

Маг ничего не сказал, лишь смотрел на меня глазами синими, стылыми, обреченными.

— Не печалься, говорю, — перехватывая клюку свою поудобнее. — Ну печать и печать, с кем не бывает, снимем.

— Как? — выдохнул маг.

— Как-нибудь, — ну не было у меня ни ответа, ни плана. — Но точно снимем.

И ударив клюкой оземь, прошептала заклятие:

— Где на свет родился, там и пригодился!

Такое себе заклинание, его местные давно подхватили и превратили в поговорку, имея ввиду совсем иное, да и про людей, а заклинание то было древнее, и живым оно подходило едва ли — в единый миг обратились бревна трухой прогнившей, ветром взмыли над кронами могучих дубов да и понеслись в те места, где спилили их без жалости, да в сплав по реке пустили, а оттуда, ибо более неоткуда, русалки их и принесли.

Не русалки, а несущки какие-то.

— Ведьма, хорошая же была древесина, — тихо сказал охранябушка.

— Хорошая, — согласилась я, — да не в моем лесу рождена, не в моем ей и гибнуть. Ты остальные бревна с досками где брал?

— Леший принес, — говорил маг холодно, зло говорил.

— Вот впредь к лешему за древесиной и обращайся, — посоветовала я, и прошла в избу...

В то, что от нее осталось.

Поднялась тяжело по ступеням, прошла в дом, села на лавку у печи, осмотрелась. Хороший вид был. Вообще из любого места, где вместо четырех стен, одна одинешенька осталась, вид хороший. Панорамный такой. Просто вот смотри и радуйся! Правда одно бревно обзору мешало, конечно, но досадовать на него смысла не было — все, на чем крыша сейчас держалась, это последняя выжившая стенка и это самое бревно, замшелое, конечно, но крепкое.

Домовой высунулся из печки, огляделся, крутя вихрастой головой, исчез, а вскоре протянул мне тарелку с бутербродами. Взяла молча, сгребла бутерброд с тарелки, остальные на лавку поставила да и принялась вечерять, ужинать в смысле. Хороший вышел ужин. На свежем воздухе оно завсегда так — любая еда вкусной покажется.

— Ну, чего встали? — спросила у книгоносителей. — Проходите, ужинать будем.

— Чем? — спросил кот.

— Чем бог послал, — решила я.

Леший окинул охранябушку внимательным оценивающим взглядом.

— Лешенька, я лесная ведунья, но даже как ведьма, честно тебе заявляю — каннибализм не есть добро, и участвовать в нем я отказываюсь.

Леший с магом переглянулись, осознали, что делать нечего, да и направились к избе.

Маг внутри, если можно выражаться «внутри» по поводу одностенного здания, пробыл недолго. Поднялся, осмотрел остатки моей избы, проверил, хорошо ли держит крышу бревно замшелое, а опосля ушел.

Вообще ушел.

Без него книги заносили, после недолгих размышлений, сложили все на печи, я этой печью все равно никогда не пользовалась, в ней домовой жил. Потом я зверей отпустила, а потом, стараясь не замечать косой взгляд домового, за клюку взялась да и посмотрела, где мой охранябушка. А как увидела, с трудом на ногах удержалась — маг нес. Нес здоровенный котелок, судя по тому, как сжимались листочки на

деревьях, котелок тот горячий был, а на нем, на крышке, снедь стояла — круги колбасы копченой, сало копченое тоже, сыр белый, под полотенцем стираным, хлеб едва из печи.

Да только напугало меня не это все!

Ударила клюкой оземь, сокращая путь охранябушки, да и осела на ступени, чудом сохранившиеся, а саму трясет, даже руки дрожат.

А маг почти не удивился, когда прямо из лесу на двор мой ступил. И мимо меня прошел, неся тяжесть такую без труда совсем, и только поставив котелок на пол в остатках моей избы, назад вышел, ко мне подошел, сел передо мной на корточки, в глаза заглянул и спросил:

— Ты чего такая бледная, ведьма?

Огреть бы его. Вот прямо клюкой этой и огреть, но меня так трясло, что боюсь это не я клюку сейчас держала, а она меня поддерживала.

— Ведьма, — маг посуровел, — ты чего?

А может хватит у меня, силушки то, врезать ему, а? Но нет, сил не наблюдалось, плакать только очень хотелось, от облегчения, что ли.

— Весь, — от волнения архимаг даже про свое извечное «ведьма» позабыл, — чего ты волнуешься? Я в деревню сходил, дров наколот, скотину от хворей полечил, людей некоторых, селяне и отблагодарили, только просили котелок назад вернуть. А, и да, кузнец за руку восстановленную благодарен очень был, сказал ножей тебе сделает, ритуальных, как полагается.

Вот тут уж я взвыла.

И клюку бы выронила, да та стоять рядом осталась, а меня трясло уже, да так, что не передать.

— Охранябушка, родненький, ты что творишь? — спросила голосом дрожащим. — Я понять не могу, тебя при рождении головушкой обронили, или ты опосля приговора несправедливого умом тронулся?

Маг отшатнулся, затем вскочил, гневный, яростный.

А я, я все понять не могла.

— Ты мне прямо скажи, — продолжила, слабым голосом, — ум то у тебя есть, али вышел весь?

— Ведьма, ты меня оскорбить пытаешься? — глухо спросил маг.

А я смотрю на него, да и думаю — как сказать-то, чтобы дошло, наконец?!

— Охранябушка, — я тоже встала, да на ступеньку, так что росту мы теперь были почти равного, — я Лесная Ведунья, понимаешь ты? Для всех в округе, я бабка старая, карга страшнющая, питаюсь поганками да лягушками, понимаешь? Ты, скудоумный мой, что людям то сказал, когда за еду работать взялся?!

Мужчина оскорбился, по поводу «за еду работать взялся», но ответил:

— Сказал что раб, у ведьмы лесной служу.

— Ой дураааак, — простонал кот Ученый.

Ему маг ничего не сказал, лишь на меня посмотрел. А я... а что я. Как стояла, так и села. Посидела, поглядела вдаль, на лес, подышала, успокоилась, а затем тихо, но жестко сказала:

— Слушай меня внимательно, охранябушка. Твою печать криво наложили, да только переделывать не стали не потому, что сопротивлялся ты, а потому как смысла в том не видели. Ты быстро смекнул, что я тебя могу убить и через убийство твое в силу войти, потому как ты только от ведьм, видать, подобного и ожидаешь. А вот от магов нет, и от принца Анариона ты такого тоже не ждешь, не так ли?

И на мага сурово посмотрела.

Не ждал. Нахмурился, просчитывая расклад, да и ожесточилось лицо, холоден стал взгляд.

— Не только ведьмы? — тихо спросил он.

— Ну, принц наш, если уж быть откровенными, своеобразная ведьма, — я поднялась, — только ведьмак. А Тиромир он маг, но особенный.

Руку протянула, пылинку несуществующую с плеча широкого смахнула, в глаза синие посмотрела, да и прямо сказала:

— А ты у нас жертва, охранябушка. И видишь ли, я всех убедила, что ты уже умер, упокоился на жертвенном алтаре во имя моей силушки, а ты... Из лесу выходить более не смей, понял?!

Договаривать не стала, сошла вниз по ступеням, ушла к ограде, постояла, все так же в лес глядя, успокоилась, потом вернулась.

Маг стоял, опираясь спиной о стену последнюю дома моего, кот, даром что призрачный, с мурчанием ел суп, который всем радушно домовый разливал, даже леший попробовал, и только мы с охранябом остались стоять, друг на друга глядя, и еду игнорируя.

— Ведьма, — тихо произнес охранябушка, — ты сказала Изяславе, что убила меня?

Я молча руку к лесу протянула — и взметнулась листва прошлогодняя, поднялась, почти что до верхушек крон, да и рухнула вниз, потревожив птиц вечерних. Архимаг лишь мельком глянул на лес, затем посмотрел на меня непонимающе.

— Ведьма в силу с убийством магически одаренного существа входит, — слова с моих губ сорвались шепотом.

И ушла я в остатки избы.

Руки ополоснула по дороге, поднялась по ступенькам, скинула плащ на то место, где раньше была вешалка, стараясь никого не задеть, добралась до лавки, села, получила от домового тарелку супа, хлебать принялась без аппетита совершенно.

Внизу, у избы стоял архимаг. Руки на груди сложены, взгляд на меня направлен, синий лед в глазах, скулы резче обозначились — злился он.

— То, что ты Славастене сказала — слышал, — произнес он, не заботясь, что не только я — все слышат, — но Славастена всего лишь ведьма, а вот Изяславе перечить не стоило тебе.

Пожав плечами, равнодушно заметила:

— Славастена не ведьма, и никогда ею не была. Изяслава уже тоже не ведьма более, силу она свою отдала сыну, откуда, по-твоему, ведьмак взялся?

Архимаг на миг глаза зажмурил, видать переваривая информацию новую, затем на меня посмотрел, и мне же сказал:

— И что ты собираешься делать теперь, ведьма?

Плечами пожала, еще ложку супа выпила, на небо глянула, да и ответила:

— Утро вечера мудренее, охранябушка. Давай ужинать, потом поспать не помешало бы тебе, а по утру, по утренней зорьке, и решу, что делать буду дальше.

— А порешить гада сразу, и спать спокойно, — мрачно предложил леший.

— А вот это не советую, — устало посмотрела на друга верного. — Я против и как ведьма — потому как несправедливо это, и как ведунья лесная. Лешенька, он архимаг с печатью частично сломанной, но силой активной, и от меня он все эти деньки

подпитывался, да так, что вот магичить уже может преспокойненько, так что от смерти его весь этот лес сгореть может. Вот ты как, хочешь без леса нашего Заповедного остаться?

Леший есть перестал. И кот перестал. И Мудрый ворон передумал мясо клевать. И только домовой ел себе преспокойненько и по мелочам не тревожился.

— А если уйду? — спросил маг напряженно.

— Так никто не держит, — улыбнулась ему лучезарненько. — Только ты учти, охранябушка, печать твоя нестабильная, силушка так же, а за пределами леса моего Заповедного тебя ждет Славастена с сыночком своим Тиромиром-гнидою, да Изяслава с ведьмаком Анарионом, а промеж них верный слуга короля архимаг последний Ингеборг, да только вот я бы на него не ставила — Анариону он клятву принес, как принцу, а Тиромир сын ему, так что для кого из них двоих он тебя на алтаре убьет, еще неведомо, но вот то, что убьет — это я тебе гарантирую. А коли ты чудом каким из лап его вывернешься, то путь твой жизненный все равно не долг — печать нестабильная, охранябушка, и когда рванет она — лишь дело времени. Так что, открывать тебе тропу заповедную? И подскажи уж сразу, куда конкретно открыть, в какую сторону-то?

Архимаг удар принял достойно. Пошел, умылся, руки ополоснул, к нам поднялся, кот пододвинулся, место освобождая, охранябушка рядом со мной сел, домовой ему супа набрал, мяса положил побольше, я хлеб протянула, ворон ложку.

Сидим, вечераем.

Хорошо, спокойно, идиллия.

И тут, нежданно негаданно, Сила Лесная объявилась.

Ветром шумным, древестным скриком, птичьим криком, и проявилось лицо из листьев дубовых, из гнезд птичьих.

— А гнезда-то положи где взял, — попросила я.

Сила Лесная одумалась, гнезда назад вернула, лицо правда без бровей осталось, но ничего, переживет.

— А я смотрю, ты, ведьма, ремонт затеяла, — молвила сила, все тем же мужским голосом.

И вот как к ней относиться-то, до сих пор не пойму. Зато одно могу сказать — ранее то я за ней язвительности не замечала, да и

являлась она хорошо если раз в полгода, а теперь такая честь, и все опять же мне одной.

— Так свежий воздух для процесса то учебного самое то, — ответила, поразмыслив. — Опять же вид хороший.

Силушка лесная недоверчиво прищурилась и спросила:

— Маг избушку сломал, да?

— Да, — подтвердила не весело.

Силушка Лесная вздохнула тяжело, кивнула, и посоветовала:

— За учебу принимайся, ведунья, али за размножение — самая пора настает, не теряй ночь понапрасну.

И усмехнувшись похабно, исчезла среди деревьев как не было ее, только птенцы расшумелись в гнездах потревоженные. Вот нельзя было без позерства никак, да?!

— Что б тебя, — прошипела нервно, и аппетит весь пропал как и не было.

А может и не было, кто его знает.

Отдав почти полную тарелку домовому, встала, из-за скамьи выскользнула не потревожив лешего, прошла к печи, за ней, в мешковине схороненная, тетрадь лежала толстая. Изымала с трудом, стена то была последняя, и вроде крепко держалась, а мало ли, осторожность не помешает. Открыла на странице первой, взглядом по нервным строчкам пробежалась, прошла до зубовного скрежета знакомое:

«День первый. Лесная ведунья из меня вышла так себе. Не ахти даже, я бы сказала. Спалила ветки и случайно одну старую ель. Ночевать в лесу плохо. Палить деревья тоже плохо. Заповедная Чаща зараза. Лесная сила — гад непонятной половой принадлежности. Все плохо. Утоплюсь».

Тетрадь закрыла. Подумала о том, что ничего не изменилось.

Решила, что за истекшие три с половиной года вообще ничего не изменилось.

Захватила полотенце, ушла топить.

— Ведьма, ты куда? — встревожился охранябушка.

— К водяному, — ответила я.

— Размножаться? — ехидно поинтересовался кот.

От Силушки Лесной заразился ехидством, не иначе.

— Топить! — не оборачиваясь, буркнула я.

И ушла.

* * *

На реке сегодня было неожиданно тихо. Я даже остановилась, озираясь непонятливо, но рыба плескалась, в заводи рядом кувшинки цвели, кикиморы помахали приветливо, так что вроде как все в порядке. Но пока до заводи шла, все понять не могла — что ж не так-то?!

Дошла, вещи свои сложила на кусту ближнем, рубашку исподнюю не снимала, уже ученая, это я по первости сюда нагишом сунулась, просто не знала еще про водяного, а тот был тем еще типом.

И вот только я, мыло душистое захватив, в воду ступила, как засветилась та, аки папоротник в короткую летнюю ночь, и хоть луны не было на небе, а лунная дорожка возникла, да и повела, серебрясь на воде, прямо к валуну огромному, где возлежал дивный молодец. Плечи у него — косая сажень, волосы — цвета спелой пшеницы, торс да руки его мышцами бугрятся, взгляд томный, призывный, улыбка в полумраке сверкает ярче месяца...

— И тебе не хворать, — сказала неприветливо, спускаясь в воду.

Водяной местный охальник был тот еще, и где ж такой выискался я по сей день не знала. Однако в столице, в королевском озере водяной был стандартный — с зелеными волосами, мутными глазами, скверным характером и вечно недовольной миной на опухшем лице. Стандартный в общем. А этот — нет.

— Весянушка, что ж ты невесела? Что ж ты рубашку не повесила? — низким хриплым голосом спросил водяной.

Глянула на него исподлобья, и даже отвечать не стала. Водяной сразу смекнул, что дело нечисто, а потому возлежал на валуне молча, пока я чистоту наводила. Вымылась, как есть, в рубашке, волосы промыла, ополоснула, а потом поплыла к водяному, он пододвинулся, освобождая место, руку протянул, помогая на валун взобраться и сесть.

— Ну, что опять? — спросил, когда дрожать от холода перестала.

— Водя, а ты печать магическую снимать умеешь? — спросила просто так, ни на что не надеясь.

Просто непростой это был водяной, очень непростой, так что у него многое спросить можно было.

— Печать магическую? — спросил водяной, почесав подбородок. — Снимал.

Я, резко голову повернув, воззрилась на него с надеждою.

— И как? — спросила, едва поняла, что теперь водяной молчать вздумал.

— А заводь видишь? — тихо спросил Водя.

Я огляделась. Заводь была приличная, да только сейчас я заметила, что на яму она больше похожа, чем на старое русло реки, или же залитый луг. Просто видать давно яма эта появилась, по склонам уже деревья росли не один десяток лет — два-три скорее, по берегам камыш везесущий, а то что вода тут была чистая — так на дне родник, оттого и мыться здесь было хоть и чисто, но холодно.

— Любил я ее, — вдруг признался водяной.

— Печать? — не поверила я.

Водя глянул на меня глазами лунного цвета, усмехнулся и выдавил нехотя:

— Эльну, магиню.

Наклонился вперед, руку протянул, прикоснулся пальцем к воде и пошли от той круги, да не простые, а мерцающие, и в кругах тех ожили воспоминания.

— Давно это было, — начал рассказывать Водя, — давно... словно и не было уже. Там, — он кивнул в сторону реки, стояла башня магическая, прямо посреди реки стояла. От нее к берегу мост вел, да только цельным он не был — обрывался, прямо над тем местом, где из воды валуны виднелись.

— Как это? — не поняла я.

И водяной показал. Башню-крепость посреди реки, мост от башни к берегу ведущий... да только берег тогда ближе был, река не столь полноводной и широкой, и на берегу том вторая крепость, и были они как пара. Та, что посреди реки — изящная, белокаменная, а та, что на берегу — темного камня, монолитная, внушительная. И мост от одной башни к другой, что обрывался на середине, да так что не перепрыгнуть — шагов десять пустоты было между двумя половинами моста.

— Чародейская академия, — сказал Водя указав на светлую башню, — а эта вот магическая.

Я с одной башни на другую взгляд перевела, но ничего не поняла.

— Чародейская? — переспросила.

Да и как тут не переспросить — не было у нас чародеев испокон веков! Я о таком и не слышала.

— Чародейская, — кивнул водяной, да и стала та башня ближе, словно подлетели мы к ней.

И увидела я на самой вершине магичек. Странные они были — волосами как одна седые, хоть и юные совсем, от семи лет и до двенадцати, уж не более, но седые. И сидели все на полу, перед каждой низкий каменный столик, а на столике том яблоко, змея в банке мертвая, и птица, за одну лапку привязанная. И кричали те птицы, и пытались вырваться... да куда ж вырвешься, если крепко привязан.

И ходила меж теми седыми магичками взрослая, возраста не определить, и двадцать ей могло быть и семьдесят, а волосы как у всех — лунно-серебристые, неестественные.

— Я... — начала было.

— Смотри, — сказал водяной.

Смотреть было на что — одна из магичек, та, рядом с которой стояла учительница, протянула ладонь над яблоком и оно скукожилось, чернея на глазах, и оставляя после себя лишь серебристое облачко, собравшееся сверкающим туманом под ладошкой девочки. Движение, и вот облачко над тельцем мертвой змеи — магичка опускает ладонь ниже, и трупик вспыхивает, поглощая сияние, начинает шевелиться, вскидывается и атакует из последних сил пытающуюся вырваться птицу. Сверкнули ядовитые клыки, забила пташка, теряя жизнь серебряными каплями... а те вниз не падали, поднимались вверх, впитываясь в ладонь магички, от чего седые волосы на голове ее заискрились серебряным сиянием.

Что-то говорит главная чародейка, и повторяют упражнение все ведьмочки, да только у одной из сидящих в отдалении вдруг вырывается птица, да испуганно мчится к окну. Лопает стекло на ее пути, вскакивает виновная в случившемся.

— Ее звали Эльна, — грустно сказал водяной. — Она не была чародейкой, но по мосту смогла пройти, выжила, от того и взяли ее на обучение.

Движение руки, и время ускорилося, промелькнуло одним мгновением и вот сидит на камнях у подножия башни девушка в темно-серой мантии. Ручки ее худенькие, кожа бледная, волосы лунного цвета в косу собраны, в глазах светло-голубых слезы, стекают они по лицу, и падают в воду.

— У чародеек на последнем испытании выбор небольшой — или ты убьешь, или тебя, — водяной протянул руку, словно хотел погладить лунные волосы, но пальцы лишь коснулись воды, поколебав ее и изображение. — Она убивать отказалась. Наотрез отказалась.

И наверху, в той башне, где учились девочки, слышались крики, показались вспышки света, да начали падать сверху камни, книги, стекла... тела таких же хрупких девушек с волосами лунного цвета...

— И ее заклеямили, — почти прошептал водяной. — Ее силу должна была поглотить главнейшая, сразу как пройдут испытания и в башне останутся лишь сильнейшие... но я не смог проплыть мимо.

И события прошлого начали раскручиваться как иная пружина, все ускоряясь.

Разговор страшного, но стандартного водяного с тихо плачущей девушкой.

Его вопрос, ее кивок, и чародейка, сбросив мантию, в исподнем скользнула в руки к водяному.

Попытка главной чародейки помешать, и волна, окатившая башню и пыл разъяренной... гадины.

Этот валун, тот самый, на котором сейчас сидели мы с водяным, девушка, лежащая на нем на животе, и водяной, касающийся склизкими пальцами страшной печати...

Яркое сияние взрыва...

— Я хотел помочь, — прошептал Водя, — я лишь хотел помочь... Если бы я только знал...

Вот так я и узнала, от чего водяной у нас такой красивый да магически одаренный.

— А до того, как печать наложили, забрать ее не мог? — тихо спросила я.

— Она не слышала. Не видела. Не чувствовала. Говорят слепые слышат лучше, чем зрячие, видать так оно и есть — я звал ее, часто звал, но лишь когда печать наложили, когда лишили ее магии, только тогда увидеть смогла.

Водяной с остервенением плеснул рукой по воде, на меня посмотрел и с горечью спросил:

— Хочешь узнать, от чего печать снял? От чего не оставил как есть?

Спросить хотела, но не решилась бы, ни за что бы не решилась, такое горе было в его взгляде.

— Она не хотела слепой жить, — прямо сказал водяной.

И соскользнув с валуна, исчез в воде.

Я осталась сидеть, обняв ноги и устроив подбородок на коленях.

Сидела недолго, Водя выглянул из-под кувшинки, и спросил:

— Чего твоя чаща разошлась?

— Территорию охраняет, — пожав плечами, ответила я.

— Да? — удивился водяной. — А волосы моих русалок ей для чего понадобились?

— А пугала ставить будет, — неловко пошутила я.

Водяной нахмурился и спросил:

— Отчего у русалок взяла? Почему не у кикимор?

Тут в него откуда-то сбоку прилетела жаба. Брякнулась на кувшинку, по ней сползла водяному на лоб... обидчивые у него кикиморы. Но тут уж сам виноват, я в их дела водяные не лезу, мне своих хватает. И к слову о моих делах.

— Водя, а что стало с чародейской башней, и той магической? Где они?

Водяной с лица осторожно лягушку снял, отпустил ту плыть свободно, на меня посмотрел и сказал не дрогнувшим голосом:

— Лежат. На дне. А такую реку, сама понимаешь, не осушить, не исчерпать.

Исчерпывающий ответ, ничего не скажешь.

— Водь, а книги-то достать можно? — спросила с надеждой.

Магические книги они защищенные, им ни огонь, ни вода не вредят.

Водяной поразмыслил и спросил:

— Тебе все?

Все вряд ли, их отмывать замучаешься, а магией не рискну сейчас — не нравится мне печать архимага моего, ох и не нравится. Лучше уж вблизи от него не магичить.

— Мне, Водя, те нужны, которые про печать магическую, — прямо сказала я.

Водяного я уже знала, тот был из тех редких представителей нечисти, что умел учиться на ошибках своих, а потому, коли ошибся, продумывал и искал выходы, а потому, вот зубом клянусь тем, который фальшивый, что искал он и книги, и то, в чем ошибся, печать снимая. И права была — водяной, высунувшись по пояс, на меня посмотрел и спросил:

— А что мне за это будет, Веся?

Начинается.

— Тебя хочу, — прямо и без обиняков заявил водяной.

Из ближайших кустов высунулась рука колючками покрытая, да кулаком тут же погрозила. Чаща была категорически против наших отношений с водяным. Просто от водяных, так уж случилось, только водяного и родить можно, а рыбы это вам не зверюшки, это, с точки зрения моей Заповедной поганки, совершенно не нужная вещь в хозяйстве, так что.

— Извини, друг сердешный, не в этой жизни, — уж даже не знаю в который раз, сказала я.

В камышах ехидно захихикали кикиморы. Вообще Воде не стоило намекать, что патлы кикимор для чучела куда лучше подойдут, чем волосы русалок, так что кикиморы теперь будут гарантированно мстить. Просто водяной им не хозяин — кикиморы народ свободный, могут в воде жить, могут в болоте, а могут и вовсе в лесу, а там на их стороне чаща всеми ветками и колючками, так что зря Водя так, очень зря.

— Хорошо, — Водя злой был, но держался, потому что знал — чаща моя сволочь зловредная и злопамятная, она при желании и до его волос добраться может, а уж о том, что русалкам теперь путь на сушу заказан, так и вовсе можно было говорить. — Тогда поцелуй.

Из кустов в водяного полетел валун. Водя мужик тренированный, перехватил в полете, отправил обратно — чай не лягушка, можно и пошвыряться. Чаща тоже рассудила, что камни жалеть смысла нет, и зарядила в водяного целой глыбой. Водя перехватил. В полете. Магией. Подержал, вздохнул страдальчески, назад вернул и на меня посмотрел.

— Хорошо, — я соскользнула в воду, — с меня поцелуй.

И соскальзывала я в воду, а оказалась вдруг в объятиях крепких, тесно прижатая к груди мужской, и нет — не был это водяной, вовсе не он был. У водяного и руки мягче, и тело... тоже мягче, а охранябушка весь твердый, как из стали выкованный, да и держит крепко, аж не продохнуть, а еще взгляд у него злой, матерый, опасный.

— Ведьма, — голос хриплым был, — я бы на твоём месте такими обещаниями не разбрасывался.

И даже возразить не дал, поднялся рывком, да и пошел по воде, утонув в ней лишь по колено, а тут глубины было в три роста человеческих, я точно знала, ныряла как-то за книгой оброненной.

И водяному, едва из воды вышли:

— Позже поговорим. Без свидетелей.

Тут уж у меня челюсть отвисла, да только архимаг клюку мою подхватил, магией подхватил, оземь ударил и путь открыл прямо к избушке!

Так что когда дар речи ко мне вернулся, не было уже ни заводи, ни Води, ни даже чащи Заповедной в кустах. Был маг. Маг меня в избу занес, на ноги поставил, полотенце протянул, развернулся и ушел. Да недалеко переходы были — в угол ушел, сел там, на стул уцелевший, учебник взял со стола, и... к чтению видать вернулся.

— Охранябушка, — заматываясь в полотенце, проговорила я, — а что это вот сейчас было-то?

— М? — он оторвался от книги, меня взглядом синим окинул, вновь к чтению вернулся, и ответил голосом злым: — Чаща твоя примчалась, изобразила мне процесс зачатия головастика, требовала остановить разврат, сообщила в красках и иллюстрациях, что сама три года уж поделывать ничего не может, и вся надежда у нее на меня только. И да, у меня, есть вопрос.

— К-какой? — потрясенно спросила, прижимая полотенце к груди.

Архимаг глянул на меня, усмехнулся и спросил:

— Чешуя не мешает?

— Н-н-нет, — ответила неуверенно.

— Ясно, — маг перевернул страницу, — значит чаща у тебя не только сволочная, но еще и тугоумная. Спать ложись, ведьма.

А такого уже ни одна ведьма не стерпит.

— А ты мне не указывай, охранябушка! — прошипела я.

Маг голову вскинул, на меня посмотрел пристально, и вдруг сипло произнес:

— Простите, госпожа.

Даже негодовать после такого не захотелось. Постояла, глядя на охранябушку, который смотрел так, словно приказаний ждет и вообще раб он мой, развернулась и ушла за печь, вымолвив:

— Называй лучше ведьмой, мне так привычнее.

— Как вам будет угодно, госпожа ведьма, — раздалось вслед.

Аж передернуло! Вот заладил-то!

* * *

Ложилась спать с влажными волосами, сушить их магией при архимаге с нестабильной печатью я не решилась. Пугала меня и сила его, и то, что контроль над ней охранябушка теряет рядом со мной.

Последний взгляд мой был на месяц.

«В полночь», — приказала я месяцу.

И провалилась в сон.

Снился мне лес. Он всегда мне снился — лесная ведунья спит, да не так, как кажется. Я спала как трава, как деревья, как земля — дремота, не сон, и работа. Лес, он ответственности требует, особенно если это Заповедный лес. И я спала лишь телом, умом бродила по лесу, отслеживая потоки силы, проверяя ручьи, улыбнувшись перебравшейся к нам сегодня семье кротов, заметила, что на одном из холмов земля сходить начала, вслед за ней деревья рухнут, надо бы вмешаться завтра...

И вдруг сон мой стал сном!

И я увидела себя, с костяным кинжалом в дрожащих руках... Я увидела себя, стоящую на коленях над тем, кто ради меня готов был отдать жизнь.

«Нет... — ветер срывает хриплый шепот с губ, ветер срывает горькие слезы».

«Да, — тихий голос Кевина, — нас никто не спасет, Валкирин, никто. Один удар, ты сможешь».

Валкирин — та, что выбирает мертвых. Имя, что дала мне Святослава... лишь спустя годы, я узнала его значение. В ту страшную

ночь — уже знала.

«Один удар, Валкирин, быстрее».

«Весья, — поправила я, — меня зовут Весьяна. Меня так назвала мама...»

Удар, острый нож в теряющем жизнь теле молодого мага, и слезы падают на его лицо, когда я, склонившись, прикасаюсь губами к его губам.

Его последний поцелуй...

Мой самый первый...

И яркий свет в глаза.

* * *

— Что с месяцем? — услышала вопрос, едва распахнула мокрые ресницы.

Не сразу поняла, где я, что со мной, и почему на краю моей постели сидит матерый измотанный жизнью мужчина, а потом вспомнила.

Села, слезы вытерла, на месяц глянула, тот, верный друг, луч убрал, свое дело выполнив.

— Спасибо, — прошептала я месяцу.

А вот затем посмотрела на архимага, да посмотрела вопросительно — кровать тут моя была, а его матрас за печкой, ввиду отсутствия теперь у меня прихожей.

— Это... моя кровать, — напомнила несознательному.

— Ты плакала, — прозвучало в ответ.

— Бывает, — улыбнулась заверительно. — Мы, ведьмы, существа эмоциональные. Спать ступай, охранябушка, и не перечь мне.

В последних словах непререкаемая сталь. Архимаг спорить не стал, поднялся, голову склонил, аки раб опять, и ушел к себе спать, да лег, повернувшись спиной ко мне и прикрывшись почти с головой. Видать обиделся, да не моя печаль в том, мне лес спасать надо, мага этого спасать надо, а потом как-то еще с Лесной Силушкой договариваться... еще не знаю как, потом придумаю.

Одеваться долго не стала — плащ простой неприметный на плечи, капюшон наинула на голову, туфельки легкие матерчатые, верная

клюка в руке, и шагнула я от избушки сразу к холму в лесу.

Там уже ждал леший, он моего леса хранитель, он со мной одни сны видит.

Постояли, глядя на холм, подумали. Поразмыслить было о чем — коли вмещаюсь я сейчас, то деревья, могучие великаны, коим еще стоять бы лет сто, а то и двести, погибнут. Да только холм источник подземный разрушает, и рвется он на поверхность, а вода здесь дело нужное — молодым деревцам подмога, мелким зверям питье.

Долго с лешим решали, чего делать то будем, как и дубы сохранить, и источнику путь на поверхность дать. И вот казалось бы волшебство дело нехитрое, со стороны оно может и так, а на деле сидим с лешим на земле формулы вычерчиваем, давление воды и силу корней высчитываем, да рассчитать надо так, чтобы и волки сыты и овцы целы. Решили. Дело сладили.

К водяному я пришла пошатываясь.

Постояла, на ветру качаясь аки камыши по берегам заводи, от того видать Водя меня не сразу и увидал.

— Случилось чего? — спросил встревожено, выныривая с глубины.

— Ддддерево, укрепппляла, — языком едва ворочать могла.

Ну да отойдет скоро, лес он великая сила — одной веткой отбирает, другой дает, так что под сосной посижу и в норме буду.

Водяной покивал головой понимающе, вновь на глубину нырнул, вернулся с сундуком, всплеском волны отправил его к моим ногам. Сундук был таков, что на нем и спать можно было бы при желании — крышка плоская, в старину такие сундуки делали и служил он частенько и хранилищем и кроватью хозяевам. Да только этот сундук был не простой — не ведаю, сколько лет ему было, но веяло тьмой, холодом могильным несло, да привкусом крови на губах.

— Зачарованный, — подтвердил догадку мою водяной. — Сам пытался открыть — не вышло.

Кивнула, говорить сейчас трудно было, только позвала лешего мысленно, да клюкой оземь ударила.

Под сосной возле избушки я сначала полежала, посидеть не вышло. Полежать долго тоже — охранябушка пришел. Постоял, на меня посмотрел, ушел. Думала спать пошел, оказалось нет — прислал ко мне домового с чаем и бутербродами. Надо же, оказывается хлеб еще остался, я думала весь съели.

Когда перекусила, архимаг все же не выдержал, пришел. Постоял. Посмотрел на сундук, на меня, спросил:

— Ведьма, этот хран зачарованный. Его не открыть. Попытаешься — все что в нем, уничтожится.

— Не учи ученого, — высунулся из дерева кот Ученый.

Охраняб на него едва ли поглядел, на меня смотрел предупреждающе.

— Спать иди, — послала я его. — С сундуком сама разберусь, не маленькая.

Однако маг даже не дернулся, вздохнул, сдерживая негодование, и хотел было что-то еще сказать, да не успел — я руку к сундуку протянула, дерева мореного коснулась... и осыпалось трухой то дерево, остался только каркас стальной, да замок нетронутый. Охраняб потрясенно на меня поглядел, и произнес только:

— М-да.

— Я же ведунья лесная, забыл? — спросила с улыбкой.

Отвечать он не стал, нагнулся, каркас оставшийся от сундука поднял, книги вытряхнул, а опасное хранилище подальше отбросил. Затем на колени опустившись, быстро книги перебрал, каждую в руках подержал, будто искал чего. Да только не искал — охрану он с них снимал. Чародейские книги, они часто зачарованы, и тому, кто откроет мало хорошего несут, да только архимагу такое нипочем. С каждой книги чары снял, после встал и ушел обратно к избе, оставляя меня сидеть в задумчивости.

— Силен, — заметил леший.

— Двух архимагов сам убил, — тихо сказала я.

Леший суставами потрещал в задумчивости, да и ушел в лес — я дерево укрепила, но следить за ним лешему теперь. Долго следить, до тех пор, пока под корнями исполина не пробьется на поверхность родник, но и на том не все еще, проследить надобно, не размочит ли вода почву, верно ли рассчитали мы все.

Я же снова жестоко эксплуатируя месяц, приступила к чтению — чародейский язык я знала плохо, но он был подобен языку магическому, а вот его уже... я тоже знала плохо. Но мы, ведьмы, народ настойчивый, так что я с энтузиазмом взялась за дело.

* * *

К спящему архимагу подобралась бесшумной кошкою, скользнула пальцами по покрывалу, осторожно оттягивая, да только...

— Ведьма, ты меня домогаться решила? — спросил неведомо как проснувшийся охранябушка.

— А то, — подтвердила бодро. — Размножение, оно, охранябушка, куда проще обучения.

— Ну-ну, — хмыкнул маг.

Но не мешал, и то хлеб.

Стянув до пояса покрывало, я рубашку задерла по самую печать, хотя по-хорошему снять бы ее, рубашку в смысле, ну и печать тоже.

Посидела, посмотрела, попросила:

— На живот перевернись, будь так добр.

Охранябушка взял да и перевернулся. На спину. Мне же досталось крайне сомнительное удовольствие встретиться взглядом с синими, такими синими, что почти фиолетового оттенка глазами, и взглядом недобрым.

— Ведьма, — тихо произнес маг, — уймись. Эту печать не снять.

Унялась бы, да только:

— Мужик, либо я печать сниму, либо ты мне тут пол леса снесешь и не заметишь! О себе не думаешь, о природе подумай!

Маг выслушал молча, но как высказала все, со спокойной насмешкой произнес:

— Есть третий вариант, ведьма. Ты меня убьешь и войдешь в силу.

У меня от слов его руки опустились. Опустилась на край лежанки его, посмотрела с тихой тоской и едва слышно вымолвила:

— А ты еще не понял, охранябушка?

Посмотрел недоверчиво, а в глазах уже промелькнуло, проявилось подозрение.

— Кевин Ланнерон.

И вроде тихо сказал, а для меня слова его громом небесным прогремели. Как приговор.

Усмехнулась невесело, кивнула, да и повторила просьбу:

— На живот перевернись.

Но архимаг даже не пошевелился, лишь смотрел на меня, а что было во взгляде его — леший разберет. Я не вглядывалась, я отвернулась и запрокинув голову, на месяц посмотрела... не до слез мне сейчас, совсем не до слез.

— Быть того не может, ведьма, — что-то не так у мага этого было с голосом, говорит вроде тихо, а пробирает до костей, — что-то тут не так. Я по вашему следу шел, я следы заклинания видел, я... Вас лес поглотил. И раз ты стала лесной ведуньей, значит, ты природная ведьма и...

И он осекся.

Вспомнил, стало быть, слова мои.

Вспомнил и понял:

— Но ты не природная, тебя лес призвать не мог, ты действительно прирожденная... Твою мать!

Резко повернувшись, посмотрела на него с яростью и прошипела:

— А вот мать мою не трогай!

— Остынь, ведьма, это было ругательство, — холодно произнес архимаг.

Я то остыну, тебя, сволочь, сейчас спасу, потом из лесу своего вышвырну, потом остыну!

— На живот! — прошипела, с трудом ярость сдерживая.

Маг молча перевернулся.

Мне же пришлось снова рубашку задирать, но мучить меня архимаг не стал — стянул рубашонку одним рывком через голову, лег, предоставляя мне всего себя, и лишь когда я к коже его притронулась, не к самой печати, а к черным молниям наложенных проклятий, тихо сказал:

— Ты же обманула меня, ведьма.

— Смотря в чем, — не стала оправдываться я.

Усмехнулся, затем произнес:

— Если ты прирожденная, значит, лес призвать не могла. Но лес вас поглотил, головой ручаюсь, а значит, силу свою ты на призыв

потратила. Так? И это был вовсе не план Кевина Ланнерона, да, ведьма?

Я провела пальцем по черным отметинам, да и не стала молчать:

— Охранябушка, родненький, умен ты больно. Так умен, что шанс у тебя есть, хороший такой шанс... Стать богаче на парочку проклятий сверху тех, что уже имеются. Не зли меня, маг, просто — не зли!

Злить не стал — лежал молча, дышал осторожно, стараясь не шевелиться даже, а я устроившись удобнее, проводила пальцем по черным молниям проклятий, незримо повторяя рисунок каждого из них. И уже почти закончила, когда неугомонный этот вдруг высказал:

— Лечишь ты хорошо. Слишком хорошо и для ведьмы, и уж тем более для ведуньи лесной. Хорошо лечишь. Лучше целителей.

— Ой, а я посмотрю, ты у нас не только умен, а еще и на комплименты горазд. Ох, охранябушка, ой смутил меня старую, — протянула язвительно.

— Молодую, — возразил маг. — Очень молодую. Слишком молодую, для того, чтобы настолько овладеть целительским ремеслом. И это притом, что у тебя даже дара нет целительского.

Я замерла.

Хотя и не стоило, на таком моменте останавливаться — большее ему будет потом. Вот только, даже не догадываясь, сам архимаг сейчас причинял боль мне, вскрывая старую рану каждым из слов.

— Замолчи! — не попросила, скорее потребовала.

Замолчал... жаль, что не надолго.

— Его вылечить не смогла, да, ведьма? — тихо спросил маг.

Вскочила как, сама не ведаю, развернулась, сбежала вниз по ступеням лестницы, дороги не разбирая, ушла в лес, без клюки родимой даже. Шла, куда не ведая, потом сил не осталось — рухнула на колени, рукавом закрывая крик и всем телом сотрясаясь от рыданий.

Не смогла...

Все сделала, что умела, что не умела сделала тоже... два месяца его мучила, к смерти не отпускала, а спасти... не смогла.

И захлебываясь слезами, не слышала тихой поступи, лишь замерла, когда укутал одеялом, когда обнял, прижимая к себе, когда произнес сокрушенно:

— Прости меня, Веся, прости. Нужно было заткнуться.

Нужно было.

Но говорить я этого не стала, лишь спросила:

— Как ты меня нашел?

Маг молча положил передо мной клюку.

Помолчал и добавил:

— Прости.

Вытерев слезы, тихо ответила:

— Дело прошлое.

Я поднялась, маг поддержал, и убрал руки прежде, чем я успела попросить об этом.

* * *

В остатки избушки вернулись молча. Я сходила к бочке, умылась ледяной водой, постояла, глядя на лес... Лес меня и защитил, и вылечил. Лес мудрее нас. Он бережет, он хоронит, он скрывает... Хорошо мне в этом лесу было. Так если подумать — я даже счастливая живу в нем. Мне здесь и хорошо, и спокойно, и это дом мой теперь, да только страх появился, что выгнать могут. Но смогут ли? За первый свой дом я сражаться не могла, мала была еще, из второго «дома» сбежала, а третий дом для меня вот он. Мой лес. Мои леший, кот, ворон и чаща, пусть и зловредная.

Когда в дом вернулась, маг за столом сидел, опять с книгой.

— Спать ложись, охранябушка, через пару часов рассвет, — сказала я, в постель укладываясь.

Взгляд архимага не увидела, скорее почувствовала, да в ответ смотреть не стала... не сегодня.

— Веся, я могу спросить?

— Ведьма, — поправила я, — называй меня так, мне привычнее, тебе проще.

— Мне не проще, Веся.

Ну, твое дело значит. Я отвечать не стала, укрылась почти с головой. Но охранябушка мне попался упорный и настойчивый.

— Прирожденная ведьма ведь слабее природной, я правильно понял?

Да что ж ты все не уймешься никак?!

— Правильно, — тихо ответила.

И зажмурилась, надеясь перейти в то состояние дремоты, в котором видишь лес, и не видишь воспоминаний и снов. Да разбередил маг все, все что болело на сердце, но уже казалось бы похоронено было под прошлогодней листвой, но нет — тлел еще тот костер, на котором сожгли мою мать.

«Ведьма!»

«Дочь ведьмы!»

«Смотрите, ведьма идет!»

Я слышала это с детства, с самого раннего детства, но однажды селяне перешли черту.

«Смотрите, опять эта ведьма до колодца идет! А бей ее! Бей ведьму!»

До меня и первый камень не долетел. Не знаю, как это вышло, до сих пор не знаю. Я навроде только голову руками прикрыла, но что-то случилось, и от скрещенных в попытке защититься рук, ударила в толпу волна силы. Да такой силы, что снесла подростков, организовавших травлю, и взрослых, что стояли в отдалении наслаждаясь моим унижением, и даже парочку домов сила тоже снесла.

И осталась я, со слезами застывшими в глазах, а повсюду прочь бежал народ, дети кричали, страх поселился, и тучи, страшные тучи, внезапно превратившие ясный день, в серую муть.

Потом прибежал отец, тряс меня, ухватив за плечи, и все орал «Ты что наделала, Веся?! Ведьма, что ты сделала?!». А я не ведала что ответить. Только больно было, от того, что и папа меня ведьмой назвал, ох как же больно от этого было. И спросить мне хотелось только одно: «За что?». За что так со мной? За что так с матерью моей?

— Весь, но прирожденных ведь много, — вдруг сказал архимаг. — Да почти каждая вторая, у тебя не должно быть силы, практически вообще никакой.

Ее и не было, до того самого дня. Ее не было...

— Знаешь, охранябушка, если тебя ведьмой с детства кличут, ведьмой и станешь, — едва слышно ответила ему.

А мама ведьмой не была. Это я потом, когда у Славастены в обучении была, уже точно выяснила, к отцу приехала и под нос ему сунула выписку из учетной книги. Мама ведьмой не была! А вот я ею

стала. В тот самый день и стала, о чем было указано во второй выписке — всплески силы всегда фиксировались ведьмами, так что все было наглядно и других доказательств не требовалось.

Отец выписку прочел, на меня посмотрел, пошатнулся. Мачеха кинулась, воды принести, а отец... он только и смог, что сказать «Прости меня». Не простила.

За себя может и просила бы, а вот за маму — нет!

Молча вышла из дому, силой отшвырнув от себя брата, что кинулся на меня с вилами, да сестру с топором. На дворе стояла, ловя отовсюду перепуганные взгляды соседей. О, да, теперь они боялись, я больше не была маленькой беззащитной девочкой, которую можно было безнаказанно обижать. Теперь я была ведьмой, в дорогой одежде, приехавшей на дорогой карете запряженной двумя вороными жеребцами, и с кольцом на пальце. Огромный, черный бриллиант в обрамлении капелек прозрачно-белого бриллианта — признак моего статуса. И одно это кольцо стоило больше, чем вся эта деревенька, некогда затравившая мою мать только за то, что приехавший свататься к дочери старосты купец, с первого взгляда влюбился в нее, сиротинку с окраины, безотцовщину.

Безотцовщина...

Дед охотником не был, но когда в лютую зиму в деревню пришел медведь-шатун, он бросился защищать... эту деревеньку и этих людей. И ни один охотник из избы не вышел, чтобы помочь ему! Медведь-то огромный был, испугались мужики, никто на подмогу не пришел. Дед победил, да только подрал его медведь, сильно подрал... до весны дедушка не выжил. Вот так и стала моя мама в десять лет безотцовщиной. С бабушкой они не жили — выживали. Без мужика в деревне не проживешь, а бабушка в другой раз замуж не пошла, не смогла она, не захотела. Вот так и вышло, что мама к семнадцати была не сосватана — приданного то нет, а то что милая, да пригожая, это еще не повод венчальный венок предложить. И все же нашелся один парубок, из тех что охотничьими дружинами в лес на заготовку шкур уходил, да по весне возвращался. И вроде сладилось у них, да только тут мой отче пожаловал. Он влюбился сразу, но и мама полюбила всем сердцем. И чего только не натерпелась, от своей любви. Избу их с бабушкой поджигали, да не раз, в спину порой летели камни, а купец, что клялся жениться, со свадьбой вдруг затягивать начал. Купец, что с

него взять? Когда первый порыв чувств прошел, он вспомнил о том, что брак с дочерью старосты, это выгодно — купец был заезжий, у старосты можно было поставить перевалочный пункт, да и возить товары в обход пограничников, без уплаты пошлины, а с мамы моей что было взять? Ничего. Да вот тут проблема образовалась — я уже под сердцем у матери жила.

То, что случилось дальше, узнать мне было очень тяжело, но я узнала. Одна из «подружек» матушки, прибежала на святки, попросила погадать ей на жениха. Обычная забава — воск свечи вылить в блюдце с водой, да по воску застывшему, по кляксе этой непонятной, пытаться судьбу прочесть. И ничего колдовского в забаве такой нет, нет и ничего опасного, но только мама воск в чашу вылила, набежали деревенские да храмовники. Маму обвинили в колдовстве.

Меня то спасло, что роды начались преждевременные. Так я осталась на руках у бабушки, а мама умерла в храмовой тюрьме. До вынесения приговора она не дожидая, так что спалили на костре лишь ее окровавленное родами платье.

И во время этих событий, мой отец находился в деревне.

Я была совсем маленькая, когда умерла бабушка. Помню только, что было мне тепло и хорошо, а потом вдруг стало холодно и голодно и жить я начала в другом доме. Отец забрал. Плохо он ко мне не относился, прохладнее чем к своим детям от мачехи, но не плохо. Плохо относилась мачеха, мои кровные брат с сестрой, да селяне.

«Ведьма, дочь ведьмы»...

Я хорошо помню тот день, когда вышла из дома своего отца и стояла на дороге, глядя в небо. А деревенские знали, точно знали, что прокляну я их сейчас. И не ошиблись ведь.

«Сколько мать моя слез пролила, столько и вам не видать солнца ясного!»

Я сказала это громко, чтобы все слышали, а ответом мне был грохот небесный.

Когда я уезжала, в деревеньке Горичи шел дождь.

И спустя неделю — там все еще шел дождь.

И спустя месяц...

И спустя год!

Жалобы на меня до самого короля дошли, от него приказ к Славастене «Угомони ученицу». Но прозвучало уже проклятие, как

снять его я не ведала, ведьмы подступились было, да только в результате вмешательства, дождь лишь сильнее пошел.

Нет больше деревеньки Горичи, болото одно осталось.

Кто мог — уехал, кто не мог — ушел. Отец бросил свою жену, как только понял, что склады теперь держать в Горечах не получится, но и он от кары не ушел — в родной стране его ждал неприятный сюрприз, брат его младший все к рукам прибрал, и отец остался ни с чем. Знаю я это потому, что купец не постеснялся ко мне приехать и о помощи просить, мол «Прокляни брата моего беспутного, я же тебе не чужой, ты же дочь моя». Ну раз дочь, я и прокляла... отца, естественно. На неудачу.

А в Горичах все так же часто идет дождь, но каждое утро солнце светит на три могилки за селом, и цветут на них цветы круглый год в любую погоду.

«Весь, у нас вторжение, — сообщил вдруг леший».

«Ведьмак?» — мгновенно насторожилась я.

«Вроде он, — с сомнением ответил друг верный, — но не ведьмак теперь, а ромашак. Не взыщи, хозяйка, другого слова не подберу».

Поговорить значит ведьмак хочет, да только я сейчас совершенно не в том состоянии.

«Чащу позови, пусть ему лекцию прочтет еще раз. Она знает какую. А мне бы поспать, лешенька».

И я заснула, покойно и привольно, как может спать только лесная ведунья, без снов, без кошмаров, без воспоминаний.

* * *

Утром проснулась поздно и удивилась тому, что свет мне в глаза не бил, и вообще полумрак повсюду. Села, огляделась, улыбнулась. Охранябушка за ночь раздобыл где-то ткань черную, и занавесил все стены несуществующие, так чтобы свет не мешал мне.

Встала, потянулась, вышла из избы и заулыбалась уже всему — солнцу, утру, лесу, лешему который держал бревно, коту Ученому, который давал советы, Мудрому ворону, который давал указания, и даже охранябушке, который бревно это пилил. А у костра русалки лысые обед готовят, из лесу медведь с кузовком грибов идет, и чаща

моя зловреднючая, лежит на солнышке, ногой в листочках покачивает, и морда у нее ну такая довольная, что ни словом сказать, ни песней передать.

Красота в общем!

— С добрым утром. Как ты? — спросил маг, выпрямляясь.

— Спасибо, хорошо, — ответила улыбаясь. — Лешинька, ты сильно занят?

Суровый мой сотоварищ, посмотрел на чашу. Та, поначалу делала вид, что вообще ни разу намеков не понимает, но с лешим не забалуешь. Встала как миленькая, пошла бревно для охранябушки держать, но я ее взгляд на медведя перехватила, и вот клюкой поклясться могу — она сейчас медведя припашет. Чаша у меня та еще поганка.

Посмотрела на русалок, те улыбались во все зубы, счастливые такие... лысые.

— Русалочки, милые, а где волосы-то? — не удержалась я от вопроса.

— Утра доброго, госпожа лесная ведунья, — ответили они разом.

Потом вдруг засмутились, глаза опустили, и только Фати, она самая смелая из них, сказала:

— Нам чаша-матушка все поведала, ну об том, почему ж вас все страшной уродиной кличут, уж не сочтите за оскорбление, госпожа. Да только волосы же сейчас не в моде, особенно у магов. Им чистенькие, без волосика, девушки нравятся.

Ну... чаша!

Глянула на чашу — та улепетывала, бревно теперь медведь держал, грибы мне кот нес, а охранябушка, видать уже знал все, но лишь улыбку скрыть пытался, а говорить правду русалкам, видать, никто не собирался.

Даже я.

— Эм... красиво, — проговорила невнятно.

— Маслом натерли голову, чтобы блестела! — гордо сообщила Этин.

Ну чаша, ну ты у меня еще попляшешь.

Да только тут как раз леший подоспел, не то, чтобы он спешил, но подошел в самое время.

Я руку протянула, к его колючей щеке прикоснулась, и глаза закрывала уже, когда заметила — не пилил бревно больше мой охранябушка. Замер он, гневно глядя на лешего. С чего бы?

И глаза я закрыла, передавая другу верному все сведения о лесе, все что во время сна заметила, все что ему сделать надобно. Где подлесок прорядить, где муравьев угомонить, с каким волком побеседовать надо бы, а то повадился на оленят охотиться, мне Урог и раньше про него говорил, а вот сегодня сама увидела — волчара этот наглый, от стаи отбившись, караулил у водопоя не старых или больных, а молодых оленят. Негоже это! У волков своя задача, а коли не выполняют — прочь из моего леса! В общем дел было много. И славно так, что леший у меня теперь есть, по началу все самой делать приходилось, я с ног сбивалась, все чаще где-нибудь под сосной спала, но может и к лучшему это, меня тогда только работа и спасала, берегла от дум страшных. И все же с лешим полегче стало, и я без него как без рук теперь.

Все передала, поручения дала, открыла глаза, улыбнулась другу верному, руку опустила.

— До заката управиться надо бы, лешенька, — попросила его.

— Я-то успею, а ты? — спросил леший.

— Управлюсь. У меня выбора нет, вечером поспать нужно будет, ночь-то вся на охранябушку уйдет.

Леший повернулся, да на охранябушку глянул недобро.

— Не злись, лешенька, — попросила его.

Тяжело вздохнул богатырь лесной, да и исчез. Оно и верно, работы много сегодня, а я и так проснулась поздно. Быстро умывшись, волосы расчесала, собрала, на ходу хлеб с сыром сжевала, опосля нос нацепила, на лицо краску нанесла, брови поклеила косматые, бородавки самые страшные, плащ же не самый страшный — тот после охранябушки надо было еще починить.

Из избы вышла уже как полагается — страшная, мерзкая, жуткая.

— Лапти забыла, — сказал вдруг маг.

Ой, точно!

Метнулась обратно, переобулась, но когда спустилась по лестнице, маг заступил мне дорогу. Осмотрел внимательно и спросил:

— Магией пользоваться не стала. Выходит, опасаясь?

— Повод есть, — ответила я.

И чуть не помянула все поганки лесные разом! Модулятор голоса забыла.

— Да что ж за день то такой! — пришлось опять бежать в избу, охранябушка почему-то за мной пошел.

Постоял в полумраке, пока искала нужный, да настраивала на каркающий резкий голос, делая распевку, а потом спросил:

— Что конкретно не так с магией?

Посмотрела на него досадливо, вздохнула и правду сказала:

— Мою ты поглощаешь. Да быстро. Так быстро, что иллюзия и та не держалась, глаза мои сползающие вспомни.

Маг кивнул, принимая ответ, и произнес:

— Ночью ты не переодевалась. Сейчас снова в «образе». Людей встретить собираешься?

Посмотрела на него пристально, да и совет добрый дала:

— В мои дела не мешайся, охранябушка. Это мои дела, не твои.

Промолчал, взгляд тяжелый, пристальный.

Затем вдруг сказал:

— А из охранительной магии на тебе что-то есть?

Да сколько ж можно уже.

— Чаща! — позвала я.

Меня она везде услышит, даже если рядом нет, а уж зову не поддаться права не имеет. Вот и сейчас скользнула в избу стебельком вопросительным. И вот тогда я и нанесла удар, вымолвив.

— Чаща, родненькая, ты не поверишь — маг наш вообще ничего о зачатии не ведает.

Это было все!

Когда я уходила, в избе царила такая тишина, что была хуже рева звериного, но это ничего, мне все нравилось.

* * *

Дел сегодня набралось немало — лес то мой Заповедный увеличился, от того и хлопот прибавилось. И металась я с клюкой из одного конца вверенной территории в другой, иной раз с лешим пересекаясь. Так, пока я с главным оленем разговаривала, вдали раздавался оправдательный скулеж волка-негодника — леший работал.

А ведьмак спал. Все там же, на опушке леса, нервно отгоняя от своих ромашек местных пчел. Пока гонял — я не трогала, а как прибить попытался, мгновенно чащу призвала. Теперь ведьмак выл, он эту лекцию в третий раз смотреть вынужден был.

С лешим встретились у нового источника — пока все шло, как надо было, но только пока, вода все равно размывала холм. Постояли, подумали. Поняли в чем ошиблись и где в расчетах вообще закралась ошибка — почву определили неверно, глина в ней была, да только на поверхности, а внутри песка больше... нет, не удержу я дуб, рухнет он. И когда упадет, ох и дров наломает. Постояли, еще на холм посмотрели, подумали.

И тут Савран вернулся.

Как ступил на территорию моего леса, я ощутила сразу, остановился и он в замешательстве. Да, плохи твои дела, Савран, ох и плохи.

— Саврана к жене проводи, — попросила лешего.

Тот кивнул, я осталась корпеть над расчетами. Вот нельзя дела лесные в спешке делать, знаю же, но нет — поспешили мы вчера, и вот он плачевный итог. Посидела, подумала, посмотрела на холм... ну его к лешему, простым путем пойду! Глаза закрыла, осмотрела лес, нашла бревно тонкое, муравьями проеденное, отобрала решительно, перенесла к холму да и сделала из него сток. Так чтобы от самого грунта, до поверхности, и не через холм, а к его подножию.

К тому времени как леший пришел, уже справилась, стояла, плащ отряхивала.

Друг мой верный скользнул призрачной тенью в холм, оценил работу, вернулся, на меня поглядел с сомнением.

— Лесная сила за то не похвалит, — сказал леший. — У леса свои правила, свои законы, могла б суглинка намыть, камнями дно рудника устелить, а еще...

На этом леший замолк. Могла бы, да, а еще мог бы он верно состав почвы определить, но тут дело такое — с меня паршивая ведунья, а с него крайне ограниченный леший. Нет, раньше он был явно выше похвал всяческих, профессионал своего дела, да только... Так уж вышло, так случилось, что ко мне леший пришел умирать. Насилу спасла, и спасла же, вот только ныне леший от сил своих

прежних едва ли одной пятой владел, так что — работаем с тем, что имеем.

Но леший о своих обязанностях вспомнил, сник.

Посмотрела на него, вздохнула, да и не выдержала:

— Лешенька, а вот давай откровенно, правду-матушку тебе скажу. У Лесной Силы правила есть, тут ты прав, есть и законы, и с этим спорить не буду, но от гор, до заморья — это последний Заповедный Лес! Последний, лешенька. А все знаешь почему?

Леший угрюмо посмотрел на меня.

— А все потому, — заявила решительно, — что действуем мы так, как считаем правильным. Правильно мы с тобой действуем, вот. И можно бы постенать, что и ты и я не идеальны, но будем откровенны — все у нас получается. Посмотри, три года миновало, а наш лес цветет и процветает, и зверья вдосталь стало, и ягод... А какой сорт земляники ты хороший принес, как поспеет — на весь лес аромат разносится! Так что хорошие мы с тобой леса сохраники, очень хорошие.

Задумчиво почесал леший бороду, на меня посмотрел, да и спросил:

— Хорошие, твоя правда. А вот надолго ли? Ты, хозяйка, рискуешь сильно, справишься ли мне не ведомо. Но знай, сейчас знай — для мага я остров нашел. Коли безумным станет — с него не выберется. Коли разум сохранит — сорванная печать повредит лишь валунам да скалам. Советов давать не буду, не мое дело, лезть не стану, просто помни, что сказал.

— Запомню, — вздохнула я.

Совестно мне было, что вчера сорвалась на печали прошлого. О прошлом жалеть смысла то нет уже давно, о будущем думать надобно, тут леший прав. Но вот что меня вдруг встревожило:

— Лешенька, а от чего Ясеновый лес-то пал?

Странное дело, когда узнала, опечалилась, конечно, а кроме грусти и сожалений, иных мыслей не было, да и дел тогда было невпроворот. Нечисть к нам хлынувшую привечать пришлось, обустраивать, территорию леса увеличивать, правда не так, как в этот раз, по всему периметру, а лишь на болото протянуть подведомственные земли, да на взгорье, взрыг да шуней в лесу ведь не поселишь, им горы нужны. Мы тогда с лешим с ног сбились, до

смешного дошло — у селян свиней на развод закупают, кормить то нечисть и живность чем-то надо было, а из павшего Ясеневого Леса волков пришло в два раза больше, чем оленей. Ох и намаялись тогда. И что только не делали. Пшеницей да овсом холмы засеивали, бурак да репу чуть ли не вручную сажали, заячью траву сеяли, и не только ее. И по правде — не было бы у меня тогда лешего, ни в жизнь бы не сдюжили. Но справились, сумели.

А вот о Ясеновом лесу тогда почему-то даже не подумали.

— Надо бы узнать, — призадумался леший.

И на меня посмотрел напряженно вдруг. Я знала, какой вопрос леший услышать не хочет: «От чего сгинул Подгорный Заповедный лес?». Но я не охранябушка, я задавать вопросы, от коих сердце кровью истекает, не стану.

— Ворона Мудрого пошлем, — решила подумав.

— Стар уже, — не согласился леший. — Но сокола молодые на крыло встали уверенно, может послать кого?

— Хорошо, — согласилась я, — только сначала ко мне пришли.

Переглянулись и дальше за работу.

* * *

Лес, он огромный, сложный, за ним глаз да глаз нужен. Особливо когда поэкспериментировать ради блага, а потом хоть головой о стену бейся. Вот как сейчас прямо.

— Просьбу я твою выслушала, Острый клык, к сведению приняла и о том я подумаю, но еще одно дерево мне попортишь — волкам отдам!

Свиньи, коих закупили мы на развод, долго сами не разводились, аккуратно пока к ним кабаны из окрестных лесов не сбежались. Вот тогда дело и пошло — свиней развелось видимо-невидимо, да все бы ничего, если бы вот не он! Острый клык! А прозвали его не просто так — кабан этот, вымахал мне по пояс в холке, клыки свои поточить любил. И говорила же — точи хоть об старые деревья, хоть об камни у реки, но нет, в молодые рощи повадился.

Острый клык извинялся, даже желудей принес — сажай мой, лесная хозяйка, прости меня, непутевого, да только... как точил клыки

об деревья, так и буду.

— Клык лишу! — пригрозила кабану.

Свин хрюкнул возмущенно, начал землю рыть копытом, пришлось объяснять как маленькому:

— А если я с тебя кожу сниму частично, аккуратно поперек тела, как тогда запоешь?

Своей шкурой Острый Клык дорожил, отступил мгновенно, голову склоняя, и помчавшись прочь, гарантировал, что больше ни в жись, никогда, ни за что, ни единого деревца...

Проводила его бегство печальным взглядом и начала раздеваться.

Плащ маскировочный на сук повесила, маску туда же, лапти с когтями вделанными скинула, осталась в одном исподнем, клюку даже отложить пришлось. Вообще, по правилам, я все это делать должна была иначе — сесть в роще израненной, клюкой нарисовать охранительный знак, а затем, вдохнуть силу леса и выдохнуть ее в покалеченную рощицу. Но это по правилам, я знала о них, но и знала и о том, что спасая жену Саврана, увеличила свой Заповедный лес и тем ослабила его. Взять силы у леса сейчас, это поставить под удар все те территории, что еще не укоренились на Заповедной стороне. А потому робкий шаг босой ногой, волосы, что струились по ветру и вдох — я собиралась залечить рощицу своей силой.

Шаг, еще шаг, поворот, изгиб, второй вдох, на грани возможностей легких, поворот, падение на колени, прогиб назад и выдох до головокружения, до биения пульсации в висках, до ощущения легкости...

«Все на свете как вода,
Все на свете как земля,
Все на свете в ночь летит,
Свет и вода все излечит»...

И две ладони ударяют по прошлогодней листве.

Всплеск силы! Вихри подхватывающие листву и превращающие воздух во взвесь из капель, листьев, травы и энергии!

Ладони сжимаются в кулаки — сила опадает вместе с мелким сором, капли стекаются одна в другую, создавая лужицы, те текут в

ручейки, ручейки поднимаются по стволам покалеченных деревьев... содранная кора возвращается на свое место, становится единой, обволакивает поврежденные участки, заживляет рощицу.

Я поднялась легко, словно ничего и не было.

Легко обошла рощицу, проверяя все ли удалось, легкой походкой с улыбкой вернулась к своей одежде и замерла, ощущая как перестало биться сердце, как улыбка стала застывшей маской, как душа проваливается куда-то очень далеко...

Возле одежды моей стояли двое. Один почти сливался с природой, и на нем обильно цвели ромашки, но его я не боялась.

Второй напугал до одури!

— Ну, здравствуй, Весенька, — произнес королевский маг, привалившись плечом к березке и насмешливо взирая на меня.

Заратарн эльн Тарг в моем лесу. Кто привел даже спрашивать не надо — ведьмак, больше некому. Как провел — тоже без вопросов. Я рощицу своей ведьмовской силой восстанавливала, а потому связь с лесом была временно прервана, от того и не ощутила вторжения. Вот же мерзость то, а!

— Забавно как, — маг, одетый как с иголочки, все с теми же глазами подведенными черным углем, оглядел меня с ног до головы, — все почитают тебя Ведуньей лесной, а ты всего лишь ведьма в услужении, не так ли?

Не так. Но мне нравится твоя теория, Заратаренька, продолжай.

Он и продолжил, да только как-то не так.

— Красивый танец, — сказал с лукавой улыбкой.

Вот значит как.

Я руки на груди сложила и спросила ласково:

— Заратаренька, одного быка тебе, как погляжу, мало было?

Магов взгляд желтизной сверкнул — выдавая ярость. И я улыбнулась коварненько.

— Кого на этот раз видеть желаешь, Заратаренька? — издевалась в открытую — мой лес, ничего они мне тут не сделают. — Может коня? Козла? Али к тебе кого по экзотичнее, медведя там? А хочешь, с водяным поговорю, у него в реке парочка кракенов завелась, древние интересные... самое то для тебя, Заратаренька.

Маг постоял молча. Глядел свысока, и не в росте дело. С высока глядел, словно с высоты лет прожитых, али знаний великих. Затем на

ведьмака цветущего оглянулся и приказал:

— Исчезни.

Ведьмаку приказал. Принцу, пусть и не наследному. Маг! Ой, то ли я чего не знаю, то ли маг последний страх потерял. Надо бы найти, страх тот, чтобы магу хорошо не жилось.

Но ведьмак исчез. Голову склонил, на которой ромашки весело цвели, на меня холодно взглянул, да и ушел... натравить бы чашу на него в назидание, но успеется, сейчас маг моей проблемой был.

А тот, едва одни остались, ко мне шагнул, да не один шаг совершил — все семь сделал, чтобы подойти и стать близко-близенько, так что духи его ощущала в наполненном запахом листвы лесу. Наклонился, чтобы глаза в глаза, и прошептал:

— Послушай, ведьма, зол я на тебя, спорить не буду, провела так провела, поглумилась на славу, да только желаннее от этого стала. А потому я не мстить пришел, а предупредить — уходи отсюда. Сил у тебя не много, но достаточно — связь с лесной ведуньей разорвать сможешь легко. А после уходи. Лес этот уничтожен будет. И лес, и хозяйка его. Ни помочь, ни спасти ты не сможешь, поверь мне. Уходи, Весенька.

И хоть стоял маг передо мной близко-близехонько, да только казалось он далек от меня сейчас, и разделяет нас не расстояние — время.

Насторожило меня это, от того и спросила:

— Неужто ты, Заратаренька, лес Заповедный уничтожить хочешь?

Маг усмехнулся криво, но ответил:

— Весенька, милая моя девочка, не лес моя цель, я лишь подтолкнул тех, кому это нужно. Беги отсюда, милая, хочешь сама, а хочешь — помогу?

И кольцо с пальца снял, но не мне дал — знал, что не возьму, магические вещи брать себе дороже, а потому на веточку рядом повесил.

— Бывай, девочка, — улыбнулся Заратарн.

И портал призвал.

Да только и я ушами не хлопала — и кольцо его в тот же портал полетело, куда и маг исчез.

А опосля я лишь одно слово произнесла:

— Чаша!

Моя зловреднющая поганка явилась тот час же. Довольная, улыбкой светиться, в руках картинки похабные — никак для очередной лекции готовила. Да только хватило ей одного моего взгляда, чтобы осознать — провинилась. Ох как провинилась. И вмиг утратив облик девы голозадой, расползлась кустом терновника, проверяя все границы подведомственной территории.

— Зла на тебя не хватает, — прошипела ей, с трудом сдерживаясь.

Чаща скукожилась, да и исчезла — дел у нее теперь было завались, ведьмака выдворить, пространственные дыры от портала маговского залатать, да и в целом безопасностью озаботиться, наконец, вместо заботы о размножении.

Я же быстро к вещам своим прошла, собрала все, клюке вручила, и ею же тропу заповедную открыла для себя.

* * *

На краю обрыва простояла недолго — Водя, как и я, вторжение на свои территории чувствовал. Из реки вынырнул, на меня поглядел, понял, что дело нечисто. С тяжелым вздохом рывком подплыл к берегу, на руках из воды выскользнул, на берег парубком вышел. Да, Водя не обычным водяным был, я об этом знала, и он знал — а больше никому ведомо не было. Обрыв этот — нейтральная территория, мой лес сюда не доходит, а царство водяного сюда же не поднимается. Крохотный клочок пространства, где хозяйка леса да хозяин реки поговорить могут без свидетелей.

Водяной на берег вышел нагим, но щадя мои чувства, достал длинную рубаху из-под камня, и поднялся ко мне одетым.

Подошел, гигант с длинными золотыми волосами, постоял рядом, плечом к плечу со мной, тоже на воду глубокую посмотрел, а потом я спросила:

— Водя, а у тебя враг есть?

Хозяин реки глянул на меня непонимающе, но поспешать с ответом не стал, подумал хорошенько для начала, опосля сказал:

— Весь, ты ведь уже знаешь — я чародеев и чародеек погубил. Да не всех. Враги есть, да только о силе моей тебе ведомо, и лес Заповедный мне завсегда помощник.

Кивнула, все так же на реку глядя. Велика она, река-то. Велика, широка, могуча...

— А если падет мой Заповедный лес, Водя, тогда до тебя добраться смогут? — выдохнула едва слышно.

И на сей раз водяной с ответом не спешил. Помолчал, затем спросил:

— Весь, о чем ты?

Повернулась к нему, шея заныла в тот же миг, пришлось просить:

— На колени встань.

Опустился, подбородок его теперь на уровне моей груди был, но мне так легче. Шагнула к водяному, он обнял, нагнулась к губам его, обхватила лицо широкое ладонями, взглянула в глаза светло-синие, как река под нами, и выдохнула все что знала — образы, запахи, слова, опасения, свои мысли.

Водя судорожно вдохнул, меня обнял крепче, прижал к себе сильнее, и выдохнул почти прикоснувшись к моим губам свое видение...

Оно обрушилось на меня сломанными крепостями чародеев и чародеек, окатило брызгами ледяной разбушевавшейся реки, заставило задохнуться ощущение жизнью, что поглотила стихия, и увидеть юношу... тощего дрожащего подростка застывшего на краю леса и тем сохранившего себе жизнь. Парень был в черной мантии ученика, черные волосы собраны в низкий хвост, темные глаза подведены черным углем...

И я отшатнулась, вырываясь из сонма образов прошлого.

В себя пришла в объятиях уже поднявшегося Води, он обнимал, прижимая к своей груди и успокаивающе гладил по волосам.

— Это он, — только и смогла сказать.

— Я понял, — ответил водяной.

Я прижалась щекой к его груди, слыша размеренное биение сердца водяного и не зная, что делать-то теперь? Заповедные леса уничтожали, давно уже, один за другим, так что на нашей стороне моря их вот почитай и не осталось уже почти, но то не казалось бедой — все течет, все меняется. Опять же вот мы с лешим постепенно приходим к выводу, что коли действовать по правилам, тем правилам, коим учили меня и его, то ни к чему хорошему не приведет это. А потому не было у меня точного ответа, кто леса-то Заповедные косит

один за другим. Да и как косит-то? Понять сложно. Лес всегда лесом остается, даже если хозяйку свою потерял, сразу то и не видать. Лес как один организм, как пес — бросят его, он не сразу гибнет-то, отощает, заболает быть может, но проживет еще сколько получится, а может и даже лучше жить будет, хозяева то разные бывают. От того грустно, что исчезают леса Заповедные, но окромя грусти ничего-то и не было, лес то остается, только обычным становится.

А тут такое.

— Водя, это выходит кто-то, и мы даже догадываемся кто, мог намеренно леса Заповедные уничтожать?

— Выходит... что так, — сипло произнес водяной.

Молвил он с трудом, и понять его можно — тяжкий груз ведать, что за вину твою иным платить пришлось.

— Не вини себя, — сказала, что должна была сказать.

А легче от моих слов ни мне, ни Воде.

От водяного отступила, но он за руку удержал — я и не против, к самому обрыву ведь отступила. Постояла, на кручи водные поглядела. Река и лес, два друга рядом. Река лес поит, лес реку кормит — им завсегда рядом идти сподручнее, даже если нет в них магии. А уж если есть — сила наша в единении. Речная нечисть она в основном в болотах живет да заводях, а им без леса никак, беззащитные без леса они. И в то же время — нечисть речная и есть армия водяного. Не рыбы, не лягушки, а нечисть магическая. Так и выходит, что силе речной без Леса Заповедного никак.

— Что делать будем, Водя? — спросила, все так же на волны глядя.

— Знать не знаю, Веся, — ответил водяной, и только руку мою крепче сжал.

— А узнать надобно, — ох как хорошо понимала я это.

Водяной меня потянул прочь от края обрыва, я отошла, руку свою отняла, да осталась стоять, глядя вдаль. Там, по ту сторону широкой реки, лес стоял обычный, древний, старый, не нужный никому. От того несло от него гнилью и затхлостью, водилась в нем нежить давно разум утратившая, покрывались мхом деревья старые, погибал подлесок, без шанса к небу подняться, виднелись ходоки — некогда людьми были, теперь нелюди.

— Ты на тот лес не смотри, Веся! — потребовал водяной.

Да как же не смотреть-то?

— Водя, делать что-то надобно, — я повернулась, в глаза его взглянула. — Коли мой лес последний, долго ли продержится? Я у тебя о враге спросила, так у тебя он один — кто он мы уже ведаем. А у меня врагов поболее будет! И ведьмы мне не помощники отныне — я клич по всем ведающим кинула, суд будет над Изяславой да над Славастеной, страшный суд, Водя, и заслужили они, вина на них обеих, а исход один — ведьмы слабее станут! Все ведьмы! Так что мне отныне рассчитывать только на себя приходится. А у меня, Водя, враги нынче опасные — архимаг последний королевский Ингеборг, принц-ведьмак Анарион, да маг, что некогда своей желал назвать — сын Ингеборга и Славастены Тиромир. А окромя прямых врагов, выходит есть и куда более опасный враг — Заратарн эльн Тарг. Справлюсь ли? Мне не ведомо! Что если не смогу? Что тогда будет?

Водя молчал. Он реки хозяин, я леса хозяйка — мы вместе, но и порознь тоже, слишком разные стихии у нас.

— Весь, а что бы сделала лесная ведунья? — тихо спросил водяной.

Пожав плечами, ответила:

— О лесе бы своим заботилась, о его сохранности пеклась, и за границу опушки не глядела бы. Для истинной хозяйки леса забота одна — ее лес. И только.

— Хороший план, — заметил Водя.

Да только я несогласная была.

— Это плохой план, Водя, — проговорила уверенно. — Это очень плохой план. Во всех иных лесах лесные ведуньи были истинные, правильные, и поступали они «правильно», да только к чему привело это, ответь мне?

Ответа не требовалось, ответ мы оба знали.

— Тяжелые времена наступили, — я снова на старый лес глянула, — сегодня-завтра занята буду, маг у меня, с ним заботы неотложные, а к третьему дню мост мне нужен будет. Туда.

Водяной руки на груди сложил, неуступчиво, посмотрел на меня и спросил:

— Сама пойдешь?

— Пойду! — сказала решительно.

— Глупость говоришь, Веся, — нахмурился Водя.

— От тебя, Водя, мост требуется, в остальном сама разберусь, не маленькая! — заявила гордо.

И развернулась, уйти собираясь, да и замерла — в пяти шагах от нас охранябушка стоял. Глаза синие, злые, челюсти сжаты, на скулах желваки дергаются нервно, да и сам маг будто в ярости.

— Охранябушка, каким ветром тебя нелегкая занесла? — спросила изумленно.

Архимаг хотел было что-то сказать, да не стал. От меня отвернулся, на лес посмотрел, произнес глухо:

— Чаща твоя исчезла поспешно, клюка сама в избушку вернулась. Думал, случилось что-то, да вижу ты не в опасности.

— Да что мне станется то, — всплеснула руками. — Но ты подожди, охранябушка, будь так добр, с тобой пойду, и ты не заблудишься, и мне спокойнее.

Ответа его не ждала, обняла Водю на прощание, да и ушла к охранябушке, невеселая вся, да и думы мои был не веселы.

* * *

Да и видать от того, что голова иным была занята, клюку не взяла, так она в руке архимага и осталась, а я растерянная, даже не воспользовалась, чтобы тропу заповедную к дому открыть. Шла, дороги почти не разбирая, и все думала, думала, думала... Правильно ли решила? Хватит ли сил, свой лес удержать и чужой вылечить? Так иной раз и думаешь, лучше бы только ведьмой была, али только ведуньей лесной, но я ни то, ни другое, я что-то среднее, от того нет для меня проторенного пути, свой протаптывать придется. И верный он будет, али к гибели приведет, я не ведаю.

— Веся, дерево! — в который раз окликнул охранябушка.

Хороший из него охранник вышел, я бы уже пять шишек набила бы без него, он это и сам понял, в какой-то момент взял за руку и за собой повел. И как-то вдруг хорошо мне от этого стало, спокойно. И шла я, украдкой на мага поглядывая, а потом до меня дошло вдруг — он же маг! Даже не так — архимаг он!

Точно!

И как только раньше не подумала.

— Охранябушка, — я остановилась, он тоже вынужден был притормозить, — разговор есть!

Мужчина замер. Повернулся медленно. На меня посмотрел. Еще раз взглянул тяжело и сказал:

— Ну давай, говори.

Улыбнулась ему радостно, клюку выхватила оземь ударила, да и потянула мага за собой на берег реки в низине, там где река самая узкая становилась, где лес по ту сторону лучше всего виден был. И вот когда маг иной лес увидел, я на него, на лес, еще и клюкой указала, ну так, чтобы охранябушка точно понял, что я имею ввиду, чтобы не ошибся, и торопливо заговорила:

— Охранябушка, родненький, ты много знаков магических знаешь, многое ведаешь... ты вообще архимаг же! А мне помощь нужна, охранябушка, очень-очень нужна! Лес по ту сторону реки видишь?

— Вижу, — мрачно проговорил охраняб, на лес даже не глядя. — Гиблый Яр это, место известное, да столь же гиблое. Бывал пару раз, часть ходоков в лесу том — от моих отрядов остатки. Так чем говоришь, я тебе помочь могу?

Выходит, что ничем. Я сникла. Просто если он в своей силе в том лесу людей терял, то сейчас, когда печать на нем, и говорить не о чем.

Постояла, на лес поглядела, вздохнула и решила:

— Ладно, что время попусту терять, и так его мало, а уже солнце к закату клонится.

И клюкой оземь ударила, открывая тропу заветную.

* * *

Когда к избе вернулись, оказалось что теперь у нее три стены есть, четвертую только охранябушка достроить не успел, видать как клюку увидел без меня возвернувшуюся, бросил все, да и на поиски отправился. Да напрасно все это.

И в такой я печали-тоске была, что до избы дойдя, села на ступени, и сидела, кусая губы и глядя перед собой взором невидящим.

Да только лесная ведунья не видеть не может — я видела. Как Савран на колени перед женой падает, рыдая... Да, сын кузнеца,

принес ты беду в дом свой и больше не видать тебе ни отца, ни матери, ни брата родного...

Видела, как изгнала чаща обозленная цветущего ведьмака из лесу моего. Ведьмак в ярости был, все пытался магию призвать да обороняться, но заговор на неудачу, это заговор на неудачу — девице гордой яму копал, сам в нее угодил. Исхлестала его моя Заповедная так, чтобы неповадно было в лес мой соваться без спросу-разрешения.

Видела, как привел возница быка в лес мой, слезы утирая украдкой, привязал друга верного к дереву, да и ушел прочь. Мужiku делать ничего не стала, потянулась веткою к быку, коснулась головы его и увидала, что маг тот самый, что опаснее иных оказался, приказал вознице быка на мясобойню отвести, а мясо опосля принести в лес, да и раскидать волкам моим на поедание. Возница иначе рассудил — быка мне привел живого. Думал что на смерть привел, но я жизнь зазря никогда не отниму. Да и скотины той, что заплутала, в лесу изрядно давно. Оно как — коли добрый хозяин, я животину завсегда возверну, а коли лютый да злой — такому скот в моем лесу не найти, вовек не найти. Это лес Заповедный, для жестоко обиженных — он дом родной. Скользнула веткой по шее быка, прахом обратила веревку, да и открыла тропу заповедную к восточным лугам. Вечер уж был, коровы спать укладывались, но потянуло от них запахом тепла да сытости, встряхнулся бык, к своим потрусил радостно. Ну вот, одним быком в стаде стало больше. Снова клюкой оземь ударила, и возница, что уж почти из лесу вышел, замер видя то, что позволила увидеть — как бежит его бык к стаду привольному, на жизнь сытую. Замер возница, шапку с головы стянул, поклонился поясно и сказал «Спасибо, лесная хозяйка». «Иди с миром» — прошептала так, чтобы лишь он услышал.

А потом сидела дальше и видела, видела, видела...

Лес жил, своей сказочной жизнью. Носился по лесу кабан Острый Клык, дело он нашел себе при забавное — желуди отыскивал, да нес к прогалинам, где в землю закапывал, сажал он так, вину свою загладить пытался. Ямку копал копытом, желуденок забрасывал, носом землю подсыпал и дышал, теплом своим согревая семя. Улыбнулась невольно, вдохнула жизнь в один из желудей и на глазах у кабана тот пустил росток зеленый. Острый Клык от радости носиться начал, прыгать, задними копытами кульбиты выделявать. Забавный.

На юге неугомонного бельчонка отсчитывала мама — тот сунулся из дупла, чуть кунице на глаза не попался, так что за дело отсчитывала.

А вот у рыбацкой избушки в лес вышел Савран, на колени встал, шапку с волос стянул, голову опустил, нож костяной, особый, на траву перед собой положил. Вверял мне свою жизнь и голову.

«Мне-то за что, Савран?» — спросила шелестом травы, дуновением ветра. — «Твоя ошибка, своей бедой заплатил за нее. Мстить не думай, не ровня ты им. Ты в этой игре пешкой был, тобой сыграли безжалостно, твоя глупость, твоя расплата. Домой дороги тебе нет, убьют без жалости и тебя и бабу твою с ребятишками. И не тебе о смерти думать, Савран, на избу оглянись — если тебя не станет, что будет с ними? О них подумал? В лесу живи сколько потребуется, животных не трогай, рыбу лови сколько нужно. Чем смогла помогла тебе, Савран, дальше своим умом живи».

Тот помолчал и спросил:

— Стало быть не нужна тебе жизнь моя, лесная ведунья?

Улыбнулась грустно, шумом листвы ответила.

«А что, Савран, хочешь стать едой для волков моих? Али готов плотью своей червей да мух кормить?»

Содрогнулся мужик, подскочил, кинжал поднял.

«Вот то-то и оно. Живи Савран, родных береги, жену не обижай, сыновей хорошими людьми вырасти, дочь по велению сердца отдай, на кошель жениха не смотри. На том и сговоримся».

Постоял мужик, да и выдал:

— Дочь тебе отдам, хозяйка лесная, в услужение да в благодарность.

Хлестко ветка по щеке его ударила, громом слова мои прозвучали:

«Я твою жизнь не для того сохранила, чтобы ты чужой распоряжался! Дети — дар, а не собственность, Савран, запомни это!»

И зла у меня на него не хватает. Могла бы — плюнула под ноги!

Да хватит с него, и так столько времени потратила, а лес у меня большой, хозяйство мое огромное, работы видимо не видимо, делать не переделать.

Сошла со ступеней, взяла клюку, и ни на кого не глядя, ни на русалок лысых, ни на домового, втихую поганки жарящего — любят домовые поганки есть, уж с чего не знаю, ни на кота Ученого, которого

русалки икрой задабривали, ни на охранябушку, что с Михантием снова за работу взялись, ушла в лес.

* * *

Ходила долго, по ручьям глубоким, проверяя, не подмывают ли почву, по полянам и пастбищам, по кромке леса у воды, на лес гиблый поглядывая, у болота постояла, с кикиморами парой слов перекинулась, потом прошлась по насаждению Острого Клыка, кому жизнь дала, кому не стала — жизнь вдохнуть дело нехитрое, да только не всякое дерево в лесу выжить может — свет солнечный параметр ограниченный, за него война идет у могучих богатырей леса моего, одному отдашь рукой властной, так у другого забереешь нечаянно.

К избушке вернулась впотьмах. Постояла, шатаясь как камыш на ветру, на ноги свои посмотрела, на рубаху, которую токмо стирать теперь, вздохнула и уже хотела за полотенцем сходить да к заводи, чтоб помыться, да только окликнул меня охранябушка:

— Ведьма, там за избой времянка, в ней бочка, в бочке той вода не студеная, теплая, нагрел на костре, а не магией.

Удивилась я, поблагодарила рассеянно, да только хорошо б и с Водей увидеться.

— Прости, охранябушка, мне в заводи привыч... — и не договорила я.

Маг перебил, добавив:

— И полотенца там, во времянке, и мыло душистое, русалки принесли.

Надо же, от самих русалок мыло. Эти мне и мыло свое — да ни в жизнь не принесли бы. У русалок мыло особое, из минералов да магии, от такого волосы растут блестящие да гладкие, и без гребня расчесать можно, а уж сверкают и в лунном свете, что уж про солнечный говорить. Вот только с чего щедрость такая подозрительная?

На русалок посмотрела пристально, девицы они коварные, коварно же и лысинки свои погладили, мол «Смотри, милый маг, какие мы красивущие, не то, что эта ведьма волосатая».

И я решила поутру к водяному схожу, а то и так за весь день намаялась.

* * *

Времянка — это сильно охранябушка преуменьшил, построил целую баню справную. И не бочка воды тут была — а ванна деревянная, круглая, из дуба что тепло долго держит, кольцом стали окованная, чтобы не разбухала, и вода в ней такая теплая... Скинула рубаху, исподнее тоже скинула, в ванную забралась, глаза прикрыла, чувствуя тепло блаженное... Сколько ж не мылась я вот так, в воде теплой? Много... так много. А ванна? Лишь раз я лежала в ней так, погрузившись по самый подбородок и чувствуя тепло, словно проникающее под кожу, заставляя разомлеть, расслабиться, отринуть все тревоги и печали, и не улыбаться при мысли о том, что завтра я стану невестой и самый красивый парубок в мире прикоснется губами к моим губам и назовет своей... Тиромир...

Тиромир, краше тебя не было никого для меня. Никого во всем свете! Никого на всей земле! Ты же солнцем для меня был, Тиромир, моим другом сердешным... а стал врагом лютым, врагом безжалостным. Кто же знал, что все так выйдет...

Да дело прошлое.

Лес — он лечит, все лечит. Со временем, но лечит. Лес это жизнь, и в этой жизни на смену павшему дереву, всегда придет новое, а сгоревшая сосна опадет сотнями семян из раскрывшихся шишек. Лес лечит, вот и меня вылечил, от любви и от вины, от горя и надежд. И лес учит прощать. Я простила. Себя простила, а его никогда не прощу!

* * *

Из бани вышла грустная, не к добру все эти воспоминания накатили, на носочках прошла к избе, по ступенькам поднялась, в дом вошла и вдруг почувствовала — не так что-то. И не пойму что, но не так. Что-то такое странное, из прошлой жизни явственно, я бы даже сказала что-то сомнительное, вот только что?

Постояла, подумала.

Вышла из избы посмотрела на люд и нелюд притихший и поинтересовалась:

— А у всех все хорошо?

На меня все смотрели... странно. Маг только не смотрел, он молча ел, и глаз от тарелки не поднимал.

— Эм... — неудобно как-то даже стало. — Охранябушка, миленький, ты в порядке ли?

Маг есть перестал.

Русалки переводили взгляд с меня на него и обратно, от чего головы их лысые блестели в свете костра, кот ел, но судя по выражению его морды, что-то явно было не так. Домовой хихикал, но это явно от поганок, надо сказать лешему, чтобы приглядывал за ним, а то переест же, тогда вообще шалить начнет.

И тут маг голос подал:

— Ведьма, оделась бы ты.

Я как стояла...

Так и стала красная аки маков цвет. Маг! Елки-иголки, он же мужик! Еще и аристократ явно! Юркнула в избу, в зеркало на себя поглядела. Красная, как есть красная, и не мудрено — в одном полотенце коротесеньком по двору разгуливаю! Стыдоба то какая! И чем только думала?! А просто русалки тут чуть ли не в исподнем, кот он свой, домовый тоже свой, Михантий опять же... Ох стыдоба то какая...

Когда домовый пришел звать вечерять, я отказалась. Нет, есть хотелось, очень хотелось, но как вспомню...

— Извиняй, домовый, не ко времени мне, заниматься нужно.

Домовой похихикал, и что-то мне подсказывает, что не поганки тому виной, да и вышел. Но и минуты не минуло, как в избу поднялся маг. Прошел к столу, учебники подвинул небрежно, и поставил передо мной поднос деревянный, небось сам и изготовил, на подносе хлеб, сыр, похлебка мясная да морковь варенная. Но на этом дело не кончилось.

— Весь, я не знаю как у вас, лесных ведуний, но нас, магов, книги обычно читают вот так.

После чего взял и развернул мой учебник.

То есть я все это время книгу наоборот держала...

— А у нас так принято! — не знаю, от чего возмутилась, но возмутилась.

— Я так и понял, — насмешливо ответил маг.

И ушел.

И я то думала мне до этого стыдно было. Ошиблась я. Теперь стыдно было так, что и словами не выразить.

Ела молча. Молча и зло. В печи хихикал домовой.

Пока сердилась, сама не заметила, как все съела, но вот на «спасибо» меня не хватило. Умылась у зеркала, месяцу время загадала, да и спать легла.

* * *

Едва в сон ведуний провалилась, обнаружила чашу на охоте. Охотиться моя зловредина очень любила, особенно на ведьмаков и магов. А уж если на двоих разом — у нее вся душа пела. Сейчас такая охота и шла. На севере леса заповедного не цветущий, по причине того что солнце село, ромашки закрылись, чертил письма магические ведьмак. На западе тем же самым занимался маг, да не простой, а хорошо знакомый мне — Тиромир. Чертил сам, да рядом с ним сидел отец его — Ингеборг.

— Я ей устрою — ведьмин суд, тварь подколотная! — шипел маг. — Я ей весь лес сожгу, тварь подлая!

— Угомонись! — прикрикнул на него последний архимаг королевства. — Заратар один из сильнейших магов Побрани, его словам стоит верить — Валкирин не хозяйка леса, она лишь прислуга у ведуньи.

Как интересно...

И не только мне интересно стало, чаша и та прислушалась.

Тиромир же резко выпрямился, с ненавистью на отца поглядел и спросил:

— А ты молчать будешь? Маму на суд поволокли, а ты молчать будешь, да, отец? Всегда молчал, и сейчас промолчишь?

Архимаг молчать не стал, напротив — приказал магистру:

— Заткнись!

Псидел, глядя на сына, и добавил:

— Славастену не обвинят, доказательств у них нет.

Ха-ха три раза. Доказательств нет, это правда, но ведьмам доказательства и не нужны — несправедливость они видят. И злобу видят. И вину. И все что им требуется — слово ведьмы. Я долго молчала, очень долго, все время боялась, что Лесная Сила правду проведает, последствий для себя опасалась — но время страха прошло!

— А если доказательств нет, почему мать до последнего лететь не хотела? — прорычал Тиромир и палку отшвырнул, которой знак магический чертил, да не дочертил.

— А что доказывать? — спросил Ингеборг. — Что прогнала девчонку негодную? В этом ее вина?

Ой дурра-а-ак.

А говорили умен лучший королевский маг, видать ошибались.

Или ошибочные сведения у архимага?

И надо же — я права оказалась.

— Отец, — тихо сказал Тиромир, — а что если мать... она не ведьма?

— Что?! — Ингеборг подскочил с бревна, на котором сидел.

М-м-м, сколько негодования. Бальзам для моих ушей.

И тут чаща проявила нетерпение.

«Обожди, разговор очень уж интересный», — попросила я.

Ну, чаща как виноватая, с радостью предоставила мне возможность послушать подольше, а сама к ведьмаку умчалась. Тот как раз стоял, широко расставив ноги и простирая руку над вычерченной руной, читал нараспев заклинание.

Хлестко вырвалась из земли колючая лиана.

Жестоко ударила по самому нежному месту.

Взвыл на последнем слове заклинания ведьмак, да так громко, прочувствованно так, что воющий в недалеке на луну волк замолк, посрамленный, после вообще выть передумал и ушел. Просто ведьмак был гораздо прочувственнее волка, гораздо громче, основательнее, отчаяннее. Что говорить — птицы ночные и те умолкли, внимательно слушая. Смотреть то было не на что — несчастный покрытый закрытыми бутончиками ромашки ведьмак, скакал по лугу, попирая собственный труд и нанесенные руны, и держать руками за место

очень интимное, из которого, кстати, еще предстояло повытаскивать все колючки, а зная мою зловредину, колючек там видимо не видимо.

«Я... у меня нет слов», — слов действительно не было.

Чаша ответила угрожающим «Будет знать, как в мой лес лазить», потом глубокомысленно добавила «Все равно с него толку нет, объясняла-объясняла, а он сегодня опять с девками и совершенно бессмысленно!»

Нет, ну чаша, она такая... поганка она.

«А с Тиромиром что задумала?» — мне даже интересно стало.

Напрасно — через мгновение быть близ моего леса начали двое. Да как были — волки смирились со своим поражением, и кажется, теперь месяц молчать будут.

Ингеборг же мотался от мага до ведьмака тратя невероятное количество порталов, а они у него на артефактах замкнуты, пытался помочь то одному, то другому магией и не учел одного маленького нюанса — это шипы Заповедной чащи, они магию впитывают и... увеличиваются в размере.

«Ну и зараза же ты!» — не сдержалась я.

Чаша от похвалы расцвела вся в целом и в отдельности тоже, так что когда Ингеборг магистра и принца приволок к лекарям, тем представилось поистине цветущее зрелище.

И я подумала — как же мне повезло, что время просыпаться пришло, вовремя очень оно пришло.

* * *

Проснулась хихикая. Домовой решил, что видимо из-за поганок, и протянул мне из печи еще одну, потом долго обижался, пока я хохотала в подушку. Надо будет лешему рассказать, он оценит. Ох, ну чаша! Ну зловреднючая! Ну затейница! А главное — у нее все четко по делу.

И тут из дальнего конца комнатейки раздалось:

— Рад, что тебе уже лучше, но может стоит еще поспать?

Смеяться тут же расхотелось. Просто чаша она же иногда не только зловредная, но и злопамятная, а еще рассудительная... Что если вдруг и охранябушку сочтет бесполезным в плане размножения?

И ей конечно можно запретить, но чаша это чаша...

— Послушай, охранябушка, — я села на край постели, поджав ноги и не покидая теплого одеяла, — а как ты относишься к идее, что некоторые мужские органы следует снабжать столь же надежной защитой, какой природа защитила... орехи, к примеру?

Спящий на полу маг, рывком сел, посмотрел на меня с недоумением потрясенным.

Его можно было понять.

Ему можно было солгать.

А можно было вообще ничего не говорить, но:

— Чаща моя только что сильно ведьмака и Тиромира в интимных местах покалечила, резонно сочтя данные органы бесполезными, — сообщила я охранябушке. — Ты бы поберегся.

Маг прищурился и тихо, очень проникновенно спросил:

— Ведьма, ты сейчас меня бесполезным назвала?

Охохонюшки.

— Охранябушка, — с постели я таки слезла, — не важно, каким я тебя назвала, главное — что чаща себе о тебе надумает. Ну да мое дело предупредить, думать сам будешь.

Из избы выскользнула, постояла, подставляя лицо теплему ветру ночному, со ступеней сошла вниз, да и улыбнулась лешему, тот час явившемуся.

Леший мой суров был да лицом пасмурен, никак с Водей переговорить успел уже.

— И что ты скажешь мне, друг сердешный? — спросила с улыбкою.

Да только уверенности не было в улыбке той, храбрилась я, храбрилась отчаянно, а ответ услышать страшно было. Потому что леший мой главный друг-сотоварищ, без него я и с этим лесом одна не справлюсь, что уж говорит о втором.

Но леший мой был надежный, опытный, понимающий.

В глаза мне посмотрел открыто, прямо, с ответом помедлил, и все же сказал:

— Гиблый Яр — место опасное. Нежить распоясалась, волкодлаков поболее волков будет, ходоки — те особую опасность представляют, да только права ты, Веся. Понимаю, что не умом думала — сердцем, а только так я тебе скажу — если и умом, то решение твое

верное. С Гиблым Яром делать что-то надобно, ведь коли падет водяной наш, и нам не устоять.

— Твоя правда, — была вынуждена согласиться я.

Потому как теперь, когда враг Води был мне известен, сомнений не оставалось — Заратарн ему мстить пришел, его уничтожать будет. Конечно, без леса моего магу будет сподручнее, но что если и другие подступы к водяному есть? Заратарн не воюет — мстит, от того не предсказать, ни предугадать, кто первым падет — я или водяной. А если водяной первым погибнет, и наш Заповедный лес долго не простоит — река, что сейчас нежити обезумевшей преграда, таковой быть перестанет, и что тогда?

— Решение верное, — сказал свое последнее слово леший.

На том и порешили.

Я в избу ушла, леший к водяному — где мост ставить это Воде решать.

* * *

Когда вернулась, маг все так же сидел на матрасе своем, упираясь локтями в согнутые колени, и задумчиво смотрел на меня.

— Охранябушка, поспал бы ты, — посоветовала заботливо.

Но не послушался архимаг, и спросил хрипло:

— Зачем тебе Гиблый яр, Веся?

А вот на это отвечать не стала. Хватит, доотвечалась уже вчера, сегодня ни сердце, ни душу беречь не буду.

— Спать ложись! — приказала повелительно. — Разбужу вскорости.

Маг молча упал на постель свою, вот только спать, кажется и не собиравшись вовсе, лежал, закинув руки за голову, в потолок смотрел.

— Спать — не спать, воля твоя, а только давай без слов сегодня, прошу тебя, — сказала, проходя к столу.

Промолчал маг, ничего говорить не стал, оно и к лучшему.

Запалив свечу, я устроилась за столом, укутавшись в шаль, и открыла первый из учебников чародейских. У меня от него голова болеть начинала почти сразу же. Переводить приходилось дважды — с чародейского на магический, с магического на ведьминский. Одно

радует — лесные ведуньи с языком не мудрили, на обычном человеческом говорили, и то хлеб.

Но кое-что мне в чародейских заклинаниях если и не нравилось, то было близким — их магия смесь чародейства и классической магии, моя тоже была смесью исконно ведьминской и лесной. От того и понимание приходило интуитивное, по наитию, легче разобраться во всем было.

Так вчера нашла ритуал снятия проклятий. «Грохот небесный» или же «Шум небесовный» — переводить можно было как хочешь, но суть одна — проклятие это оставляло следы черных молний на теле жертвы. Учебник был иллюстрированный, и картинка очень, я бы даже сказала — весьма напоминала те следы, что оставили охранябушке.

А потому я ритуал перевела как прилежная ученица, выписала, разбила на части, переписала на свой язык, прописала заклинания для каждого из этапов, да и магию собиралась применять свою — смесь ведьминских чар и сил ведуньи.

Вот только одна проблема — начать я вчера начала, а закончить не закончила. И боюсь, отольются охранябушке мои слезы вчерашние, ох и отольются... а как избежать этого я не ведаю.

— Что не так, ведьма? — вдруг спросил маг.

— Да многое, — ответила, от тетради своей с записями не отрываясь.

Не то чтобы не помнила, просто выход искала. Как все провести, боли не причинив лишней, ведь и не лишней будет так много... Как обездвижить мага, чтобы не прервал ритуал, ведь силен же, ох и силен — от того и печать кожу чуть не до костей прожгла. И что делать-то?

— Ведьма, — маг поднялся, взял стул, что у стены стоял самым изумительным образом — изумляло меня то, что у меня теперь второй стул имеется, подошел, сел, ко мне подался, в глаза заглядывая, и сказал: — Всея, я уже понял, что ты девочка добрая. Слишком добрая, будем откровенны. Чрезмерно добрая. И не настолько глупая, как хочешь сказать. Всея, пойми — эту печать не снять. Не снять, понимаешь? Прими это как данность и давай думать, что я могу для тебя сделать, потому что ты для меня и так уже все сделала.

Внезапно подумала — а не старый он, этот маг. И не то чтобы сильно в возрасте. Матерый, поджарый, опытный, жизнью не битый —

с жизнью сражающийся до последнего, да вот незадача — внезапно сдаться решил.

— Что сделать для меня можешь? — спросила задумчиво. Усмехнулась и попросила: — Рубашку сними, для начала. Потом спиной повернись. А дальше по ситуации, охранябушка.

Маг глаза прищурил недобро, лицо ожесточенным стало.

— А чего злишься? — поинтересовалась я. — Сам предложил помочь, вот и помогай.

Несколько секунд архимаг молча смотрел на меня, затем хрипло произнес:

— Печать не снять, Валкирин.

И гнев полыхнул уже в моих глазах.

— Не мое это имя. Не мной выбрано. Не мной названо. Говорила уже — ведьмой зови. И мне так привычнее, и тебе спокойнее.

Промолчал, только гнева в очах поболее моего будет.

Ох и упертый, хуже лешего.

— Охранябушка, покачала головой укоризненно, просила же, не говори со мной сегодня. Что в тебе мне неизвестно, да только ранишь ты словами, раны старые уж зажившие почти словно острой бритвой вскрываешь, и от того, ни тебе, ни мне легче не станет.

Выпрямился, смотрит почти с ненавистью, да только не из тех я, кто правды не ведает — не на меня он сейчас гневается, а на себя, за то что понять меня не в силах. Маги это маги, у них разум завсегда на первом месте, а я ведьма — я слушаю сердце свое. Мы разные. Я понимаю это, и менять его не желаю. А он маг, он меня понять не в силах, от того и гневается.

Резко выдохнул через сжатые зубы, прошипел:

— Хорошо, будь, по-твоему.

И стянул рубаху через голову. А я изумилась до крайности, на спинку стула откинулась, руки на груди сложила, да и смотрю на охранябушку, потрясенно смотрю. Отъелся у нас охранябушка, загорел сильнее прежнего, руки жилистые, да рельефные, плечи широкие, и грудь не мага, но воина.

— А хорошо тебя русалки откормили, — протянула одобрительно. — Прямо смотрю, не нарадуюсь.

Не нарадывалась недолго — взгляд соскользнул с мускулистой груди на плечо, да там и замер. Потому как еще несколько дней назад,

когда охранябушка мылся у бочки с водой, ни одна черная молния на плечи не налезала, а теперь... до груди подбиралась теперь. Ох, не к добру твоя истерика вчерась прилась, Веся, ох и не к добру!

— Да, проклятие набирает силу, — усмехнулся маг, прекрасно поняв, на что я сейчас смотрю.

Перевела взгляд с отметины, на лицо мага, заметила горькую усмешку. Видала я такие усмешки, у бывалых воинов видала, у тех кто оставался на тропе, прикрывать отступление соратников, и усмешка эта лишь об одном говорила — жизнь свою дорого продам, в смысле сопротивляться буду до последнего, в смысле «знаю, что подохну, но меч все равно не брошу».

— Откуда у вас, у магов, такое неистовое желание сдохнуть со смыслом? — спросила риторически, ответ мне был не нужен.

Мне нужна была спина.

— Поворачивайся, охранябушка, — попросила ласково.

А сама вернулась к чародейскому учебнику.

Полистала иллюстрации — поняла, что так определила проклятие верно. Вчиталась в тарабарщину чародеев, уж думала может пропустила чего, однако нет — все перевела верно. И, судя по тексту книги, проклятие наносилось один раз, и было достаточно стабильным, здесь же мы имеем дело с растущим магическим объектом. Что печально. Для мага.

— Веся, — прошипел этот самый маг с печальными жизненными перспективами, — что ты...

И в тетрадь мою поглядел.

— Что тут?.. — вчитаться попытался.

Не вышло.

Нахмурился, вчитался еще раз. Тетрадь к себе подгрёб, развернул и снова вчитаться попробовал. Сильнее нахмурился, и спросил:

— Ведьма, это кодировка такая или...

— Или, — безмятежно подтвердила я.

Да, почерк у меня поганый, это я знаю.

Придвинула тетрадь к себе, пробежалась по строчкам взглядом, прикусив перо, и еще раз прикидывая схему предстоящей работы.

— Весь, почему ты такая? — вдруг спросил маг.

— Какая? — спросила, едва ли раздумывая о вопросе — о другом думать приходилось.

— Такая... как ты, — архимаг нахмурился, пытаюсь сформулировать, и выдал результат умственного напряжения: — Спокойная. Безмятежная. Не волнуешься.

— Я волнуюсь, — не согласилась с ним.

Мужчина улыбнулся, покачал головой, и произнес:

— Не важно. Почему ты так уверена, что сможешь снять печать?

— Потому что я ведьма? — вопросом на вопрос, и легкая усмешка на губах.

Усмехнулся и он, и спросил:

— Напекаешь на то, что я тебя глупой считаю?

— Примерно, — вдруг поняла, что улыбаюсь. Просто улыбаюсь, с улыбкой в который раз проглядывая корявые строки.

Маг помолчал, затем проникновенно спросил:

— Но ты себя глупой не считаешь, не так ли?

— Почему же? — я посмотрела на него. — Считаю. Больше скажу — я искренне убеждена в этом, охранябушка. Но, видишь ли, глупые ведьмы вроде меня, которые в курсе, что умом не блещут, там где неспособны взять умом — действуют хитростью, а подспорьем им служит упорство. Я не самая умная, я знаю это, я не спорю с этим, я просто живу, охранябушка, точно зная, что даже за самой темной ночью, неизменно следует рассвет. А за самым сильным заклятием — следует не один, а множество путей его уничтожения.

Прищурив синие очи, маг смотрел на меня, не понимая сказанного, и в итоге произнес:

— Я архимаг, Веся, если бы эту печать можно было бы снять — я бы это сделал. Но... с ней что-то не так, и ничего не вышло. И как мне объяснить тебе, упорной, что это невозможно?

Лишь лукаво улыбнулась, глянула на него, а затем спросила:

— А ты вчера не обратил, случаем, внимания на книги, что мне водяным были переданы?

Охраняб сложил руки на груди, сел удобнее, опираясь на спинку стула, и ответил мне менторским тоном:

— Чародейские, Веся. Это сумел бы определить даже самый завалящий маг. И, жаль тебя разочаровывать, но тот же самый завалящий маг так же сказал бы, и это чистая правда, что магия чародеев слабее, нестабильнее, нелогичнее и существенно уступает современной магии. Поверь, если бы эти книги представляли собой

какую-либо ценность, их давно извлекли бы из тех обломков чародейских крепостей, что еще сохранились. Заметь, даже защиту с них я снял без какого-либо труда, и это при наличии заклеившей мою магию печати.

Покачав головой укоризненно, тихо заметила:

— Прямой ты, охранябушка, прямой как стрела, как меч, как боевое заклинание. И смотришь ты прямо в цель, самую суть видишь, да только то, что на поверхности, упускаешь. И ты прав, чародейская магия послабее будет, это так, да только на плечо свое посмотри, а опосля сюда!

И я открыла ему учебник чародейский.

На нужной странице, на нужной картинке.

И спросила с улыбкою:

— Зеркальце дать, охранябушка?

Маг вскочил!

Схватил учебник, стремительно, стул едва не обронив, подошел к зеркалу что во весь рост было, вгляделся в плечо, затем полуобернувшись, на то, что на спине рассмотреть мог. И остолбенел.

И вот пока он так стоял, я все так же безмятежно сообщила:

— Королевский маг Заратарн эльн Тарг сразу странным мне показался — законы нарушал слишком нагло, слишком уверенно, вел себя... аки самый настоящий маг, да только... поначалу терпением отличился слишком долгим, такое магам не свойственно, а после в лес мой проник, пусть и с помощью ведьмака, это не насторожило меня — другое задуматься заставило, то что лес он покинул сам, и ведьмак ему уже не понадобился. И знаешь, может я умом и не отличаюсь, но сообразительности хватает. Этот маг — чародей. И на спине твоей чародейские проклятия, охранябушка. Я не сразу это поняла, просто искала, как печать снять, подумала, что быть может у чародеев способ есть, и, как видишь, права оказалась.

Маг развернулся, молча на негнущихся ногах, вернулся, вернул мне учебник, не сел — рухнул на стул.

— Ну так что? — невинно поинтересовалась я. — Доверишься мне, али связать тебя придется?

Взглянул напряженно и хрипло спросил:

— Связать? Правда, веришь, что сумеешь меня связать?

— Я то? — усмехнулась. Подалась к нему и у самого лица выдохнула: — Охранябушка, родненький, я, может, и не смогу, только ты забыл, что у меня чаща есть Заповедная. Звать, или сами разберемся?

Глянул на меня почти с ненавистью и хрипло выговорил:

— То есть, ведьма, выбора у меня нет, я правильно понял?

— Правильно, — улыбаюсь все и улыбаюсь. — Охранябушка, ты пойми — оставить тебя как есть я не могу. Печать у тебя, сам видишь, нестабильная. Убивать тебя оно может и есть смысл, да только я никогда на такое не пойду. Отпустить тебя — дело опасное. Ведь у тебя всего два пути — первый, тобой или Тиромир воспользуется или Анарион, и сомневаюсь я, что горишь ты жаждой погибнуть во имя их процветания. А даже если и избежишь участи страшной, на алтарь чужих амбиций возлечь, все равно ждет тебя участь не лучше — твоя магия печать уничтожит, а вместе с ней и тебя, и то место, где ты окажешься. Так что выбора у тебя нет, тут ты прав, маг.

Он, упорствуя, руки на груди сложил.

Сидел, долго смотрел на меня, затем напряженно спросил:

— А ведьмы? Может у тебя есть на примете какая-то старая, опытная... которой жить надоело?

Усмехнулась, головой покачала отрицательно и честно ответила:

— Охранябушка, знакомые старые и опытные ведьмы-то может и есть, а вот безголовых, извини, нету. Так что, звать чащу али как?

Промолчал.

То, что чаще моей он не противник архимаг знал, и то, что призову, если потребуется, знал тоже.

И все что ему оставалось, лишь спросить:

— И что, сегодня печать снимать будешь?

— Что ты, сегодня нет, — я учебник чародейский захлопнула. — Сначала снять нужно проклятие. И, это, охранябушка, ты бы деревяшку нашел бы себе, что ли...

— Ззззачем? — прошипел маг.

Поднялась из-за стола, оставляя шаль на стуле, пожала плечами, и не глядя на мага, сообщила:

— Больненько будет...

— Больненько я потерплю! — почти рык.

— Больнехонько?

— Тоже.

Посмотрела в синие глаза и честно сказала:

— А зверскую боль тоже выдержишь?

Молча поднявшись, маг вышел. Вернулся со свежее отесанной деревяшкой, видать осталась опосля его строительных подвигов, огляделся и спросил:

— Где мне лечь?

Указала на его лежбище. Маг оценил перспективу, затем взялся за матрац, перетащил его к зеркалу, да так, чтобы лежа видеть все, что я делаю и лег на живот. Деревяшку в рот ставить не стал, положил рядом.

А я стояла. Не знаю, кажется или нет, но когда я его в первую ночь отпаивала, вроде поменьше был, а сейчас... На спине, под жуткой страшной печатью сухая рельефная мускулатура. Лежит вот он, на животе, ожидая своей участи, а от чего-то у меня такое ощущение, что участь ждет не его — меня, знать бы еще какая.

— Ты не серчай, охранябушка, а я позову чащу... так, на всякий случай.

— Нет! — да так произнес, что я вздрогнула.

Ну что ж, нет так нет, в любом случае стоит позвать — моя зловреднючая мигом тут окажется, так что пора начинать.

Я взяла тетрадь, подошла, опустилась на колени рядом с магом, тетрадь положила так, чтобы под рукой была, если что, и взялась волосы расплетать.

— А это зачем? — спросил маг, напряженно следивший за каждым моим движением.

— А я почему знаю? — ответила нервно. — У нас ведьм так — коли что-то сложное задумала, распусти волосья.

— Бессмыслица, — прошипел охранябушка.

— Примета скорее, мы волосы на удачу распускаем, — ответила я, и склонилась над его спиной.

Насколько я знаю, проклятие исстари с одной точки распространяется. Это как молния — дерево она сожжет, это да, но вот ударит в него в одном конкретном месте. А потому первое с чего следовало начинать — разыскать исходную точку. Этим и занялась. И все бы ничего — но спина у охранябушки оказалась широкая, могучая, здоровая в общем. Я поначалу сидела с правой стороны, потом через

охранябушку переползла на левую, сию, по спине его пальцами вожу, вся в поиске, и тут раздается:

— Щекотно.

— Что? — переспросила в непонимании.

— Прикосновения, волосы — щекотно, — пояснил маг.

— Ну, извини, потерпишь, — раздражение росло вместе с напряжением.

Я не находила. Исходную точку никак не находила. А время-то идет!

В какой-то момент плюнув на все условности, перебралась на мага, устроилась верхом на нем.

— Эээ... ведьма, ты бы... — начал было подопытный.

К этому моменту настроение у меня было уже преотвратное, так что единственным, на что мог рассчитывать маг, было разъяренное:

— Заткнись!

Маг тяжело вздохнул, от чего я приподнялась и опустилась, и, на его счастье, заткнулся. А зря. Не справлялась я одна.

— Охранябушка, — легла на него, через плечо могучее в лицо мрачное заглянула, — а ты случаем не помнишь, с чего у тебя странности-то начались?

— Странности? — странно на меня глянул маг. Но язвить не стал, подумал, и ответил: — С Гиблого яра, Вось. Игла ходока ранила. Я друга прикрывал, от всех шипов увернулся, а от последнего не смог. Вот примерно там, где моей кожи касается дыхание твое, и ранило.

— Ага, благодарствуем! — возликовала я.

И принялась изучать плечо.

И нашла!

Проникновение было крошечным, как ранка от иголки, и не скажи охранябушка, боюсь, не отыскала бы ни в жизнь! Слишком уж крохотный участок поражения, слишком страшны последствия от столь мизерной ранки. Ну да смысл думать об этом, потом подумаю, сейчас действовать следовало, и я, пододвинув тетрадь к себе, бегло проглядела схему снятия проклятия, и вдруг поняла — а не сдюжу. Не сумею. Проникновение-то мизерное, это да, вот только вливать силу свою я тоже через это же место должна. А это из груди своей по руке до пальцев, и лишь после к пораженному участку тела мага. И

казалось бы невелико расстояние, да только иной раз от мелочи слишком многое зависит.

Глянула на тетрадь, на плечо охранябушки, на тетрадь... на плечо...

А к дьяволу все сомнения, справлюсь!

И склонившись, я прижалась губами к плечу мага, закрыла глаза и...

— Ведьма, ты что делаешь? — спросил вдруг охранябушка.

«Тебе лучше не знать», — подумала я.

И это была последняя мысль.

Вдох. Через него, через его кожу. Через его место поражения проклятием. Через его время и жизнь.

Вдох всей грудью, всем телом, всем моим существом и я резко выпрямившись, выгибаюсь, резким движением отбрасывая волосы за спину и чувствуя как они опадают водопадом на мои плечи. Выдох!

Меня трясет. По рукам, по губам расползается тьма, губительный яд проклятия, и будь я ведьмой — это был бы последний выдох в моей жизни, но я не только ведьма. И тьма остается лишь на волосах.

— Весь... — хриплый шепот охранябушки. — Вся, хватит!

Глянула в зеркало, увидела напряженный взгляд мага, весело подмигнула ему, и вновь склонилась к могучей спине не мага — воина.

«Во далеком лесу есть топь глубока,
В топи той прячется тьма,
Тьма чернил черней, тьма ночи темней,
Тьма опаснее горных камней.
К той тьме я пойду, сумрак твой отнесу.
Той тьме все отдам, ничего не возьму».

Я шептала слова касаясь дыханием каждой черной отметины, собирая всю черноту проклятия губами, выдыхая всей грудью, чтобы ни частички не осталось во мне, и стараясь не слышать хриплого дыхания лежащего подо мной мужчины. Архимаг хрипел, давно сжимая деревяшку зубами, и не издав ни стоны боли, ни крика — мой охранябушка был силен, терпел молча.

Давно взмок он, трясло всем телом меня, но это было еще не все.

Собрав до капли всю тьму проклятия, я посидела, опираясь руками о могучую покрытую потом спину мага, подышала, собираясь с силами, и перешла ко второй фазе.

Вдох, и на едином выдохе всей силой своей души, своей груди, себя:

— «In silvam non distant altum est
Cingunt paludes et occultatum in tenebris,
Tenebris nigrior atra caligo tenebrosa nocte
Caliginem periculosam montium saxa.
Et ibit per tenebras, et ducam te caliginis.
Quod tenebrae non aliquid, ego non aliquid!»

Второе заклинание почти полный аналог первого, только магия другая — ведьмовская. А то, что было убрано магией леса, уже никогда не вернется туда, где оставила свой след магия ведьмы.

Проклятие было снято!

Одна трудность во всем этом имелась — как ведьма я выложились. Выложились по полной, выпила себя досуха, опустошила до самого, самого дна.

И падая на пол, единственное на что хватило сил, это на тихий стон:

— Леший...

* * *

Мне снился сон. Не люблю сны, особенно о прошлом.

Но увы, это был именно такой сон.

«Валкирин, еще раз!»

Я стою посреди магического контура в виде звезды... вчера контур был из двух совмещенных частично кругов. Из-под ногтей течет кровь, в висках пульсирует боль, губы пересохли, я хочу пить, невыносимо хочу пить, но кто мне даст?

«Валкирин!»

Славастена никогда не отличалась жалостливостью. Беспощадная совершенно не ведьма, учениц не берегла, но кого это волнует? Вчера в контуре из кругов погибло двое. Сегодня отсюда унесли уже четверых, и мы все знали — они не появятся в лазарете, и в общей комнате уже никогда не покажутся тоже. Их похоронят в саду. В безымянных могилах. И если я сейчас не справлюсь — меня ждет та же участь.

А потому собрав все силы, я простираю руки над трупом, от которого несет диким смрадом разложения, и повторяю уже в который раз:

«Veni in somnio!
Eritis mihi somnium!
Aperi somnium meum!
Surge! Surge! Surge!»

«Surge» — восстань. Это плохо. Очень-очень плохо. Мы ведьмы, мы не должны призывать к жизни полуразложившиеся трупы, мы вообще не должны иметь дело с восставшими или убитыми. Мы — жизнь, а тут — смерть. Да не просто смерть — смерть предстояло пережить мне, пусть и во сне, но все же. И тут в ритуальном зале раздается:

«Валкирин, любовь моя, ты сможешь, ты справишься, я уверен в этом».

Тиромир — в то время ты был для меня синонимом к слову «мир». Ты был для меня всем миром, ты был смыслом моей жизни. И улыбка скользнула по иссохшим губам, боль отступила под волной нежности и желанием помочь любимому, а кровь из-под ногтей... какое она имеет значение, если Тиромир здесь! Если смотрит на меня! Если верит в меня!

И в ритуальном зале звучит уверенное:

«Войди в сон мой!
Стань сном моим!
Откройся моему сну!
Восстань! Восстань! Восстань!»

«Валкирин, не смей использовать язык черни!» — окрик Славастены.

Да, не классический язык магии, но мой, родной, близкий, тот который удавалось наполнить силой гораздо легче, чем изучаемый и сложный. Когда магия идет от души, от сердца — она сильнее! И убитая монстром, терроризирующим столицу уже почти год девушка, не вошла в мой сон — она восстала наяву. А я упала. На руки беззаветно любимого, с осознанием того, что я справилась, я сумела, я его не подвела.

Чем это обернулось для меня? Двумя месяцами в лазарете.

Чем это обернулось для него? Феноменальным успехом, ведь Тиромир раскрыл преступление и нашел убийцу.

Ему достались лавры, мне горькие настои, но разве это тогда огорчило меня? Вовсе нет, я была рада, искренне рада, что сумела ему помочь. Я ведь любила, беззаветно и преданно...

Как же больно... было потом.

А сейчас вдох — и мой сон ведьмы сменяется сном лесной ведуньи. Сном, наполненным светом, дыханием жизни, теплом лучей поднимающегося солнца, прохладой сумрака скрывшегося под могучими кронами вековых деревьев.

Ну, здравствуй, мой лес!

* * *

Рассвет безбожно проспала. Телом проспала, силой и мыслями давно бегала по лесу, проверяя, помогая, радуясь. Ночью кротиха родила семерых детенышей, максимальное количество для кротов. Все родились здоровенькими, я подмогла, а чаща умилялась и радовалась, правда это не помешало моей поганке зловеднучей попытаться умыкнуть одного кротеныша, под предлогом «Слабенький же совсем». Зараза! Хорошо леший вмешался, а то пришлось бы просыпаться и топтать туда самой.

Бык вчерашний на заповедных пастбищах был счастлив безмерно, ел вволю и косил глазом на милую бурую в белые пятна телочку, та кокетливо поглядывала на него... и чаща уже тоже была там! В предвкушении! Травку телочке подсовывала сочную, лечебную, за

ягодами даже смоталась. Просто у нас с чащей договор — если корова двух телят родит, трогать нельзя, двух корова вполне выкормить может, а вот если трех... Гипотетически трех еще никто не рожал, но чаща все еще надеялась.

И тут меня разбудили. Не то чтобы намеренно, но кто-то заботливо приподнял, мои губы приоткрыли и в рот потекло что-то студеное, вкусное, нужное.

Глаза открыла, посмотрела в синие полные тревоги очи охранябушки, всю воду из ковша выпила и тихо сказала:

— Спасибо.

Усмехнулся невесело, отложил пустой ковш, все так же меня придерживая одной рукой, второй волос коснулся, приподнял прядь одну и тихо сказал:

— Черные. Почему черные, Веся?

— Потому что я ведьма, охранябушка, — улыбнулась ему. — Ничего, через пару лет посветлеют вновь. Как себя чувствуешь?

А маг вместо ответа вдруг сгреб меня, прижал к себе, да крепко так, не продохнуть, и хрипло прошептал:

— Да как же ты вообще в этом жестоком мире появилась такая?!

Но тут же отпустил, уложил обратно под сосну, стараясь в мои изумленные глаза не глядеть даже, покрывалом прикрыл, подушку поправил, встал, в лес посмотрел и ответил бесстрастно:

— Нормально. К утру уже встал. Долго тебе еще под сосной лежать?

Пожала плечами, подумала и ответила:

— Да до заката полежу, спешных дел пока нет.

Маг кивнул, все так же не глядя на меня.

Затем спросил:

— Лежать тут будешь, или уже можно к избушке принести?

— Пока тут, — я оглядела сосновый бор и не стала говорить, что видимо, совсем плоха была, раз леший меня сюда принес. — А ты отдохнул бы, охранябушка, ты уж прости, но тебя еще одна ночь ждет трудная.

И вот тогда синие глаза прямо посмотрели в мои. Несколько секунд маг лишь смотрел, затем развернулся и ушел молча. А я, только когда он из виду скрылся, вдруг подумала — от моей избушки до соснового бора, коли пешком идти, не по заповедной тропе, это полдня

топать надобно. И как нашел меня маг? Леший бы точно не сказал где я, а охранябушка все равно нашел — подушку вот принес, и одеяло, и воды родниковой студеной.

Улыбнулась, сама не ведаю с чего, клюку верную позвала, открыла архимагу путь прямой к дому, а как шагнул на тропу заповедную, я с клюкой в обнимку снова заснула.

* * *

Проснулась на закате. Рядом верный друг леший сидел, в ногах у меня кот Ученый устроился, Мудрый ворон задумчиво бродил вперед назад между соснами, домовой в руках держал глиняный горшочек и пахло оттуда умопомрачительно.

— Суп грибной, я и сметанку принес, — сообщил домовой.

— Ох, — я тут же села, горшочек протянутый взяла осторожно, и ложку, и крынку со сметанкой, и краюху хлеба. И спросила, вдыхая аромат супчика: — Охранябушка готовил?

И тут вдруг как-то стушевались други мои верные, леший вовсе отвернулся, кот сделал вид, что когти внимательно рассматривает, ворон аккуратно сделал пару шажков назад, пытаюсь скрыться за деревом.

И есть мне перехотелось тут же.

— Письмо тебе оставил, да и был таков, — прервал напряженное молчание леший.

И суп грибной я вовсе отставила.

От чего охранябушка так поступил... я, кажется, знала. Меня побережь решил... Странно говорить такое, где это вообще видано, чтобы маг да пожалел кого-то, чью-то жизнь выше своей цели поставил, о ком-то позаботился искренне. Магов я знала, хорошо знала, обычный маг, поняв, что я вреда ему не причиню, использовал бы да и выбросил.

И я бы даже не удивилась, я знала магов, я правда знала магов. Даже Кевин, спасая меня, в первую очередь о себе думал, а когда осознал, что ни шанса у него нет... отдал мне свою жизнь, чтобы отомстила за него. И это было типично для любого мага, это было нормально для них, а мне... мне ненормальный достался!

— Где он? — тихо спросила у лешего.

К сожалению уже тоже зная ответ.

Прекрасно зная ответ.

Охранябушка не покинул лес на этой стороне реки, знал, что тут я его везде достану, достану и верну, причем исключительно заботы о нем ради, знал и о другом — Гиблый яр мне не подчиняется. И даже чаще моей туда не пробраться. За Гиблый яр сражаться придется, да не один день, боюсь годы уйдут... Зато если там печать содрать с кожей вместе, всполохнет она, огнем окутается и Гиблый яр вместе с ней...

Охранябушка ушел умирать. Ради меня.

— Леший, лешинька, почему не остановил? — я как утопающий, за соломку хваталась. — Пропустил как?

— Мост, Веся, мост. Водяной твою просьбу выполнил, мост поставил, да не простой — с нашей стороны по нему любой пройдет, а вот со стороны Гиблого яра никому не пройти. Охраняб твой сказал, ты к нему с вопросом обратилась, что может знает он знак какой-то... Ты же знаешь, ложь я бы почувствовал, лжи в его словах не было.

Не было, потому что да — спросила я.

Спросила, а он воспользовался.

— Весь, — леший кряжисто повернулся, на меня посмотрел, — Веся, если сгорит он в Гиблом яру, нам от того никакой беды — река преградой огню станет. Из яра ему не выбраться, и ни Тиромиру, ни Анариону к нему не подобраться. Не ходи за ним, Веся, никто он ни тебе, ни нам. И это Заповедный лес — здесь никого не держат, ты же знаешь.

Я знала.

Я все знала.

Вспомнила, как охранябушка вдруг схватил меня, к себе прижал, стиснул так крепко, да прошептал: «Да как же ты вообще в этом жестоком мире появилась такая?!»

Жаль, не спросила его о том же.

— Да что ж он за маг такой... неправильный! — воскликнула, закрыв лицо ладонями.

Друзья мои верные молчали. Молчал кот, который всегда шибко Ученый и обыкновенно никогда не затыкается, молчал Мудрый ворон, хотя и ему обычно всегда есть что сказать, и только леший молчал привычно, он завсегда молчал, привычка у него такая.

Я лишь понять не могла.

— Почему? — слова срывались с губ, опадали туманом на ресницы. — Почему?!

Не могла понять, как только не пыталась — все равно понять не могла. Тиромир любил меня, всем сердцем любил, надышаться мной не мог, я это видела, я чувствовала, я это знала — я ведьма, меня не обманешь. Тиромир любил, искренне любил... но он был магом, а маги всегда ставят на первое место себя и свою силу. Всегда. Такова уж их природа. Такова их суть. Они такие. Просто такие, так их сила меняет, так их обучение закаляет, таков их главный жизненный принцип.

Что ж с охранябушкой не так-то?!

— Хозяюшка, письмо принести? — спросил домовой.

— Толку с него, — я раскачивалась сидя, и все так же закрывая лицо. — Леший уже сказал все, остальное мне и так ведомо.

Поднялась решительно, слезы рукавом вытерла, в сторону реки посмотрела.

Что ж — не так я в Гиблый яр прийти хотела. Не так воевать с нежитью обезумевшей собиралась. Все не так. Да только... ведьма я, в стороне не останусь.

— Кот Ученый, Лесную Силушку заморочь, чтобы не лезла до самых петухов, не мешалась. Леший, на тебе чаща Заповедная, весь лес по периметру от вторжения защити-закрой, терновые кусты чтобы стеной встали. Ворон, поднимай воронов. Лешинька, ты волков. Сильных, матерых, мудрых, опытных. На смертный бой иду, сама не справлюсь.

Протянула руку — верная клюка тут же в ладони оказалась.

Один раз оземь ударила — открылась тропа заповедная, к самой избе открылась.

Последнее мне осталось:

— Спасибо вам, выручили, — поблагодарила сосны.

Те зашумели ветвями, обронули шишки — остановить пытались.

Поздно, меня не остановишь.

Когда во двор шагнула, увидела притихших русалок, те сегодня с подарками явились... да дарителя не застали, а о том, что маг мост уж перешел им было ведомо. Меня проводили взглядами настороженными, а я к бочке ушла. Собрала волосы, черные, словно вороново крыло черные, ковш взяла, к губам поднесла, да один глоток был для них, остальное полилось на грудь, на сорочку, на исподнее.

Обливалась я решительно, хоть и продрогла — ледяная вода была, ключевая же.

В мокрой одежде в избу взбежала, раздевалась там же. А опосля, в полотенце завернувшись, подошла к сундуку старому, крышку с трудом откинула, пальцы в деревянные доски впились, сжимаясь до побеления. Одно у меня от прошлой жизни осталось — платье свадебное, кипенно белое. В этом платье к алтарю пройти должна была, в этом платье клятвы брачные готовилась произнести, это платье с меня Тиромир снимать должен был... От того и платье было не простое, ох и не простое. Сама шила, магию вливая в каждый стежок, в каждую петельку. Да и ткань не магическая — с виду шелк, а по правде — хлопок заговоренный, лично мной выращенный, лично мной сваленный, лично мной сотканный. Это ведь только между ведьмами нету споров и войн, ведьмы же друг за друга горой завсегда.

Ведьмы... но не ученицы ведьм.

Нас, находящихся у Славастены на обучении, больше тридцати было, а остаться всего одной предстояло, и потому... простой наша жизнь не была. Хочешь выжить — умей сражаться. Я не умела. Сила вспыхнула во мне лишь однажды столь ярко, после был спад. Я прирожденная ведьма, слабая, остальные все были природными, силу получившими по крови. От того несладко мне было в ученичестве, ох и не сладко... А когда Тиромир меня в невесты выбрал, вопреки воле материнской, вопреки правилам и традициям, всему свету вопреки — изжить меня со свету пыталась уже каждая, даже те, что жалели поначалу, о жалости забыли. И уж чего только не было — проклятий вслед, ножа в спину, яда в еду, всего хлебнуть изрядно пришлось, от того свадебное мое платье было покрепче иного доспеха. Свадебные туфельки — белые, из кожи змеиной, ни мечом проткнуть, ни топором разрубить. А вот плащ черным. Белый, свадебный, мехом украшенный, остался в доме Славастены, бежать мне в черном пришлось, но и он простым не являлся. Повседневным был. А потому тоже и от ножа в

спину, и от проклятия в лицо уберегал знатно и качественно. И по началу страшен был, ведь из льна грубого соткала его, ученицы за вид такой звали меня деревенщиной. Ничего, со временем старый плащ вид иной приобрел — и стал на вид атласным, чистотой сияющим, и стихли насмешки... осталась ненависть.

Посередь избы высунулся из пола леший, посмотрел неодобрительно.

— Себя сгубишь, с лесом что станет? — спросил сурово.

Ничего не ответила. Тесемки плаща повязала, из сундука ларец достала, на стол поставила. Замок хитрый был, да мой — я и открыла. И остервенело принялась кольца на пальцы натягивать, на каждое по два, на некоторые по три. Все брала. Все что имела. Все что нашла да раздобыла за годы службою лесною хозяйкою. Мне теперь все понадобится. И амулет натягивала за амулетом, артефакты на шею вешала, зарядники в браслетах крепила.

Лишь с последним браслетом помедлила.

Обручальный, зачарованный, парный. Такой из любого места вытащит, к нареченному принесет. И будь он на мне в ту ночь, Тиромиру искать не пришлось бы... вот только и второй я захватила с собой, с запястья жениха сорвав.

— Речь мою слушай внимательно, лешинька, — тихо сказала, взяв парный браслет. — Да исполни, как велено. На утренней зорьке, коли сама не вернусь... нареченной призовешь.

И подойдя к другу верному, на колени опустилась, да браслет на руке его крепко защелкнула. Тяжелым взгляд лешего стал. Тяжелым дыхание.

Я ладонь протянула, к щеке его прикоснулась и правду сказала:

— До утра продержусь. Со мной амулеты да волки будут. А коли не сумею, не сдюжу — на утренней зорьке позовешь по имени. Твоя правда — умереть права не имею, лес на мне.

И поднявшись, ушла к учебникам уже магическим, по охранительной магии.

— Весь, с собой возьми, — хрипло попросил леший.

— Не могу, — ответила резко, не оборачиваясь. — На тебе да на мне лес держится, коли один из нас его покидает, второму должно в нем оставаться.

Леший об том знал, да только легче ему от правды не было.

— Волков позвал? — спросила, капюшон на голову накидывая.

— Все тут. Все, кто умереть готов, — сипло сказал леший.

Правду сказал — на смерть я волков брала, на верную смерть.

И когда шагнула за порог избышки, смотрели на меня волки матерые, жизнь пожившие, да волчицы сильные, пару свою потерявшие. У волков ведь как — одна любовь на всю жизнь, одна пара на весь волчий век, и коли любимых теряют, а детей вырастят... существование теряет смысл.

По ступеням спустилась, оглядела каждого — с полсотни собралось, видать леший заповедными тропами привел тех, кто давно одиночкой стал, по окраинам в одиночестве жил.

— На смерть идем, — сказала оглядывая каждого.

Никто не дрогнул.

Волки сила леса. Безжалостная сила. Им санитарями быть, больное зверье убивать, им и защищать, коли беда пришла. Волки — сила леса. И не всегда в теории.

Ударила клюкой оземь, и потекла в серых сила лесная, мощь дубов вековых, крепость сосен что до облаков достают, гибкость плюща, да живучесть сорняков. В один миг стали звери втрое больше прежнего. Вот твоя армия, ведьма, вот она. На смерть поведешь.

— Где ждать тебя, Веся? — тихо спросил леший.

— В сосновом бору, лешинька, в сосновом бору...

Многое я ему этим сказала, очень многое. Он понял.

Оборачиваться не стала — плохая примета.

Клюку сжала, да и ударила, открывая тропу заповедную.

* * *

Вышла у топи, волки серыми тенями за мной последовали, да едва в лес вышли, так сразу рассредоточились — кто впереди скользил, кто по сторонам, кто прикрывал сзади. И на мосток из бревен водорослями опутанных, волки ступили тоже первыми.

И как ступили, так и зарычали.

Впереди меня шло двое, волчица Сиды, старая, умная, опытная, и матерый волк, бывший вожак восточной стаи Хоем. Оба на веку своем

многое повидали, от того оба и среагировали первыми — на мосту что-то было не так. На мосту кто-то был.

Остановилась и я.

Протянула руку — огненный зеленый шар сорвался с ладони, помчался вперед и разбился о что-то, хищно оскаливающее, да пригибающееся к мосту. Тварь собиралась прыгнуть. Да не успела — ведьмовской огонь страшная штука, особенно для скаженной нежити. Но уроком мне это стало — я тварь не почувствовала, и коли не волки, пошла бы вперед уверенно, на силу водяного уповая и засады не ожидая.

Да долго в неизвестности Водя не пребывал — тварь, охваченную пламенем, что и в воде не гаснет, схватил кракен, да тут же щупальца одернул и хозяина призвал.

Водяной поднялся из воды, когда мы уж до середины моста дошли. На меня посмотрел напряженно, и спросил прямо:

— Защиту мою тварь обошла?

— Видимо так, Водя, — кивнула я.

О том, как действовать дальше, мы с водяным знали оба — и едва я и волки сошли с моста, моста не стало — рисковать никто из нас не хотел, ни я, ни Водя.

— Веся, здесь ждать? — спросил водяной.

Что ответить?

— Не знаю, — сказала не оборачиваясь. — Не знаю, сумею ли из яра к берегу выйти. Водя, другой мост не готовь, коли понадобится — я тебя позову.

И в страшный Гиблый яр шагнула решительно.

Позади плеск воды раздался, и хоть не к добру то было — обернулась. Водя по воде кулаком ударил в бессильной ярости, да только он к реке привязан сильнее, чем я к лесу Заповедному. У меня ведь леший есть, а у него — никого.

— Себя береги, Весь, — попросил только.

— Попробую, — кривить душой не стала.

Не знала я, выберусь ли сама, али леший спасет.

Ничего не знала.

Одно только мне было ведомо — куда маг шел. Вот путь охранябушки я видела отчетливо — такую просеку слепой и тот бы увидал. Жуткая просека была — огнем и мечом шел вперед маг, огнем

и мечом... от того дымился не только лес, но даже и влажный мох тлел. От того кровь была повсюду, и вовсе не алая, а багряная, запекшаяся.

— Сидя, Хоем, рядом держитесь, вперед ни на шаг не отходить! — приказала я волкам.

И опустившись на одно колено, приложила ладонь к земле.

Гудела земля... от топота ног, от энергии смертей, от ужаса тех, кто спасался, от ярости тех, кто мчался уничтожить вторгнувшегося мага. Земля здесь была отравлена, да столь сильно, что как ни искала — ни единого чистого ручья не нашла, ни одного здорового дерева, ни одного существа в ком бы жизнь билась чистая, ядом не изничтоженная, скверной не измененная.

Гиблый яр — как оказалось, название было верное. Я и представить себе не могла, насколько верное. Здесь не жизнь, здесь скверна черным ядом все пропитала. И я не то что живых не ощущала, я даже нечисти найти не могла. Ни кикимор, ни лесовиков, ни боровиков, ни даже аук или анчутков, не говоря о лешем. В этом лесу жизни не было. В любом ином была, даже сожженном, даже прогнившем, какая-то жизнь да была, а в этом... не было.

Только нежить! Одна нежить! Исключительно нежить!

И ты знал об этом, охранябушка, знал, что плохо дело.

Совсем плохо.

Тогда зачем пришел сюда, зачем умереть решил?!

Что же ты наделал, глупый? Думал я не настолько дура, чтобы за тобой пойти? Ошибся! Ты ошибся, охранябушка, а платить за ошибку мне придется.

Сидя зарычала, заставляя меня встать и прислушаться к тому, что творилось вокруг. Это было сложно — вокруг царила мертвая тишина. А земля под моими ногами гудела, то стена, то проклиная, то дрожа от страха, то кипя от ярости...

Я заставила себя не слышать землю, а слышать тишину.

Где-то наверху раздался крик птицы...

Сжала клюку, рывком перенеслась в тело подоспевшего Мудрого ворона, его глазами посмотрела вниз и увидела — тварей, подобной той, что пробралась на мост, обойдя защиту водяного, всего было тринадцать. Четырнадцатую я убила на мосту.

И мне дурно стало, едва я вспомнила слова охранябушки: «Гиблый Яр это, место известное, да столь же гиблое. Бывал пару раз, часть ходоков в лесу том — от моих отрядов остатки».

Боевой отряд магов — пятнадцать человек. Что ж, теперь ясно, от чего тварь сумела забраться на мост — потому что это была непростая нежить.

— Это маги, — тихо предупредила я волков. — Когда-то они были людьми.

Звери не переглядываются. Серые лекари леса, просто принимают информацию к сведению, а затем действуют. И волки умны — им достаточно даже такой информации, чтобы уничтожить противника. Ведь если ты знаешь кто перед тобой — ты знаешь, как его уничтожить.

С тварями, некогда являвшимися людьми, было покончено за несколько минут — волки умеют убивать. И когда стая собралась вновь вокруг меня, в живых остались все.

Но это пока.

Что бы я ни сделала, как бы не берегла их — я знала, что большая часть моих серых стражей сгинет здесь сегодня. Но это волки, санитары леса, стражи леса... а на кону была не только жизнь охранябушки, но и существование всего Гиблого яра. И чтобы сохранить их обоих, и лес, и мага, я собиралась пожертвовать волками, и они знали об этом.

А я знала о другом — не нежить являлась главной угрозой в Гиблом яру, и не порождения скверны, и даже не ходоки. А чаща. Заповедная чаща некогда Заповедного леса — вот кто мой главный противник.

И мы двинулись вперед. Осторожно, крадучись... волки умеют убивать тех, кто раньше были людьми, волки умеют убивать тех, кто ранее был животным, волки, защищенные моей магией, более чем способны дать бой даже никогда не дышавшей нежити... Но не Заповедной чащи Гиблого яра. Больше всего я опасалась именно ее порождений.

По просеке, окровавленной и обожженной, шли долго. У охранябушки было часов восемь форы, но пробиваться ему пришлось с боем, мы же пока особого сопротивления еще не встретили. Два огненных амулета я потратила на бой с ходоками — ходячими кустами, в них не было жизни, только злоба и скверна, отравившая Гиблый яр. Несколько волков полегло в бою с иными порождениями чащи — огромными, состоящими из лиан и шипов насекомыми, мне пришлось добивать пламенем, яд на кустах оказался не только сильным, но и заразным, царапины шипа хватало, чтобы павший живым волк, восставал отравленной ненавистью нежитью. И тем, кто только что сражался рядом с ним, приходилось добивать своего же товарища. Это оказалось слишком сильным ударом даже для зверей. Но волки не роптали, убивали восставшего, и продолжали охранять меня.

Тяжелее всего было осознавать, что я могла бы избежать этих смертей — могла бы, сил хватило бы, чтобы весь путь отчистить... вот только тогда, местная чаща быстро сообразит, что основная опасность здесь не архимаг, пришедший убивать и умирать, а я... И против чащи мне не выстоять, я тогда до охраняба просто не дойду, я знала это. Но легче от этого не было.

Взвизгнул очередной волк, швырнула на звук огненный шар, сжигая живой куст... Сида добила волка, и мы идем дальше.

Идем, бесшумно и безмолвно. Я защищаю своих волков как могу, вспоминая все заклинания, которые учила когда-то. В моем лесу они мне были не нужны, здесь — требовались как воздух. И я шла, заставляя себя вспоминать, а вспоминая — действовала.

«Ех praesidium» — заклинание защиты. Я расплетаю его как клубок нитей, оплетаю им каждого из своих воинов, соединяю их сердца со своим, покрываю броней.

Вовремя!

Из-за ближайшего кряжистого прогнившего массивного дерева вырывается стая жужжащих игл.словно живые, они рассеиваются, рассредоточиваясь и впиваются в нас — в меня, в волков, и даже в нити призванной мной магии. Впиваются и опадают, не причинив ни малейшего вреда.

Но это было ошибкой.

Моей ошибкой.

И затихает лес, страшно затихает, жуткой мертвой тишиной.

Чаща осознала, кто на территорию ее зашел!

Быстро же она, слишком быстро.

Что ж, теперь выбора нет.

И я вновь опустилась на одно колено, прижала ладонь к сырой земле и прошептала:

«Чиста роса, чиста как слеза,
Опадает роса, покидая небеса.
К росе взываю, росу призываю,
Ручейками чистыми,
Чистыми да лучистыми,
Беги ко мне роса,
Да жди приказа!»

И потекла вода со всех сторон. Чистая, без грязи, гнили да скверны, сверкающая серебром, восстающая стеной передо мной, и стена та росла, утолщалась, увеличивалась.

И зашумел отравленный лес, где-то вдалеке рык ходоков слышался, а опосля и топот ног, лап, лапок, конечностей — чаща собирала свое войско. Чаща собиралась нанести удар. Чаща — страшный противник.

— Придется бежать, — тихо сказала я волкам. — Когда ударю заклинанием, коли дорогу отчистит, ринемся в бой. Но если не сдюжу, вам один путь — обратно к реке, водяной подсобит, в лес наш вернет.

Ответа не ждала, волки спорить не станут — их дело слушаться моих приказаний. А все что я сейчас могла — ждать. Нервно, стараясь сдерживать дрожь, стараясь, разум холодным хранить... и ох как же непросто мне было. И как жутко. Сунуться в Гиблый яр ночью — и хватило же ума!

Но я заставила страх умолкнуть, протянула руку ко все увеличивающейся стене воды, прошептала «Luceat», и вода засияла, освещая мягким голубым светом все вокруг... вот тогда-то мне и стало не хорошо!

Эта чаща была умна.

Очень умна. И выводы делать она тоже умела. А потому не осталось вокруг нас никого из плоти и крови — обезумевшая отравленная злобой чаща согнала сюда свою исконную армию, и я в ужасе оглядывала ровный строй ходоков из терновых шипов, кряжистые, плотоядные деревья, готовые рвать и жрать любую живую плоть, и ползущие, словно змеи, ядовитые лианы...

Мне конец.

Мне просто конец, да такой лютый, что и врагу не пожелаешь.

И тут вдруг, во всей этой ситуации, почувствовала я что-то такое... увиденное не так уж давно.

Знак Ходоков я вспомнила.

А затем слова, что тогда сказала я охранябушке: «И если на меня знак Ходоков наложить, она примет удар на себя, и распределит так, чтобы всем досталось по капле — она чаща, она действует инстинктивно, а если на каждый охранный куст по капле яда, это ведь мелочь по ее мнению».

И я тогда даже в страшном сне не могла представить, что столкнусь с чащей, которая подверглась подобному воздействию. Потому что у такой чащи нет слабых мест. И у ее армии слабых мест тоже нет. И эти кусты, деревья и ползучие ядовитые лианы, им не страшны ни магические атаки, ни огонь. Заповедная чаща неуязвима.

А эта конкретная еще и умна сверх меры.

Очень умна.

Она не последовала за охранябушкой, иначе бы он не продвинулся так далеко. Она не стала вмешиваться в мою битву с нежитью, потому что не сочла меня опасностью. Но как только я выдала свою принадлежность к лесным ведуньям — оказалась тут мгновенно. И с единственной целью — уничтожить.

Обезумевшая, отравленная скверной, многовековая озлобленная и крайне умная чаща против одной очень глупой ведьмы, из которой и лесная ведунья тоже вышла не самая умная.

Я стояла, сжимая дрожащей ладонью клюку, и понимала — мне не выстоять. Обезумевшая, переведенная в боевой режим чаща от меня и клочка не оставит, она меня попросту уничтожит. С особой старательностью уничтожит. Это ее задача — уничтожать тех, кто несет опасность в ее лес.

И я просчиталась, сильно просчиталась — я недооценила противника. Не подумала, что чаща Гиблого яра настолько умна. И вот теперь все, что мне оставалось — думать. Волки будут уничтожены, это я понимала. Но себя я спасти могла — а для спасения охранябушки и всего Гиблого яра этого будет достаточно.

А потому я использовала запрещенный прием, отлично зная — у Гиблого яра нет хозяйки. Я не ощутила ее ни прикоснувшись к земле, ни даже сейчас, когда против меня открыто выступила вся чаща. А у чащи, особенно брошенной и одинокой, есть одна слабость, всего одна слабость, одна-единственная и... я ведь ничего не теряю.

— Чаща Заповедная, — сказала негромко, но в мертвой тишине голос прозвучал оглушающее, — ты уж прости за вторжение, и за визит несогласованный тоже прости, но тут дело такое...

Я медленно положила ладонь на живот, которого вообще еще не было, и сообщила:

— Ребеночек у меня скоро родится.

И замерло войско неуязвимое. Змеи-лианы раскачиваться перестали. Деревья застыли. Кусты шипы втянули.

Несколько секунд тишина висела жуткая, а затем прямо передо мной, между мной и стеной светящейся призванной воды, пророс росток, из него лепесток, из того поднялась, сплетаясь из ветвей и лиан Заповедная чаща Гиблого яра. Ох и страшна она была... Я свою голозадую ругала частенько, но моя была миленькая и родненькая, а тут почти такая же, да только в волосы ее зеленые человеческие головы вплетены, пальцы в крови несвежей, на лице оскал звериный, в глазах пустота и мрак, а еще несло от нее гнилью и разложением, и затошнило меня так, словно и правда в положении... я даже рукой рот прикрыла, сдерживая то ли рвотный позыв, то ли крик ужаса.

И чаща изменилась в тот же миг!

Исчезла с пальцев ее кровь, из волос головы мертвые, запах гноя сменился ароматом травы мятной, а глазницы засияли светом радостным, и выражение на морде стало, прямо как у моей чащи. Наклонилась она резво, к животу моему присмотрелась, выпрямилась, засияла улыбищей, и руками жест изобразила, словно ляльку покачивает.

Вот те раз!

Я была уверена, что эта чаща меня не тронет, только если решит, что я беременная. Такое случалось в прошлые времена, если ведун или ведунья лесная гибли, одичавшая чаща могла выбрать себе женщину беременную, завести заманить в лес с помощью нечисти, да приняв роды, забрать себе ребеночка, чтобы из него вырастить хозяйку себе, али хозяина. Так вот о таком я думала, что заманит-закроет выходы из Яра гиблого, но нет — все оказалось хуже. На порядок хуже. Неземное счастье сияло на морде чащи Заповедной, жуткие ядовитые пауки уже трудились над чепчиками да пеленками, прямо здесь, от пути проложенного мечом и огнем не отходя, лианы начали соревнование на кто лучше люльку сплетет, а чаща начала мне радостно вкусняшки подсовывать — ягоды малины, к слову скверной не отравленные, землянику даже достала откуда-то...

И это ошеломило страшным осознанием — чаща знала, что отравлена.

Чаща знала, что прогнила.

И чаща не хотела такой оставаться.

Несмотря на яд, несмотря на скверну, несмотря на весь ужас Гиблого яра — чаща была не просто умная, она оказалась еще и достаточно сообразительная, чтобы осознать, что происходящее не есть норма от слова совсем.

Я сжала клюку, с болью глядя на чащу.

Думала не долго — говорю же, глупая с меня ведьма вышла, вот и ведунья не лучше.

— Я вреда не причиню, — прошептала, всю искренность в каждое слово вкладывая.

И она поверила. Застыла передо мной, все так же протягивая на двух листах малину и землянику, а я, руку протянув, прикоснулась ладонью к ее щеке.

И пошатнулась, на клюку опираясь — плохо дело было.

Чаща это защита, а опора и суть чащи — лес Заповедный. Гиблый яр Заповедным уж давно не был... Но в воспоминаниях чащи я уловила отголосок тех, прежних времен, когда этот лес был наполнен волшебством и жизнью, а затем все светлое накрыл знак, тот самый знак Ходоков, от которого уберег меня охранябушка...

Хозяйку этого леса не уберегли!

Стара была, подслеповата, да подлости такой не ждала вовсе... Это мы, современные ведуньи, уже наученные, ведаем и про ловушки, и про попытки лес отобрать, а тогда... не ведала она. В знак жуткий вступила живой, а отступила полыхающим огнем умертвием. Ведунья была стара, но от того и опытна — последнее, что она смогла сделать для своей чащи, это уберечь ее от скверны, и потому подожгла себя прежде, чем стала умертвием. Да сгорела не сразу. И от нее скверна как яд по всей территории леса растеклась, вот так в миг один Светлый яр Гиблым яром обернулся. А дальше — кто из зверей да птиц сбежать успел, тот выжил, а кто нет... В лесу этом нынче только смерть хозяйкой была. А чаща... чаща все так же лес охраняла. Какой был, такой и охраняла. Как могла, так и охраняла, изо всех своих сил.

Опустила я руку, клюку сжала с силой, словно себя пыталась в руки взять, да на чащу, стоящую передо мной, посмотрела с болью.

И что сказать ей, отчаянием и горем отравленной? Как помочь, как утешить? Все войско ее вот оно, передо мной. Страшная сила, да только, если в контексте всей территории леса рассматривать... это уже не сила, так, остатки. Гнилью поеденные, ядом отравленные, тленом захваченные. Долго ли ты прстоишь еще, чаща? Лет десять, не более... а то и менее...

Об одном жалею — знала б раньше, если б только знала раньше, что эта чаща правильная, что сохранила разум и жизнь, я бы волков своих сохранила, я бы... я бы раньше сюда пришла.

— Не враг я тебе, чаща Заповедная, — с болью сказала, с трудом. — И вреда не причиню. Я за своим пришла, свое возьму и оставлю лес твой. Пропусти меня.

Приздумалась чаща, смотрит пристально, взгляд нехороший... не понравился мне взгляд ее, ох и не понравился. Но в сторону шагнула, путь указала, и поклонилась даже мне, хозяйке лесной... а вот это уже не понравилось вовсе. Чащи Заповедные, они собственницы зверские. Такая коли хорошую хозяйку найдет, то вовек не отпустит — по своей знаю. Ну да ничего, поутру леший выдернет, никакими путами не удержит меня чаща.

А вот сейчас, чащу следовало удержать мне. Да так, чтобы следом не кинулась, чтобы здесь осталась, лес оберегая.

— Благодарствую, Заповедная, — ответила с поклоном.

И ударила клюкой о стену из воды. И понеслась та волной — гниль уничтожая, скверну вымывая, яд обращая смолой, шипы острые — цветами весенними, мох гниlostный — грибницами, лианы ядовитые — побегами деревьев молодых.

И на глазах расцветал лес, обновлялся, оживал.

И хорошее это дело, да только все, что мне теперь оставалось — бежать! Да так быстро, что ветер свистел в ушах, а капюшон давно упал за спину.

И помчались мы с волками быстро, так быстро, как только могли.

Сида и Хоен впереди, парой мчались, в паре атаковали — чаща нам больше не препятствовала, но в этом мертвом лесу, нежити оказалось поболее, чем в моем живности всяческой!

Теряла я амулет за амулетом, голос охрип от заклинаний, мне бы воды сейчас, хоть глоточек, да не было, хрипели, рычали, бросались в бой неравный волки, падая безмолвно в случае поражения. Бежала вперед я, бежала отчаянно, уж и в боку кололо да так, что хоть криком кричи, в глазах темнело, но все что мне оставалось — бежать.

Бежать, зная что каждая пядь земли уносит жизни моих волков, бежать, боясь, что могу не успеть, бежать, в какой-то миг осознав, что возле меня лишь Сиды и Хоены... других волков больше не осталось. А вот врагов — хоть отбавляй.

И наступил страшный миг — миг, в который я вынуждена была остановиться.

Тяжело дыша, не падая лишь по одной причине — за клюку держалась, и с ужасом понимая, что кажется теперь, я единственный противник всех тварей Гиблого яра. Я. И судя по тому, как дрожала земля под ногами, нежить все собиралась и собиралась, мчалась ко мне изо всех сил, да со всех сторон. Гиблый яр лес огромный, двадцать дней пешего пути от центра к выходу, это поболее моего Заповедного леса будет, и вот сейчас все монстры яра желали растерзать меня. Только меня это-то и пугало. Так пугало, что дышать стало вконец больно — если они все против меня восстали, кто же тогда против охранябушки? Никого? Неужто мертв он? Неужто не успела?

Зарычала Сиды, шагнула вперед, готовая кинуться в бой, что проигран заведомо, но я остановила. Волки что могли уже сделали, теперь, Валкирин, твой ход.

— В бой не вмешиваться, — приказала волкам, — вы у меня одни остались.

Одни, это правда.

А впереди стоит лич, щитом своих тварей накрывает, в бой снаряжает. Слева ходоки рычат неестественно, с губ пена ядовитая зеленая капает, но хуже всех — твари. Много их, слишком много, и каждый в прошлом маг, а значит не с тупой нежитью дело имею, а с хитрой, коварной, ученой. Выберусь ли?

Свела ладони вместе, зажмурилась и крикнула, вливая силу ведьмовскую в заклинание свечения:

— Meridiem!

И засиял яркий белый дневной свет посреди отравленного ночного леса. Взыла нежить, упал ослепленный лич, ходоки забились в припадке на земле, и только тварям свет не помешал ничуть. Ну да ничего, для вас иная магия пригодиться.

И упав на колено, ударила ладонями оземь и прошептала:

— Восстань!

И потянулись из черной мертвой земли яркие зеленые побеги, побежали вверх, оплетая нежить, сковывая по рукам и ногам тварей, в кокон укутывая лича, прорываясь среди врагов.

А я уже мчалась вперед, Сиды и Хоем за мной по пятам.

Последний рывок, последний. На большее сил нет!

И ликующее чувство в изнывающей груди — успела!

Успела!

Мы с волками вырвались на поляну, в то самый миг, когда охранябушка, стоял в середине прорисованного кровью круга и собирался сжечь себя и весь Гиблый яр заодно.

Он стоял в центре пятиконечной звезды, что заняла весь охранительный круг, запрокинув голову, раскинув руки, и медленно, нараспев читая заклинание... Повсюду были останки его врагов, вражеской кровью он охранительный круг начертал, да такой, что и я, живая, с трудом через его грань переступила, волков чуть ли не силой загнать пришлось, преследующая нас нежить на ту же поляну примчалась. Но поздно уже — мы успели! Мы перешагнули контур охранительного круга и теперь были в недосыгаемости. Абсолютной недосыгаемости для нежити. И та, осознав это, разразилась

взбешенным воем, да выть могли уже сколько угодно. Вот они и выли теперь.

И маг, обернувшийся на вой взъяренной неудачей нежити, потрясенно глядел на меня, и с губ его сорвалось только:

— Веся...

Не ответила. Рухнула наземь, и дышала, пытаюсь отдышаться хоть как-то. Рядом натужно хрипели волки, но они хоть стояли — гордые. За пределами круга защитного, носилась и ревела от бессильной ярости нежить, да только охранябушка явно истинный архимаг, дело свое знал хорошо, от того никто и не мог прорваться через периметр, даже твари.

— Веся!

Вмиг охранябушка рядом оказался, меня подхватил, усадил, флягу из-за пояса достал, поднес к моим губам... И ох, как же рада я была воде ключевой, студеной. Да только всю не выпила, не одна же я тут была.

— Волков напои, — попросила задыхаясь.

Напоил. Так потрясен был, что и возражать не стал.

Потом ждал, пока отдышусь. И лишь после, тихо спросил:

— Ведьма, ты письмо читала?

— Нет, — я встать попыталась, не с первого раза получилось, охранябушке помогать пришлось. — А что там было?

Маг смотрел на меня со смесью гнева, ярости, недовольства и... страха. Вот только не за себя он боялся — за меня.

— В письме? — спросил хрипло.

И хотел было ответить, да передумал, лишь смотрел на меня, а в глазах столько боли.

— О, попробую догадаться, — я все еще за руку его крепкую держалась. — Видать было там, что ты в столицу уехал, к друзьям верным, что теперь-то, когда я проклятие убрала, они-де с легкостью печать с тебя снимут. Угадала, охранябушка?

Промолчал, взгляд отвел.

А вот я молчать не стала.

— Маг, — прошипела разгневанно, — вот скажи мне, будь так любезен, откуда ты взялся такой весь неправильный!

И на это отвечать не стал, лишь посмотрел в глаза мои, да во взгляде том боль плескалась такая, что и не передать. А я на него

смотрела, и все понять не могла — почему он такой? Почему?

— Меня пожалел, да? — спросила с горечью. — Меня. А с чего бы, охранябушка? Откуда жалость-то?!

И на это ничего не ответил он мне.

Я вот только никак уговориться не могла.

— На волков посмотри, охранябушка! — не просила — потребовала. — Хорошо посмотри! Видишь, двое их осталось. Всего двое! А со двора моего полсотни вышло!

И заорать бы! По лицу ударить хлесткой пощечиной! До ума донести, хоть ударами, хоть словами обидными! А только смотрю на него, по щекам слезы градом, в глазах обида, и ни на крик, ни на удары, ни на слова обидные нет у меня сил.

— Я же сказала тебе, маг, я все тебе сказала! — слова вырывались с хрипом. — Опасен ты, для себя ли, для других ли, но опасен! И то, что я опасность на себя взять решила — так то мое решение, моя ответственность, моя, понимаешь?! Нет твоей вины в том, что печать на тебе, не твое это было решение, не твое желание! А вот снять ее я решила по собственной воле! И причины тебе объяснила! И правду сказала всю как есть! И... Зачем, маг, зачем?!

И вот тогда посмотрел он на меня. В глаза посмотрел, и молвил тихим голосом:

— Ты не знаешь меня, Веся. Ничего обо мне не знаешь. Знала бы — еще тогда, когда даже встать не мог, убила бы без жалости. Ты решение приняла? Поверь, проведала бы кто я, изменила бы в тот же миг. И да, ты правду мне сказала, да только я промолчал, в этом моя вина, большая вина. И за волков твоих... мне, боюсь, вовек не расплатиться. И за доброту твою, и за заботу бескорыстную — тоже. Ты прости меня, Веся, но все что я могу сделать для тебя — уничтожить Гиблый яр. Вот моя плата, пусть и мизерная.

Его слова я выслушала молча.

Постояла, слезы рукавом утерла, да и спросила прямо:

— Охранябушка, ты уж будь так любезен, на один только вопрос мне ответь — А ГИБЛЫЙ ЯР В ЧЕМ ВИНОВАТ?!

Сорвалась на крик, не сдержалась.

Отвернулась тот час же, прошла по грани звезды пятиконечной, успокаиваясь, постояла, клюку сжимая, и не оборачиваясь, спокойно уже сказала:

— Гиблый яр — это лес, охранябушка. Отравленный, больной, нуждающийся в лечении лес. Кто право тебе дал убивать раненного? Кто, маг?

И я развернулась к нему.

Стоял охранябушка с лицом каменным, молча стоял — нечего было сказать ему. Просто нечего.

— Помочь хотел? Расплатиться? Так ты уже помог, охранябушка, уже, понимаешь ты это? Ты меня от знака Ходоков спас! И меня, и лес мой, и чащу Заповедную. А в этом лесу ведунью не спас никто! Никто не предупредил! Никто не помог! Никто из беды не выручил! Отплатить мне хочешь платой не мизерной? Так помоги! С Гиблым яром помоги! Большого мне не требуется. И имя твое знать мне не надобно! Твое это имя. Твое прошлое. Твоя боль, не моя. А теперь на волков моих посмотри, охранябушка, и уж прости, но как их из лесу спасти — тебе придумать придется. У меня сил не осталось.

И рухнула. Прямо в центре звезды нарисованной и рухнула.

Полежала, глядя на звезды, что над Гиблым яром сверкали точно так же, как и над любым другим лесом. И вроде даже думать об этом не хотела, а вот сейчас упорно, ох и упорно лезла страшная мысль — а каково его имя? Почему решил, что возненавижу, коли узнаю? Откуда, такая уверенность? Кто он, раб, которого спасла от смерти страшной, от участи несправедливой?

И хочу ли я знать имя его?

Села, огляделась.

Нежить на поляне поутихла, сжалась даже как-то, в размерах уменьшилась, и в целом, неожиданно, пыталась слиться с обстановкой окружающей. Сразу то я не заметила, сейчас вот призадумалась — охранябушка мечом и огнем по яру прошел, но вот он парадокс — не видела я там столько останков, чтобы утверждать, что бой шел не на жизнь, а на смерть. И так если подумать — мы с волками больше тварей уложили, нежели маг... А еще вдруг подумалось мне — долго нежить к нам сбегалась, бежали долго. Но ведь и до того момента как в яр я вошла они тоже бежали, только я ведь решила что к охранябушке, а сейчас вдруг подумала — если бы к нему бежали, то до нас добрались бы быстрее... А так-то, получается они не к нему мчались... они от него спасались!

— Свет... — прошептала, спуская с ладони огненный шар.

И тот, осветив все вокруг, поднялся надо мной, увеличивая радиус освещения, а я... огляделась я.

Огляделась, и замерло сердце ретивое.

Не было боя здесь — было побоище.

Не было сражения — казнили тут.

И не сражался охранябушка — в жертву приносил.

И с болью вспомнила слова мага: «Ты не знаешь меня, Веся. Ничего обо мне не знаешь. Знала бы — еще тогда, когда даже встать не мог, убила бы без жалости. Ты решение приняла? Поверь, знала бы кто я, изменила бы в тот же миг!»

Его слова в висках бились болью.

Его слова...

Я медленно поднялась, глядя на архимага и чувствуя себя не просто пустым местом, а той кого с грязью смешали. И я увидела все — его потухший взгляд и напряженные плечи. Меч, и где только раздобыл, окровавленный, отброшенный в сторону за ненадобностью, головы тварей, красная кровь ведь только у них и оставалась, от того ее и использовал, и знаки страшные, огненные на самой земле.

Я знала его имя.

Захотела бы — узнала бы раньше. Головой бы думала — узнала бы, едва в Гиблый яр вступила.

Огнем и мечем... огнем и мечом — я же сразу увидела это, сразу определила... жаль, о значении увиденного не подумала.

— Агнехран, — тихо сказала, глядя на того, кто был самым чудовищным, самым жестоким, самым беспощадным из всех ныне существующих магов. — Агнехран — хранящий огонь.

Маг не дрогнул, встретил правду мужественно. Не гордился, нечем было гордиться, но видно было — оправдываться не станет. Не таков он, первый архимаг не королевства — а всего континента. Не таков... Суровый слишком. Жестокий, и слухами о жестокости его земля полнится. Непобедимый... Вот теперь не удивлена я, что опосля нанесения печати магической, он сумел двух архимагов на тот свет отправить. Другой бы не смог — а этот был способен на все.

Агнехран — хранящий огонь.

Огнем он прошел по многим странам, многим жизням, многим ведьмам. От мага простого поднялся так, что перед ним даже короли

голову склоняли, и не столько из уважения, сколько из страха, даже ужаса. И было от чего священный ужас испытывать...

Несколько секунд я стояла, сжимая клюку и тяжело дыша, пыталась выдержать и этот удар. Правду сказал мой «раб» — знала бы кто он, убила бы в тот же день. В тот же миг. В ту же секунду. Убила бы без сожалений и жалости... тогда, но не сейчас. Сколько бы ни было ненависти к архимагу Агнехрану, передо мной мой охранябушка стоял... Мой. Ради меня в Гиблый яр сунувшийся, ради меня себя в жертву принести собирающийся.

«Да как же ты вообще в этом жестоком мире появилась такая?!»...

Он ведь это искренне сказал, и так же искренне пошел умирать... ради меня. Мой охранябушка. Мой гордый, сильный, хозяйственный и такой невероятно ставший близким охранябушка... Я на него смотрела, и я его хоронила...

В своем сердце хоронила.

Тяжело было, больно так, словно могилу голыми руками копала, да... все же выкопала. Потому что нет больше охранябушки, нет и никогда не было. Была одна глупая ведьма Веся, и один почти сломленный архимаг Агнехран, который просто оказался слишком гордым, чтобы быть этой глупой ведьме хоть чем-то обязанным. И который, видимо, не верил, что я смогу снять с него печать.

А я сниму.

Ради Гиблого яра, и в память о моем охранябушке, которого похороню здесь и сейчас.

— Прости, — помертвевшие бледные губы шевелились с трудом, — в мой лес ты не вернешься.

Усмехнулся, так что ясно стало сразу — другого и не ждал. Иного, такому как он, ждать и не следовало.

А я...

— Об одном прошу, — прошептала, глядя в его синие глаза, — волков моих сбереги... пожалуйста.

И ударив клюкой о землю, произнесла всего одно слово:

— Чаща!

Заповедная чаща Гиблого яра явилась мгновенно, будто ждала-верила, что позовут ее вот прямо сейчас, и слушалась меня, словно продолжением моим стала, словно моя собственная, словно все мысли и замысли мои не просто читала — отчетливо видела. И взорвался

контур охранительного круга, вспороли его кусты терновые, снесли кровь пролитую, лишая место маговской магии. Взметнулись лианы, связывая-сковывая архимага, а он и не сопротивлялся даже, видимо решил, что смерть его пришла.

А я не смерть, охранябушка, я не смерть... я хуже.

И упал на землю мой плащ, а тебя уложили на него, и не животом вниз — спиной. От того ты лежал и видел, как подхожу медленно, словно не живая... я и не чувствовала себя живой. Как опускаюсь на колени перед тобой, сжимая побелевшими пальцами верную клюку. Как простираю ладонь над грудью твоей, едва вздымающейся — ты смерти хотел, охранябушка... я не смерть.

И ты это понял.

Ты понял — принимать не хотел.

— Ведьма, вырвать сердце из груди, конечно, оригинальный метод убийства, но у тебя силенок не хватит, — произнес, за насмешкой скрывая истинные чувства. — Веся, возьми кинжал.

Я улыбнулась... хорошая шутка, жаль я теперь знаю, кто ее произнес, и от этого не смешно, от этого горько.

Ладонь ложится на теплую кожу, я закрываю глаза...

— Веся!

Поздно, охранябушка, да и выбора у меня нет. Ты не оставил его ни мне, ни себе. Может и правда стоило тебе сразу имя свое сказать, может тогда все иначе сложилось бы... Хотя, я бы не убила, нет, я себя знаю, убивать бы не стала. И печать сняла бы... вот только цена была бы меньше, а так...

— Веся, нет!!!

Поздно.

И я начинаю шептать тихое:

— «Войди в мой сон,
Войди в мой день,
Войди в сердце мое,
Ты услышишь, как бьется оно».

Хриплый стон, протестующий рык мага, но меня уже не остановить.

— «Я потеряюсь в тебе,
Растворюсь в твоей беде,
Стану как ты обожженной в войне,
Захлебнусь кровью твоей раны!»

И последние слова вырываются с хрипом, с губ капает кровь... моя кровь, а спину прожигает боль, каленным железом адовой магической печати. И от боли темнеет в зажмуренных глазах, заклинание прерывается надсадным кровавым кашлем, но... такова сила ведьм, мы способны забрать чужую боль, втянуть в себя чужое проклятие, мы способны на многое... весь вопрос в цене. А цена нашей силы — наша жизнь.

И меня сотрясает от боли, по спине под платьем льется кровь, и мне хочется кричать, но... когда охранябушке наносили печать, он не кричал... теперь, забирая его увечье себе, я не кричала тоже. Лишь простонала последние слова заклинания:

— «Войди в мой день, войди в мой дом,
Ты не останешься надолго в нем!»

И я распахнула ресницы. По щекам текли слезы, тело ломало жестокой болью, спину жгла чужая печать, а все, что я могла сказать этому высвободившемуся из оков и подхватившему меня магу:

— Ты не оставил мне выбора.

И тьма бережно подхватила меня, унося далеко, на тропинки этого Заповедного леса, забирая боль, от которой было не вздохнуть, лишая переживаний... которые не имели смысла.

Вот и все, нет больше охранябушки, один архимаг Агнехран остался.

* * *

Работы в Гиблом яру было много, слишком много для одной меня, да даже и если лешего на подмогу позвать. Этот Заповедный лес был

огромен! Втрое больше моего, а мой-то за последние годы вырос как, за десять суток на коне не объехать. Да делать нечего, оно как — глаза боятся, а руки делают. Мы с чащей начали с малого — с севера, где нежити было мало, а гниль еще не распространилась, погребая под тленом все живое. И до самой зореньки гнала терновая лоза всех с места, куда по утру, хочешь не хочешь, а лешего пришлю... сама-то едва ли куда дойти смогу в ближайшее то время.

А с первыми петухами, как и договаривались, леший выдернул меня в сосновый бор.

Долго рвал мое платье — хорошо сшила, крепко, на славу, даже лешинька с трудом справился. Потом, правда, не рад был — платье-то кровь не пропускало, а как исподнюю сорочку увидал, так всем досталось, и мне, и магу, и голове моей беспутной, которая ногам покою не дает, а пуще всего самому себе, что отпустил, что не уберег.

— Не могла я иначе, лешинька, он бы яр сжег весь, — прошептала покаянно.

— Силенок бы не хватило! — прорычал леший.

— Хватило бы... в том то и дело — ему хватило бы...

Верный друг порычал сокрушенно да гневно, на руки подхватил, к роднику целебному унес. Где-то по пути я сознание и потеряла.

Но только свое, ведьмовское, а лес жил во мне и не спал никогда.

И пока промывал мои раны леший, я уже по лесу тенью незримой ходила, выбирала, что из ростков пересаживать буду, что оставлю подрасти, что бы еще посадить надо бы.

Потом услышала, как сойка лесная, другой пересказывает, что в крови весь родник лесной. Замерла встревожено?! Как? Неужто кого у водопоя убили? Запрещено же! Сама запретила, так что точно знаю — запрещено.

К роднику метнулась, да и замерла.

Моя это кровь была.

Моя, вся до капельки.

И тек кровавый ручей до самой реки, от того водяной и почуял недоброе, ко мне примчался да и стоял он на коленях рядом с лешим. Леший меня держал, Водя на спину мазь из водорослей наносил, ту, что кровь останавливает... а не останавливалась она. Никак не останавливалась... и то, что дело плохо, совсем плохо, видно было

лишь по кольцам на моих руках — гасли они, камешек за камешком, амулет за амулетом.

А на другом берегу реки, стоял Агнехран. Рядом с ним, по бокам вытянулись верные Сиды и Хоем, значит спас, вывел из яра, просьбу мою выполнил и за то спасибо.

А в лес мой тебе ходу больше нет, архимаг.

«Лешина, волков пусть Вода на наш берег переправит», — попросила мысленно.

«Молчи, Веса, ох молчи... Коли выживешь, сам придущу!» — пообещал друг верный.

Коли выживу...

«Выживу, деваться некуда, нам с тобой еще Гиблый яр восстанавливать».

От чего леший вдруг взрычал, Вода явно не понял. Но просьбу выполнил — волков подхватило волной, да и вынесло на наш берег. Волков, но не мага.

Вот и все, прощай, охранябушка, больше не свидимся.

Прощай.

* * *

Ловушку я ощутила сразу. Едва ступила на порог своей избушки. Остановилась, прислушиваясь к шелесту листвы, к шепоту ветра, к лестной нечисти, собиравшейся явно потешиться, к животине — тоже не собирающейся отказывать себе в удовольствии развлечься, и к охотничкам. Горе охотничкам.

«За третьим поворотом от могучего дуба яму вырыли»... — шептал мне ветер.

«Яды нету, одни сонные зелья», — добавил грибовик, высунувшись из-под пня.

«Скоррррее уже!» — возмущались сороки.

«Нет, помедленнее, мы еще не добежали!» — потребовали белки.

«Почти успеваем!» — сообщили олени.

«Они мои!» — заявила моя чаща зловреднющая.

«На моей территории, значит мои!» — возразила тоже моя чаща, но это была просто злая, вредная и с отличной памятью.

Кошмар наяву — у меня теперь две Заповедные чащи! Две! Только у одной дитяток вволю, а другая со мной из-за этого почти не разговаривает, обиделась она, понимаешь ли. А чего обижаться-то? Ну не могли мы с лесшим спасти деревья, никак не могли. Все силы приложили, грибниц понасеяли, источники чуть ли не вручную отчищали, а не спасли. И теперь часть Гиблого яра была пастбищем. Сначала туда волков послали — те нежить сильно в количестве уменьшили, опосля кабанов и коров. Оленей да косуль хотели, но эти звери пугливые, с тонкой душевной организацией, они мертвяков на дух не переносят. А коровам ничего, им что пьяный хозяин, что ходячий умертвий — все без разницы. Самых мертвяков волки близко к стадам не подпускали, а потом уже и кабаны освоились, так что в Гиблом яру... впрочем мы его Ягодным назвали, приплода появилось много, и яровая чаща от радости плясала. В прямом смысле. На берегу реки. На зло нашей чаще. Вот как народится кто — так и пляшет. Пять детенышей в день народятся — пять раз плясать будет показательно, и не лень же ей. Страшно подумать, что по весне творить начнет, там же все коровы в стадах почти стельные, да и кабанихи недалеко ушли.

— Так ты идешь, или как? — промурлыкал кот Ученый, выходя вслед за мной на ступеньки.

Или как... неохота мне. Слаба еще, хожу с трудом, клюку ношу уже не для амплуа, а скорее как посох использую. Ну да сама виновата, что уж теперь.

Клюкой об пол ударила, быстрой птицей в небо вспорхнула, оттуда в ворона Мудрого перешагнула, и уже его глазами происходящее обозрела. И идти расхотелось вовсе. Охотнички были, это да. С ними ведьмак, тот самый, все еще цветущий ромашковым цветом, а с ним Ингеборг, королевский архимаг. Странно, зачастил что-то.

— Идешь? — спросил кот.

Головой покачала отрицательно, да и позвала мысленно:

«Ярина».

Пришлось им имена дать, раз уж у меня теперь две Заповедные чащи. Из Ягодного яра назвала Яриной, а свою хотела назвать Врединой, но вредничать не стала, нарекла Лесей.

Да только где Ярина, там тут же и Леся явится.

Старая чаща появилась диким кустом, темным, колючим, Леся тут же показательно шагнула из пространства и уселась на ступенях бесячим меня обликом голозадой девицы. И бесит же, и знает о том, но не простила мне зловреднючая запрета на пропуск архимага, так и не простила. Ну и к лешему ее... отправляю все чаще.

— Ярина, возьми мертвяка какого, кого не жалко, мой плащ прихвати, клюку сооруди, да и пусть себе тащится в ловушку, а мне недосуг.

Чаща покорно склонилась, и исчезла выполнять поручение. Леся осталась. На меня поглядела недобро, скользнула было с лестницы, исчезнуть собираясь, и получила мое приказное:

— Сама не лезь.

Остановилась, зыркнула оскорблено, насупилась.

— Не лезь, говорю, — предупредила ее.

Зловредина знала, что не права, Ярина ведь послабее будет, да и яд знака Ходоков несмотря на гибель ведуньи уже отведала в свое время, до сих пор лечим, а вот если Леся вляпается, беды не оберешься. Так что все она знала, но все равно злилась. А еще моду завела — мужиков воровать.

И вот нахромаешься по лесам-то двум Заповедным за день, из последних сил домой ползешь, дверь открываешь, а там — сюрприз! Какой-нибудь здоровенный мужик в углу всем телом трясется, крестится и готов на все, даже первенца своего отдать, только «отпусти, тетенька ведьма».

Чаще моей уж и Силушка Лесная внушение сделала, и леший с ней серьезный разговор имел, а все одно — на размножение она нацелилась. Да не просто так — решила, что если у меня дитяtko появится, то оно быстренько вырастит, лесной ведуньей али ведуном станет, и уйдет нести дозор в Гиблый яр, а уже я тогда вся вот вся полностью ее буду, без каких-то там Ярин. А потому иной раз уж и домой идти не хотелось — ну не хватает у меня сил очередное нытье от очередного перепуганного мужика выслушивать. Сама бы поныла, да некому.

Совсем некому.

Но и сил самой все нести не осталось, решила к водяному сходить.

Сбросила плащ, лапти с ног скинула, во двор спустилась, клюкой оземь ударила да и вышла на скале, встала над рекой, постояла на краю обрыва, улыбнулась ветру, обессилено опустилась на теплый камень. Долго сидеть не смогла, не окрепла еще, от того легла, подставляя лицо теплomu вечернему солнышку, да глаза закрыла.

Водяной меня завсегда почувствует, сейчас придет, долго ждать никогда не приходится. И точно — коснулись ладони пальцы теплые, скользнули до запястья... остановились на браслете обручальном. Снять давно хотела, да леший мой озверел слегка, свой снимать отказался, а мне мой без его не расстегнуть. Так и носим. Водяного это сильно злило.

— Водь, давай не сейчас, — попросила, сжимая его пальцы, переплетая со своими, — посиди со мной рядом, просто посиди. Я сейчас полежу немного, отдышусь и...

И надо бы мост плавучий обсудить, что строим в топях, да только я внезапно поняла — не водяного это рука. Сухая слишком, жилистая. И пальцы не нежные, мне привычные — а стальные, жесткие.

Глаза распахнула в тот же миг.

Рядом со мной не Водя сидел. Совсем не Водя... рядом со мной был маг. Архимаг. Рубашка и брюки на нем были черные, да цвет слишком темный для ткани, не простая видимо ткань. Синий камзол с черной кожаной оторочкой. Черные волосы в низкий хвост собраны. Синие глаза на смуглом лице сапфирами сияют, и ресницы черные, такие черные, что казалось глаза углем подвел, как прочие маги, но нет — этому магу сурьма была без надобности, и так страшен. Страшнее кошмара полуночного!

Молча пальцы высвободила. Маг отпустил мою ладонь словно с сожалением. В глаза мои посмотрел. Молча села, да и не сдержалась — отодвинулась. Могла бы, так и вовсе исчезла с места этого, да только маг неудачно подошел и сидел теперь на теплой скале, аккуратно между мной и клюкой. И я бы призвала ее, мигом бы призвала... но я теперь знала кто он, понимала и возможности его — перехватит. Прямо в воздухе он мою клюку и перехватит. Не стоило мне из лесу Заповедного выходить, ох и не стоило.

— Неужто я так страшен, ведьма? — с горькой усмешкой спросил мой бывший раб.

Страшен. Знаешь ведь. Зачем попусту спрашивать?

Очень страшен.

Да только если ближе к краю пододвинуться да прыгнуть с обрыва — Водя поймает, точно знаю, что поймает. И уж было аккуратно, незаметно даже, ближе к краю подвинулась, да только заметил маг.

Усмехнулся криво, уже не горько, ожесточенно скорее, и сообщил:

— Водяной не успеет — я первый поймаю.

А чтоб тебя!

Села ровнее, колени к подбородку подтянула, обняла, да и посмотрела поверх реки на другой берег. Там крепость строили. Давно уже, лет двадцать, не меньше, аккуратно после того, как отступил с тех скалистых мест яр Гиблый строительство и начали. Да не завершат. Лес теперь мой, скверну где лечим, где изгоняем, где к делу приспособливаем — года не минет, как крепость недостроенная от всех путей будет отрезана напрочь.

— Веся... — тихий голос.

Голос тихий, а вот мысли оглушают!

Уходи... уходи... уходи! Я тебе уже ничего не сделаю, а ты меня одним заклинанием уничтожить можешь! Уходи, архимаг, страшно мне подле тебя, правда страшно.

— Так много хотел сказать тебе, — маг сидел напряженный, казалось ветка где хрустнет и взовьется как удав, как змей, как стрела спущенная тетивой. — Так много слов заготовил... А теперь вижу, пустое это.

Пустее не бывает, архимаг, уж поверь мне, я-то знаю.

— Веся, — ожесточился Агнехран, руки могучие в кулаки сжались, — я не могу так. Любую цену назови, проси чего хочешь, все исполню, я...

— Уходи! — все так же глядя на реку, и ни разу не взглянув на него, тихо сказала я.

Промолчал.

А я не стала.

— Ты сказал «любую цену назови», сказал «проси чего хочешь, все исполню». Так вот тебе мое желание и моя цена — уходи, архимаг.

Уходи и никогда не возвращайся. О большем не прошу. О меньшем тоже.

Промолчал.

Снова промолчал.

Кулаки сжал с силой такой, что побелели.

А чего ждать от злого мага я знала — ничего хорошего. Значит убираться нужно, и быстро.

И я рискнула.

«Чаща!» — почти инстинктивный зов.

Кто ж знал, что появятся обе!

Да не одни заявятся.

Ярина слева, аккуратно возле архимага, и не с пустыми ветвями — в них мычал и бился ходок, в шляпе моей, да плаще устрашающем. А справа возникла моя зловреднющая поганка, вид она сохраняла человеческообразный, а на руках у нее имелся гарный парубок. Парубок был метров двух росту, широкоплечий, румяный, вихрастый, мужественный... Ну наверное когда-то такой и был, а теперь, прижатый к деревянным грудям чащи дрожал, аки студень в летнюю жару, молиться пытался, и подвывал «Отпустите, тетенька лесная дева, отпустите, больше не буду».

И чаща моя, остолбенев от вида архимага в очень даже угрожающей мне близости, парнягу отпустила тут же. Деревенский увалень, не будь дураком, сходу осознал что пора тикать, и задал стрекоча сначала по скале, а там, разбежавшись-то, как прыгнет!

У меня аж сердце замерло!

А внизу раздался голос басовитый, уверенный:

— Поймал!

А потом такой же басовитый, но уже не очень уверенный:

— Веся, ты ли это?

— Аааа! — заорал несчастный парень. — Помогите!

А мне от чего-то так стыдно вдруг стало.

— Ярина, будь так добра, заведи несчастного.

Чаща Гиблого яра была старая, от того опытная и умелая — метнулась змеей темная лиана, подняла за ногу из реки орущего парубка, затащила к себе и спеленала лианами, собираясь перенестись с двумя ношами сразу. Одного не учла — своими же лианами она держала мертвое.

— Аааааа! — уже на какой-то одной, но очень безнадёжной ноте, завыл несчастный молодец.

— Ыыыда! — между тем обрадовался мертвяк.

Стыдоба-то какая.

Но стыд ничуть не помешал мне вскочить, чтобы тоже стрекоча задать, только уже по направлению к моей чаше, но тут подвела меня силушка. Моя собственная и подвела. Слишком резко вскочила, слишком поспешно, за то и поплатилась — слаба ж ещё совсем, вот и накатила тьма звенящая, пошатнулась я, и тут же ухватили руки сильные, жилистые. В нос ударил запах мужских духов и почему-то мятые, голова закружилась изуверски просто.

— Веся! — хриплый голос посреди звенящего роя.

Дура я дура, надо было сразу лешего звать. Одно радует — и сейчас не поздно.

«Леший!!!» — мысленный крик, разорвавший звенящую тишину.

Рывок, какая-то невероятная попытка архимага удержать вопреки всему, но у лешего второй браслет, и через оглушительный миг запах духов сменился ароматом сосен, теплые руки крепкими лапами лешего, дикий ужас ощущение абсолютного спокойствия. Я в безопасности. Я дома.

Дома...

* * *

Клюку чаща принесла, когда мне леший грибы над костром во все том же сосновом бору жарил. Постояла, смущенно поковыряла носком землю, из ветвей надпись сложила: «Больше никаких парубков».

— И мужиков нам тоже не нать! — пользуясь случаем, потребовала я.

— И архимагов особенно, — вставил леший.

Но это был упрек уже скорее в мою сторону.

И не поспоришь ведь, прав леший.

Поднялась с трудом, отошла к сосне самой высокой, самой сильной в бору, легла наземь, в комочек сжалась. Семь суток миновало с той страшной ночи, семь дней... а слабость глохнет изнутри, точит

как червь, сил лишает. Я сберегла Гиблый яр, сберегла мага, мир сберегла — себя не сумела.

Ведьмы могут многое, очень многое... вопрос лишь в цене. И будь я только ведьмой, ценой снятия печати стала бы моя жизнь, но я ведунья, я леса хозяйка, лес моя сила, лес моя защита, лес мне дом родной. Лес меня и спас.

Почти спас.

— Веся, поесть бы тебе, — сказал леший.

А я только спать хочу. Мне во сне радостно и спокойно, я во сне полновластная леса хозяйка, незримой тенью по лесу брожу, легко, невесомо, и боли нет.

— Спать хочу, лешинька, — ответила шепотом.

Спать.

И скользнув в сон ведуньи лесной, я шагнула за реку, вошла в Гиблый яр уверенно. Во сне можно, наяву — опасно слишком. На моей стороне сейчас была чаща Заповедная этого леса, но не сам лес. Его еще нужно было лечить, долго и трудно, и бороться за него еще стоило тоже. Мы пока от скверны четверть северную освободили, на большее нет сил ни у меня ни у Ярины... силы появятся, знаю, что появятся, но пока держит оборону водяной по границе реки, несут службу волки, и во главе новой стаи Сиды и Хоен, кабаны в схватку вступили — справимся.

Потерпеть только надо, еще потерпеть — лес он все лечит, и меня вылечит. Со спины шрамы уже сошли почти, да в груди боль не утихает. Жжет, словно каленое железо спину прожгло, до сердца добирается, силы точит, разума лишает...

Да не сожалею я о содеянном.

Не было у меня выбора. Не было. Это даже Силушка Лесная признала, и леший признал, и кот Ученый, и ворон Мудрый, и домовый тоже. Выбора не было, осталось как-то... выжить.

* * *

В бору сосновом леший спать меня не оставил — в избу отнес. Водой отпоил, да сам со мной не остался. Дел было много. Слишком

много, чтобы отдыхать. И потому я шагала незримо по лесу во сне, а леший уверенной поступью за мной и наяву.

Это и уберегло, что вместе шли!

Как она появилась — мне не ведомо!

Как возникла?! Откуда пришла?! Да только явилась вдруг прежняя Гиблого яра ведунья и явилась нежитью! Нежитью, что возникла прямо на пути лешего, мерзко скалясь гнилыми зубами, и уж клюку занесла для удара оземь.

Не поспела!

Я быстрее была, и не силой лесной действовала — браслет мой обручальный на лешем все еще был, за него и вытянула!

Леший грохнулся посреди избы моей. Голову повернул со скрипом, на меня посмотрел с ужасом, а я на него с не меньшим!

Но жутенько мне стало не тогда, страх накатил, едва леший хрипло сказал:

— Это не прежняя хозяйка Гиблого яра, Веся. Это моя хозяйка. Моя. Из Соснового яра ведунья.

И это оказалась лишь первая из страшных новостей.

Ярина была показательно-вежливой чашей при мне. Это Лесе она рожи корчила и танцы торжественные устраивала, при мне вела себя чинно да примерно — даже в двери стучалась.

— Войди, — приказала я.

Чаша скользнула девой с волосьями до самого пола, протянула лиану ко мне, коснулась моего виска и узрела я жуткое: Мертвяка, что в плащ мой да шляпу обрядили, в храм все-таки приволокли. Самой чаще туда ходу не было, но Ярина оказалась находчивая — залезла на дерево, и оттуда все подглядела. Мертвяка выдали замуж. За среднего сына барона. На торжестве сам Ингеборг присутствовал, от чего-то в одежде скромной, да и себя скрывал тихарился, под купца обрядился, с шеи амулет опознавательный снял. Странно это. Последний королевский архимаг, к принцу приставленный, королем обласканный... что случилось то с ним? Сие мне было неизвестно, да и узнавать не хотелось, а только боюсь, придется и в этом разобраться.

Зато дальнейшие события порадовали — внука спасла Ульгерда. Самой ведьме в храм ходу не было, но разъяренной ведьме такая мелочь не помеха. Распахнулись двери храмовы. От порыва ветра все свечи потухли вмиг! А Ульгерда прошипела яростно: «Мирон, внучек,

ступай-ка сюда!». Баронов средний сын только рад был подчиниться — рванул от алтаря, как от пожара, на улицу выбег да и спрятался за бабкиной спиной. Потешно смотрелось — Ульгерда ведьма крепкая, рослая, да только внуки у нее как на подбор — все здоровенные, плечистые, могучие. От того на их фоне ведьма казалась... скромной персоной. Но только на фоне, а так и росту и достоинству Ульгерде было не занимать.

«Это что же тут делается? Моего внука, да на мертвяке женить?»

В храме тишина повисла мертвая.

А Мирон не постеснялся сообщить ведьме:

«Бабуль, они мне божились, что после первого поцелуя, мертвяк обернется девой красоты невиданной».

«Да?! — вконец разъярилась Ульгерда. — А коли так, от чего бы им самим лобызание то волшебственное не опробовать?! С кого начнем? С тебя, архимаг?!»

Ульгерду уволокла Ярина. С одной стороны спасибо ей, уберегла, взбешенная ведьма может противник и страшный, да только Ингеборд посильнее ее будет, мне это ведомо... А откуда сие ведомо чаще Гиблого яра, это уже вопрос.

А третью недобрую весть принес Мудрый ворон. Просила я его отправить сокола в Ясеновый Лес, разведать от чего, он заповедным быть перестал, куда хозяйка леса делась, и вот возвратился он. А только ответов не принес. Ясеновый лес стоял, как стоял бы любой другой лес... простой, не волшебный. Паслись там олени, волки по кустам шныряли, куницы за бельчатами охотились, зайцы траву косили — мирная картина, и не заподозришь ничего. Вот только изба лесной ведуньи гниет одиноко, да не сгнила еще, так что приметили мы и дверь, что висела на одной петле, словно не открыли ее — выломали, и зеркало внутри избы разбитое и... серебряное блюдо в кустах у гниющей поленницы.

— Что же это? — не сдержалась от возгласа. — Это что же такое? Это, выходит, ведунья на помощь позвать хотела, а не дали ей?

Друзья мои верные молчали тягостно. Всем не по себе было, то что беда пришла — все поняли. Да только они в этом деле советчики, а решение мне принимать и распоряжения отдавать тоже мне.

— Мудрый ворон, поблагодари от меня сокола, да если есть у него просьба ко мне, все выполняю.

— Нету просьбы, хозяйка, — сдержанно ответил ворон. — Сокол тот, помнишь, я говорил тебе, в Ясеновый лес перебраться хотел, да передумал.

Передумал, значит... А потом и я вдруг поняла вещь одну — Ясеновый Лес пал года полтора назад, я об том и не сразу узнала, мы, лесные ведуньи, живем изолированно, своим лесом заняты, об чужом узнавать некогда. Но вот что странно — лес недавно пал, а избушка прогнила так, словно ей уже две сотни лет!

— Недобрые дела деются, ох и недобрые, — простонала потрясенно. — Ярина, самой мне ходу из лесу нет, передай просьбу мою Ульгерде, если не побоится, жду ее. Очень жду.

Чаша Гиблого яра поклонилась, да и исчезла. Моя чаша возникла тут же, восстала, руки ветвистые на груди сложила непримиримо, на меня глядит обиженно, губы сжала негодующе.

— Напрасно злишься, — укорила ее. — Беда в Ягодном бору, лешего я едва уберегла. Ступай к водяному, мост сдвиньте до самой излучины реки, да всех зверей моих переправить обратно в мой лес.

Леся просияла, цветами распустилась, поклонилась да и помчалась исполнять, а мне на душе горько было — Ярина на все пошла, только бы лес ее я к жизни вернула, а теперь получается... словно предала ее. И ведь решение разумное, зверей защитить я обязана, а тошно на душе.

Последней неприятной вестью стало то, что Ульгерда в мой лес войти не рискнула, прислала Ярину с серебряным блюдцем да яблоком.

Не доверяет мне ведьма, значит.

Не доверяет больше.

* * *

Яблоко по блюдцу серебряному пустила поутру. Ночь страшная вышла, изматывающая — зверей спасали с боем. Как хозяйка Соснового яра оказалась в Гиблом яру мне неизвестно, да только и после смерти оставалась она ведуньей лесной, и клюка ее тоже была с силою. А потому нежить всю к рукам прибрала быстро, и удар нанесла сокрушительный. Ярина сражалась отчаянно, за каждый шаг, за

каждую пядь едва засеянной земли, Лесю я в бой не пустила — коли заразится моя чаща Заповедная гнилью скверны, тогда беда страшнее этой придет. Зловредная негодovala, но приказ есть приказ, послушаться не посмела. И мы понесли потери. Со мной в Гиблый яр больше полусотни волков отправилось, вернулись двое... и этим двоим, Сиде и Хоену пришлось встретиться мордой к морде с восставшими сотоварищами. Усиленными мной, защищенными, ставшими почти неуязвимыми сотоварищами. Сиды была ранена, Хоен чуть не пал — Леся вытащила в последний момент. поголовье коров сократилось вдвое. поголовье кабанов... только самки с детенышами остались. И те лишь одним спаслись — в бой вступили кикиморы.

К утру все было кончено.

Мост уничтожен, Ярина, чуть живая, изломанным кустом на дворе свалилась, Леся стояла растерянная, потрясенная, поникшая. Со злом, таким злом — беспощадным и жестоким, она столкнулась впервые. Потом опомнилась, кинулась к Ярине, засуетилась вокруг нее, отчаянно мне выхаживать несчастную помогала. Спасли.

И вот теперь я сидела за столом сгорбленно, мешала чай дрожащей рукой, и ждала, пока ответит Ульгерда.

Ждать пришлось долго.

А когда ответ засияло блюдец, я чуть свой чай не опрокинула — Ульгерда была не в доме зятя, и не в своей избе за чертой города, и даже не близ города — ведьма находилась на Ведьминской горе. Оттуда, из пещеры, в каких доживали свой век иные дорого за ошибки заплатившие, старые ведьмы, устало поглядела на меня ведьма, тихо повинилась:

— Прости меня, Веся, да только времена настали смутные, и врагов опасешься и друзей. Но вижу, ты не умертвие, уже легче.

«Легче»?

Я в таком состоянии, что готова быть от отчаяния, как в ситуации такой может стать «легче»?

— Как ты, девонька? — спросила Ульгерда.

Тяжело мне, больно, гневно, тягостно...

— Плохо, — тихо ответила ведьме.

Та кивнула, самой было не весело, да только нашла в себе силы, и о происходящем мне поведала:

— Над Славастеной и Изяславой суд был. Правда вскрылась страшная. Славастена ведьмою не была, никогда не была, за себя молодую ведьму на испытания выставила, да жизни лишила опосля, силу ее себе присвоив. Изяслава силу отдала сыну, и факт этот скрыла. Обоих ведьм подвергли бы изгнанию, да что-то вдруг изменилось у них. Сперва Изяслава, за ней Славастена, в ноги Верховным кинулись, просили любое наказание назначить, только не изгонять. Особливо Славастена молила. И на все согласилась, все поведала, любое содействие оказать возжелала. От чего так — вскрылось вскорости. Архимаг есть, Агнехран, слышала о таком?

Сердце при имени том вздрогнула, да все же удержала я эмоции, кивнула, тихо ответила:

— А кто не слышал?

— Твоя правда, — согласилась Ульгерда.

Помолчала, да и поведала.

— Сильный маг, из простых выбился, из самых низов. Императору правой рукой был, от того и переговоры вел, дипломатические. С тем и к королю нашему Казимиру явился... Явился, да и пропал. Он пропал, и два архимага королевских вдруг тоже пропали. Император континента сильно гневался, своих магов на поиск прислал, одного из них видела ты — Заратарн эльн Тарг, тот что на базаре тебе повстречался, на свою беду. Да только не нашли Агнехрана. Столицу прочесали вдоль и поперек, по городам да весям шастали, и не нашли. А тут вдруг, вот те чудо, объявился. К королю пришел, сам. Стражу придворную раскидал не глядя, а короля Казимира, нашего, порталом вышвырнул к императору. Тот уж и суд провел, и казнить успел. На престол королевский назначил Яромира, старшего сына Казимира. Да на том дело не успокоилось — Тиромир, сын Славастены, и отец его, Ингеборг, в бега кинулись.

Я сидела ни жива, ни мертва.

Чай помешивать перестала — руки дрожали.

А Ульгерда продолжила:

— Да только на том дело не кончилось, Веся, к себе в империю Агнехран не вернулся, здесь остался. Своих магов собрал, патрули в каждый Заповедный лес отправил. И вскрылось страшное... Знаешь ли ты, сколько их осталось, Лесов Заповедных, Веся?

Знаю.

— Один, — тихо сказала Ульгерда. — Один лес и остался, Весея. Твой.

— Это в нашем королевстве, — выговорила с трудом. — А за рекой только Гиблый яр пострадал и...

— ТВОЙ, ВЕСЕЯ! — криком оборвала меня ведьма. — На все королевство! На всю империю! На весь континент наш! ТОЛЬКО ТВОЙ ЛЕС!

Не ведаю как, но упала чашка моя, пролился на пол чай не выпитый. Оторопела я.

— Как? — прошептала едва слышно.

Ульгерда лицо ладонями закрыла, так что только кончик носа ее зеленого и виден был. Посидела, успокаиваясь, вновь на меня посмотрела и сказала:

— Не только ведуньи пострадали, Весея. Совет Верховных клич кинул, да и вышло так, что... не досчитались мы многих. Очень многих... Что делать, еще не ведаем. Совет принял решение о глухой обороне. Вылеты с горы поодиночке запрещены. Вся подвластная нечисть стягивается к горе. Из сундуков ужасающие, забытые амулеты достаются. А самое страшное в том, Весея, что враг нам неведом. Не знаем мы его, не ведаем. Да только по всему выходит, затесался он в наши ряды, подобрался близко, так близко, что ходить надобно бы даже среди своих с оглядкою.

И это ведьмы...

— От чего с оглядкою? — спросила шепотом.

А сердце уже знало ответ, сердце его чувствовало.

— Потому что двух ведьм гора не пустила, — прошептала Ульгерда, с болью, с тоской на меня глядя. — Знала я их, уже лет двести как знала, сильные ведьмы были, да поплатились, как и я в свое время, от того и кожа зеленая, и глаза желтизной отдают... Мертвяками они оказались, Весея, обе мертвяками. Да не простыми — все сохранилось, ум, знания, сила... жизни только не было. И я их за своих признала без мыслей сомнительных, и беды в них не увидела... а была беда, Весея. Была.

Что сказать? Что тут вообще сказать-то можно?

— Береги себя, Ульгерда, — прошептала я, связь прерывая.

И осталась сидеть, понуро глядя в потемневшее серебряное блюдо. Сил не было. Ни на что уже не было. Домовой и чаю подлил,

взамен пролитого, и пол вытер, и даже ягоды попытался подсунуть, да не до еды мне. Ни до чего уже. Если ведьмы в глухую оборону ушли — значит и мне придется. Чашу звать, лес изолировать, меры предпринимать. А еще как-то в глаза Ярине посмотреть, ведь придется, придется, как ни крути, правду ей сказать. Не потяну я Гиблый яр, не сумею, тут бы свой сберечь, и то не ведаю как.

И вдруг яблочко наливное, само к блюдцу подскочило, да закрутилось-завертелось быстрехонько, я и сделать ничего не успела, как на меня взглянули глаза синие.

И архимаг спросил с усталой усмешкой:

— А так ты меня не боишься, Веся?

Я застыла. Домовой, что собирался в печку юркнуть застыл тоже. А опосля опомнился, подошел осторожненько, да и отобрал у меня чашку с чаем горячим, видать, чтобы не разлила, на себя-то.

— Здравствуй, Тимохий, — произнес маг, кивнув домовому. — Как она?

Домовой мой, затылок почесал, плечами пожал да и ответил:

— А не жрет ничего, на глазах тает как снег. Отлежаться бы ей, да кто ж слушает. Леший ей не указ, я не указ, Лесная сила явилась, на эту под сосной стонущую поглядела, да и убралась восвояси, даже слова не сказала. А так все хорошо, благодарствуем за заботу.

— Пошел вон! — как-то не слишком вежливо, высказала я.

Глянув на меня, домовой скорбно добавил:

— А еще вот, совсем с нервами не порядок.

Вздохнул и вот после этого театрально нас покинул! И даже дверь за собой прикрыл. А та и не скрипнула. После охранябушки здесь уже вообще почти ничего не скрипит, ну да не суть. Тот, кто смотрел на меня сейчас по ту сторону серебряного блюда охранябушкой не был, он был архимагом, и даже не королевским — императорским. И рука сама потянулась, забрать яблочко наливное, и прервать связь, да только...

— Не нужно, пожалуйста, — вдруг попросил, именно попросил, архимаг.

Ладонь бессильно упала на стол, пальцы смяли ткань скатерти, нервы... ох, и прав домовой, с нервами точно не порядок у меня.

— У меня много вопросов, — после недолгого молчания произнес Агнехран, — но задам максимально актуальный — что произошло

вчера ночью в Гнилом яре?

Я вздохнула, посмотрела в окно — там лежала Ярина, Леся бегала, отпаивала ее водой ключевой, леший состояние контролировал. Сейчас чаю выпью, и пойду... отдавать ей силы, которых у самой нет.

— Там появилась хозяйка Соснового яра, прежняя ведунья моего лешего, — слова, давались мне с трудом, словно не речь говорю — мешки тяжелые ворожаю. — И живой она не была, но наполненной силы — да. Лешего я выдернула, успела, сама не ведаю как — но успела. А что потом было, о том говорить... тяжело мне.

Сглотнула ком в горле, сдержала слезы, и отрешенно сообщила:

— Была бойня.

И больше вымолвить ничего не сумела. Больно. Лес-то он вылечит, да и время лечит все, но сейчас, именно сейчас — так больно.

— И что делать собираешься? — спросил маг.

Глянула на него раздраженно, да безрадостно. Он вроде вежливо спрашивал, участливо, с почтением... а только все больше на допрос смахивает!

— Жить, — ответила, глядя на бывшего раба... в котором теперь раба не заподозрил бы никто — слишком властный взгляд, слишком уверенная осанка, — сражаться, бороться, не сдаваться. Маг, я — ведьма. Что бы ни случилось, я верю, что все закончится хорошо и справедливо.

И тут архимаг вдруг произнес:

— Ты не ведьма, ты — Веся, поверь, разница существенна, ну да не будем об этом сейчас. В Гнилом яру на данный момент не одна лесная хозяйка — мы засекли уже четырех. Все — умертвия. Более того — установлено, что сейчас вся нежить стягивается в пределы яра. Что скажешь?

Что тут скажешь?!

Я лишь порадовалась тому, что домовый забрал чашку с горячим чаем, но вот воды выпить стало жизненной необходимостью. Я подскочила, вышла из избы, сбегала по ступеням вниз, захватила ковшик и несколько секунд стояла у бочки с родниковой водой, делая глоток за глотком. Затем подошла к Ярине — меньше всего она была сейчас похожа на Заповедную чащу, больше на куст терновника, что ссохся и почти нежизнеспособен. И вот именно ей, пребывающей в таком состоянии, мне и пришлось сказать:

— Умирать нет времени, чаща. У нас в Гиблом яре не одно — четыре умертвия лесных ведуний. Это большая сила, Ярина. Так что соберись, война впереди не на жизнь, а на смерть.

И я вернулась в дом.

Прошла обратно, села за стол, перелила себе воду из кувшина в стакан и спросила у архимага:

— Что-то еще?

Маг выразительно посмотрел на мои руки, проследив за его взглядом, поняла, что дрожат мои руки самым предательским образом. Молча сложила их на груди, мрачно посмотрела на Агнехрана. Тот почему-то смотрел все так же на руки. Потом поднял взгляд, посмотрел в мои глаза и сказал:

— У меня вопрос к тебе, Веся.

— Спрашивай, коли так надобно, — бросила невежливо.

Архимаг если и обиделся, то виду не подал, и действительно задал вопрос:

— Что делает лесную ведунью сильной?

Хороший вопрос задал.

Я посидела. Подумала. Призадуматься крепко пришлось. Затем посмотрела на мага и сказала:

— Леший.

— Леший? — переспросил бывший охранябушка, и не то чтобы с недоверием — потрясенно переспросил.

— Да, леший, — уже изрядное время побыв лесной ведуньей я знала это точно. — Леший правая рука любой ведуньи, леший — первый помощник и друг. Леший возвернет к жизни, если потребуется. Леший знает лес лучше лесной ведуньи. Леший это опора. Заповедный лес — подведомственная территория, Заповедная чаща — клыки и когти, а вот леший — всему опора.

Агнехран тяжело вздохнул, сцепил пальцы под подбородком, посидел, задумчиво, затем спросил:

— А что, если эти давно отжившие свое ведуньи, получают лешего? К примеру, твоего?

Я могла бы сказать, что ни в жись не отдам им своего лешего, но, если смотреть на проблему объективно:

— Тогда мне конец, — признаваться в этом было сложно, но это было фактом.

Заповедный лес огромная территория, он требует много внимания, много помощи. Это обычный лес функционирует сам, а в заповедном нечисть — она природный баланс нарушает, так что восстановление его, удержание, внедрение — моя задача. Да только один в поле не воин — без лешего я спала... я почти вообще не спала.

А вот с лешим дело пошло совсем иначе. Леший — это всему лесу голова. Лешему сон не надобен. У лешего опыт есть.

— Еще вопрос, — произнес архимаг, на том конце серебряного блюда, — твой леший он... неполноценный, так?

Я уж хотела было сказать, про неполноценность все что думаю, но маг поспешил развить тему:

— Веся, я имел ввиду, что иные лешие способны оборачиваться и диким зверем, и человеком. А так же обладают умением создавать подземные пути, для защиты нежити, и ее безопасного перехода на защищенную территорию Заповедного леса. Но твой леший... он ведь не способен, так?

Он говорил спокойно и серьезно, смотрел открыто и внимательно, был собран и деловит, и вопросы задавал правильно, я умом понимала, что правильно.

Только каждый вопрос как ножом по сердцу.

— У меня хороший леший, лорд Агнехран, — холодно сказала я. — Лучший. Как минимум потому, что мой Заповедный лес вот он, стоит крепко. И я при лешем своем в догляде да сохранности.

Маг смотрел на меня несколько мгновений, затем произнес:

— Я не хотел обидеть тебя, Веся.

— «Ведьма», — поправила я архимага.

А тот обидеть действительно не хотел, опасался он, обоснованно опасался, что еще слово — и прервется наша связь одним моим движением. А ему, пусть даже и архимагу, в мой лес не войти. Никому не войти. Да и игры все с ловушками отныне прекращены будут — мой лес переходит на осадное положение, как и Ведьмина гора. Иногда лучше так, чем видеть, как умирают твои волки, как лежит едва живая во дворе твоя чаща, чем терять близких.

Маг продолжал смотреть на меня, мне же хотелось укрыться от этого взгляда и оплакать тех, кого я сегодня потеряла... слишком многих.

— Могу я задать последний вопрос? — тихо спросил архимаг.

Я кивнула, глядя в окно.

И продолжала глядеть туда же, когда маг спросил:

— А что ты думаешь обо мне, Веся?

Резко повернув голову, посмотрела на него. Думала ли я о нем? Думала. Много о чем думала. Очень много. Почему-то, несмотря ни на что, я чувствовала себя обманутой. Обманутой и обездоленной — мне до слез было жалко тех волков, которые жизнь свою положили ради спасения этого... мага. Мне было жаль их, гораздо больше, чем тех ран, которые в этом сражении получила я.

Но господин архимаг спрашивает... Почему бы не ответить?!

— Я думаю, — села ровнее, — что тебя подставил Заратарн эльн Тарг.

Агнехран недоуменно бровь изогнул.

Не понимает, да? Что ж, я тоже не поняла бы, не поделись водяной своими видениями, а так — я оказалась на шаг впереди всего этого кошмара. И да — глупой я не была.

— Отчего исчезли чародеи, охранябушка? — спросила по старой памяти, тут же отругала себя мысленно, ну да слово не воробей, не поймает.

Маг улыбнулся своему прозвищу и ответил задумчиво, вспоминая события лет давних:

— Недостаток чародейской магии — они зависят от центра силы. По сути, они проводники... были проводниками. Это их и уничтожило — более двухсот лет назад, произошло восстание в башне чародеек, я слышал у кого-то из посвящаемых сдали нервы. Итогом стало разрушение центров силы, как чародеев, так и чародеек.

И вот едва Агнехарн это произнес, взгляд его помрачнел тут же.

Несколько секунд, маг смотрел на меня, затем хрипло спросил:

— Места уничтоженных башен находятся на твоих территориях, да?

Умный, даже приятно стало.

— Частично на моей, — не стала отпираться, — это мужской корпус, частично в реке, а она территория водяного.

Охранябушка напрягся, сопоставляя что знал, с тем, что имел, и хрипло спросил:

— А если разом обескровить и Гиблый яр и твой Заповедный лес, что станет с водяным?

Пожав плечами, устало ответила:

— Он станет уязвим.

Шумно выдохнув, Агнехран задал новый вопрос:

— Почему Заратарн эльн Тарг?

И не дожидаясь ответа, быстро пояснил причины, по которым доверяет ему:

— Заратарн был мне другом всегда, остается им и сейчас. Он шел по следу, когда меня сделали рабом, и почти догнал. Он в свое время вытащил меня, отравленного и израненного с территории Гиблого яра. Он...

— Чародей, — перебила я. — Он чародей. Единственный, кто выжил из тех, что жили в чародейской крепости. Просто чудом не дошел до нее, и остался на берегу реки, когда скала обрушилась вниз. Я видела его в воспоминаниях водяного, и ошибки быть не может — это один и тот же человек. Хочешь верь, хочешь не верь, и продолжай считать его другом своим. Но проклятие на твоей спине, то, что ослабило тебя и позволило подвергнуть клеймению, было чародейским. Это ты видел сам. Ты говоришь, он вытянул тебя из Гиблого яра? Наверное, тогда ты был изранен и измучен, а может и без сознания... Самое то, чтобы ты не обратил внимание, на едва ощутимый укол, ведь проклятие нанесено было точечно, и это ты тоже знаешь.

Он знал.

Он все понял.

Помолчал, принимая новый жизненный удар, затем тихо сказал:

— Спасибо тебе, Веся.

— Ведьма, — поправила непререкаемо.

Посмотрел на меня, в синих глазах такая печаль, что и не передать, только вот смотришь, и у самой сердце сжимается, и произнес:

— Я виноват перед тобой. Страшно виноват. Я...

Протянула руку и молча убрала яблочко наливное от блюда, связь разрывая.

Да, ты виноват. Ты виноват, маг, и твою вину ничем не искупить. Я ведь просила. Я объяснила. Я говорила. А ты ушел, решив побережь меня, и уничтожить себя заодно с Гиблым яром. Не желал должным быть?

За твою гордость, архимаг, заплатили я и мои волки!

Призывно и требовательно звенело блюдце серебряное, но, не отпуская, крепко в ладони сжимала наливное яблочко я. Не отпущу. Не отвечу. Кончен наш разговор, маг, кончено и общенье. Оно как — будь ты хоть сто раз архимаг, а в мой лес Заповедный ходу тебе нет, тут я хозяйка, тут каждый куст на моей стороне.

Молча взяла покрывало с постели, вышла во двор, движением руки призвала клюку и голосом позвала:

— Лешинька.

Верный друг ни о чем не спрашивал и вопросов болезненных не задавал. Молча подхватил Ярину да и шагнул вслед за мной по заповедной траве.

* * *

Шли далеко — в дальний сосновый бор, в ближний я уж идти не хотела, и так много силы у него забрала.

Леся следом примчалась, с ведром воды да ковшом, но не требовалось — тут был источник, в него леший Ярину и опустил.

Я устроилась рядом под самой могучей сосной — та скучала, а потому силой делиться начала сразу, мне же предстоял совет военный.

Леший и Леся уже и так были здесь, по зову моему появился Водя, слетел с неба Мудрый ворон, пришел Ученый кот, домовый-предатель, заискивающе протиснулся между лешим и водяным, протянул мне банку малинового варенья да ложку серебряную. Не стала отказываться — силы были нужны.

— И-так, друзья-сотоварищи, — произнесла я, оглядев присутствующих — даже Ярина подогнала лиану с листочком, готовая внимать. — Дела у нас плохи, но не безнадежны.

Друзья-товарищи покивали, соглашаясь.

— Что мы имеем, — продолжила я. — Первое — союзников у нас нет.

Все пригорюнились.

— И это плюс! — обнадежила нечисть. — Переговоры вести не нужно, согласовывать действия, подстраиваться. Будем работать сами, так эффективнее.

Согласны со мной не были, короче вообще никто не согласился, домой так вообще глаза рукой прикрыл, и прошептал что-то явно нелицеприятное, за что тут же получил затрещину от лешего. Но все сделали вид, что ничего не было.

— Далее, — продолжила я, — у нас есть Заповедная чаща, частично зараженная скверной и отравленная ядом умертвий.

Ярина, прислушивающаяся к нам одним листочком, этим же листочком и поникла.

— И это здорово! — с еще большим энтузиазмом заверила я. — Ярина, ты же у нас теперь Заповедная чаща с иммунитетом к скверне, магии, различным знакам Ходоков и прочей пакости.

Потрясенная чаща приподнялась из ручья, лицом из ветвей удивленно на меня поглядела.

— Иии-тааак, — я взяла прутик, потянулась, и нарисовала круг, как бы символизирующий мой лес.

Вообще лес круглым не был, он был скорее по форме как сильно вытянутая в длину гроздь винограда, но какая разница.

В круге первом, я нарисовала круг второй.

— Ярина, — берешь на себя оборону внешнего круга, — чаща встрепенулась, мигом метнулась от ручья к нам ближе. — Гиблый яр ты сумела изолировать даже без поддержки и держала оборону много лет, значит, справишься и здесь. Твоя задача держать на расстоянии всех, абсолютно всех.

— Мы закрываем Заповедный лес? — сразу понял все леший.

— Да, — кивнула я, — у нас нет выбора.

Верный друг кивнул, а вот Леся смотрела на меня не слишком довольна.

— Лесь, твоя задача — второй круг обороны, — я очертила этот самый второй круг, он был почти вплотную приближен к первому. — Что не сумеет удержать Ярина — мгновенно уничтожаешь ты. И помните, чащи, для нечисти наш лес открыт даже в эти смутные времена, для нежити — нет.

Ученый кот спросил:

— Что люди?

Хороший вопрос, раньше мы впускали, однако...

— Котик, у нас последний Заповедный лес на всем континенте. Для людей лесов много, а для нечисти — один наш и остался. Хотя

жаль, конечно, иной раз и людям без нас никак...

Ярина протянула листочек ко мне, и показала, что пропускать сможет, чистых, тем в ком нет ни скверны, ни мертви, ни гнили, ни магии. А дальше решать мне и Лесе. На том и порешили.

— Гиблый яр, — водяной посмотрел на меня напряженно, — с ним что?

И Ярина тут же веточку от моей руки убрала, почти сжалась. Она знала, что шансов нет, я знала, что шансов нет, водяной это знал, леший знал, кот знал, ворон знал тоже, и даже домовый был в курсе. Именно поэтому я и сказала:

— Сражаться.

На меня разом посмотрели все, да так, что стало ясно — сейчас водички холодной предложат, али еще чего.

— Весь, ты... — начал было водяной.

— Водя, — я смотрела на него непреклонно, — Гиблый яр отныне — МОЙ лес. Мой. И сейчас он болен, он изнемогает, ему нужна помощь. А я ведьма, Водя, я в стороне не останусь. За Гиблый яр мы будем сражаться. Осторожно, рисковать никем из присутствующих мы не можем, к слову тебе, лешинька, из лесу ходу нет, тебе, Водя, из реки ходу нет тоже, себя нужно беречь.

— Сражаться... — эхом отозвался кот Ученый. — А как сражаться-то?!

И все снова на меня поглядели с недоверием явственным в адекватности моей.

Плечами пожала — ну не знаю я пока как.

Зато одно мне было точно ведомо:

— Мы последний Заповедный лес. Последний. Мы последний оплот нечисти. Мудрый ворон?

Ворон действительно был мудрым.

Он кивнул важно и сказал:

— Я пошлю воронов и соколов во все стороны, призовем всю нечисть.

Теперь настала моя очередь кивнуть в знак согласия.

— А кормить чем будем? — задал правильный вопрос леший.

Это вот была проблема, это да.

Коли с живой армией воевать это одно — нечисть себе пропитание найдет, а вот с мертвяками да гнилью? Такое даже нечисть

не потребляет.

— Дам наряд кикиморам, пусть поганок понасажают. Лесовикам — грибы взрастить в срок малый. А с дичью что? — леший у меня начал все обстоятельно разбирать.

Он у меня обстоятельный.

А я у него ведьма.

И как любая уважающая себя ведьма, я по молодости шалила, от того и ведала — моровики да вампиры, вот никогда бы не поверила, коли сама бы не увидела, любят слегка подкопченную кровяную колбасу. Хмары — очень уважают сыр. Волкодлаки падки на окорока горячего копчения. Болотники и болотницы — кашу любят пшеничную да ячменную, непременно с маслицем сливочным.

А вот ауки, анчутки, бадзулы, злыдни — этим существам требовалась пища иного рода, духовная в смысле.

— Аспида бы нам, — задумчиво сказал кот Ученый.

— Да где ж его взять? — грустно спросила я. — Коли существовали бы еще аспиды, до такого безобразия дело бы не докатилось.

Но аспиды вымерли. Самые могучие борцы с нежитью и мертвечиной, исчезли давно уж, а жаль, очень-очень жаль.

— Ворон, за дело, — сказала я, поднимаясь, — шли гонцов по всем долам да весям, в каждый уголок. Собирай на смертный бой да на славный пир.

— На смертный бой не придут, но вот с пиром это ты что придумала? — спросил водяной.

— То и придумала, — ответила, клюку призывая. — За годы службы моей Силушке Лесной золота у меня скопилось изрядно. Да и купец у меня в лесу имеется, весьма не плохой, от чего же не использовать?

Сотоварищи мои переглянулись и Водя решил:

— А что мы теряем?

— А ничего, кроме золота, а оно мне даром не нать! — весело ответила я, одним движением накладывая на себя маскировку. — Ярина, Леся, на позиции. Кот Ученый, мне учебники нужны, все что есть по боевой магии, озаботься, будь другом. Лешинька, побольше грибов, побольше поганок. Коли магия понадобится — подсоблю.

— Ты на ногах то едва стоишь, — буркнул леший.

— Так, а мне сейчас не ноги, мне сейчас голова нужнее, — не стерпела я слов язвительных, — побеждать будем не магией, побеждать будем хитростью. За дело, друзья мои верные, соратники подневольные.

— Вообще-то вольные, — ну чтобы кот чего не сказал, это не кот будет.

— За работу! — приказала я, и ударила клюкой оземь.

* * *

Золота у меня в избушке много не было. Много имелось под избушкой. Оно как — золото многое на себя несет, каждая монета со своей аурой, что-то было потом заработано, за какие-то монеты плачено было кровью, что-то отобрано... в общем ничего хорошего в золоте для ведьмы нет. Слишком многое чувствуем, слишком многое видим. От того пришлось избу обойти, в крапиве жгучей пошарить, да и вытащить первый мешочек. Увесистый вышел. Вообще золото это было не совсем мое — от прежнего владельца досталось. А тот за проход купцов по лесу своему брал только золотом и брал много. Так много, что когда я впервые на схрон этот натолкнулась, мне лень стало все пересчитывать. Я и мешочки эти полуистлевшие считать устала. Забросила все обратно, крапивы побольше нарастила да и забыла, думала что навечно. Однако вот, пригодилось золотишко-то.

К Саврану я пошла с двумя кошельками золота. Сначала в руке несла, потом поняла, что едва ноги волочу, и перекинула оба на клюку. Клюка может и не рада была ноше такой, но лучше так, чем если свалюсь тут где под деревом, а ей потом за лешим скакать.

Когда вышла к избушке рыбацкой Савран с сыном развешивали просаливаться рыбу, и потому меня Савран встретил напряженно. Оно и понятно — ждал, что гнать буду, видимо, если увижу, что уж и заготовки на зиму вон делать начал.

— Это Заповедный лес, здесь зимы нет, — сказала почему-то.

Купец, заметно поседевший за последние дни, опомнился, низко поклонился и сказал:

— Здоровья и благополучия тебя, госпожа лесная хозяйка.

А затем почему-то добавил, взгляд опустив и нервно сминая в руках снятую при поклоне шапку:

— И за заботу твою благодарствую. Только просьба у меня есть, не могла бы дева лесная... одеться, что ли?

Что?

Я в изумлении на Саврана поглядела, на всякий случай свою иллюзию проверила — все на месте. Купец, мои метания за приметив, пояснил тихонечко:

— Я про деву лесную, не про вас.

Деву?! И тут до меня дошло — тут же ребенок!

— Ну, чаща! — прошипела негодуя.

— Голозадая, — кивнул Савран.

— Заповедная! — оскорбилась я за чащу.

— Простите, госпожа лесная хозяйка, — мужик был готов в ноги пасть, прощения просить.

Но тут дверь избушки распахнулась, на пороге показалась Луняша — румяная, счастливая, волосенки один к одному причесаны, улыбка по-детски редкозубая и глаза светятся счастьем. Девчоночка непосредственно и радостно бросилась ко мне, обхватила ручонками с разбегу и выпалила:

— Тетя красивая ведьма! Так долго не шла! — и тут же: — Давай расчешу. Ты же все время занята, чай и времени на себя нет, а ты такая красивая!

Ох, ребенок.

Я присела, заглядывая в румяное личико, улыбнулась ее улыбке, и сказала:

— Луняша, тетя лесная ведунья немного поколдовала тут, и теперь волосы у меня уж не путаются.

Достала из-под шляпы черную прядь прямых блестящих волос.

— Ой, — пробормотала Луняша, — черные... А почему черные?

И взгляд на меня такой изумленный, такой чистый. Изумительно милый ребенок, такой открытый, добрый, светлый. А может и права чаща Заповедная, детишек бы мне? А может и нет... Впереди война долгая, изматывающая, не до детей мне.

— К мамке беги, — сказала, поднимаясь. — Митяй как?

— Йист! — радостно и чуть нечетко выговаривая заявила малышка. — У мамки-то молока не стало, но ваша чаща бутылочку

принесла, ох и касивая...

— Чаща? — с сомнением поинтересовалась я.

— Бутылочка! — заявила Луняша. — Вся стеклянная, серебрянная, с вензелями.

Тут мне как-то вдруг не очень стало.

Обронив Саврану «Сейчас возвернусь», я поспешила в дом, открыла дверь вошла да и обомлела. Бутылочка у Митяльки была знатная... серебрянная, да с золотыми вензелями... королевскими вензелями!

Ульяна, жена Саврана, при виде меня хотела было подскочить, но я торопливо приказала:

— Ты сиди-сиди, корми дитятко, оно важнее.

Постояла, посмотрела на бутылочку, подумала, что прибью чашу! Все понимаю, но бутылочка была королевская! И меня очень сильно волновало — где эта зараза голозадая ее уворовала?!

Женщина, перехватив мой взгляд, смутилась и сообщила внезапное:

— Это ваша другая чаша принесла. Та, что темная. В ней молоко не портится, но кипячу, каждый день кипячу дважды, как было сказано. А светлая дева лесная, она двух коз привела, надаиваю.

Двух коз? Я мысленно прикинула, что у меня по козьему стаду, вспомнила — пара коз без козлят имелась, есть такое дело, обе молочные, с какой-то фермы сбежали видимо, подкармливали чужих козлят, а теперь вот и ребенка. С козами это явно леший подсуетился, чаша привела. А вот бутылочка откуда?!

— Здоровья вам, — попрощалась с хозяйкой и вышла из избы.

Савран ожидал у порога. Сына оставил рыбу развешивать, а сам собирался передо мной каяться да вести сообщать не радостные. Да только что сообщать — уж и сама все поняла. Савран был купцом честным, иной раз слишком, так что наемникам, тем, что выжили, он заплатил, все что обещал, все и выплатил. А сам остался почти без денег и семью везти ему было уже некуда.

Вот почему рыбачил с утра до ночи, вот почему рыбу заготавливал — для семьи запасы делал, собирался стало быть оставить их тут на всю зиму, а сам значица, на заработки пойдет, может к купцу какому устроится. И я знала Саврана — он на ноги

встанет, пусть через год-два, но встанет, только себя чуть ли не в гроб трудом непосильным загонит.

А вот сейчас он стоит, и собирается — и повиниться, и покаяться, и попросить.

Да только едва решился слово молвить, перебила я его:

— Савран, мне купец нужен.

Вскинул голову, посмотрел недоверчиво взором смятенным. И хорошо ему, у него взор только смятенный, а у меня помутившийся. Пришлось сесть на ступени, подозвать клюку и едва та прискакала, я продолжила:

— Вот золото. Вот список.

Золото то ему клюка подала, а вот список я, и когда руку протягивала, на ней заметно иллюзия смазалась, пришлось вертать взад. Савран тактично сделал вид, что не заметил, как с тонкой девичьей руки сползла зеленая узловатая кожа, а потом назад возвратилась, с желтыми изогнутыми когтями в придачу. Ну... я тоже решила промолчать.

Список взял, вчитался, с трудом но вчитался — а я между прочим очень разборчиво написала, старалась я. Опосля на меня посмотрел взглядом вопрошающим.

— Как соберешься, позови меня — леший придет, тропу заповедную откроет, до границы леса проведет, нынче как раз в Выборге ярмарка. Купи телегу, лошадей, а дальше все по списку. Выборг город большой, внимания ты не привлечешь. А как возвратишься — тебя пропустят.

Купец снова в список поглядел, да и заметил профессионально:

— Здесь не на одну ходку, а караван торговый нам не нужен, так?

— Твоя правда, привлекать внимание нам не следует, — согласилась я.

Постоял купец, подумал, затем сказал:

— Уж прости, хозяйка лесная, да только... боюсь, узнают меня недруги.

Я усмехнулась и ответила:

— Нет, не узнают. Ведьмы, что тебя в дело это втравили, обе на Ведьминой горе, без сил заточены. Маги — от короля нового скрываются. Но охоронничков своих можешь взять, не помешает.

Купец недоверчиво на меня глянул, да все ж от вопроса не удержался:

— Знамо обо всем вам, да?

— Да, Савран, — кивнула я. — Так что, за работу берешься?

Странно поглядел на меня мужик, да и ответил голосом сиплым, сдавленным:

— Я за вас жизнь отдам, госпожа, а тут лишь дело торговое. Сделаю все, у кого товар брать знаю, у кого еще заказать тоже ведомо. Сделаю все. Только... погреб то у вас есть?

Вот чего нет, того нет... а продукты то как-то хранить придется.

— Сделаем! — заявила уверенно, а вот поднялась уж очень неуверенно.

Тяжело поднялась. С трудом. Постояла, пока перед глазами точки черные прыгать перестали, поглядела вдаль. Савран вид сделал, что и это не увидел. Тактичный он, и мужик хороший, надо же было так попасть.

— Госпожа лесная ведунья, — вдруг нарушил молчание купец, — уж не сердчайте за вопрос, да только сын мой того раба с вами видел. И не на ладан тот дышал уж, и как воин держался. Я... узнать хотел, да дело не мое, понимаю, и лезть бы не следовало, но старшой мой к рабу привязался...

Укоризненно покачав головой, с насмешкой посмотрела на мгновенно умолкшего мужика.

— Ох, Савран-Савран, думаешь, неведомо мне, что ты сыну подсказал раба подкармливать?

Опустил голову купец, а я лишь усмехнулась.

— Тебе ведь запретили, так, Савран? Да клятву с тебя взяли о рабе не заботиться, об одном лишь не подумали — ты купец, ты в любом договоре лазейку найдешь, вот ты и нашел. А сын у тебя хороший, и человек из него хороший вырастет, правильный.

Поклонился Савран, да только не удержался от вопроса:

— Как вам то ведомо стало, госпожа лесная хозяйка?

Объяснять — не объяснять?

Посмотрела на лес, улыбнулась грустно и тихо сказала:

— Он им не нужен был ни живым, ни здоровым. Все рассчитано было по часам, чтобы не прожил он и часу сверху рассчитанного. На закате убить его собирались, это мне уже ведомо, а коли так, значит вез

бы ты его бессознательным, пребывающим в полубреду. Но на такое тебе пойти совесть не позволила, кормил ты его. Не своими руками, руками сына, но кормил.

Голову опустил Савран, помолчал, да и:

— Не мог я иначе.

— Знаю, — усмехнулась я. — Я тебя знаю. Они не знали, в том их просчет.

Шумно выдохнул Савран, постоял, на меня глянул осторожно, и спросил:

— И что стало с ним?

Пожав плечами, равнодушно ответила:

— Это Заповедный лес, Савранушка, здесь помогут, вылечат, а держать не будут. Ушел твой раб, магом он оказался, и не простым, а сильным, да с обидчиками уж разобраться успел. Шустрый.

Взгляд купца сделался напряженным.

Укоризненно на него глянула я, и успокоила нервного:

— А на тебя, Савран, зла он не держал и не держит. В путь собирайся, да поскорее, пока ярмарка в разгаре.

Купец отвесил поклон поясной, но я не доглядела — клюкой ударила, тропу заповедную открывая, и в сосновый бор вступила.

Плохо было мне.

* * *

От того и иллюзию мигом сняла, и на ногах не удержалась — села, привалившись спиной к сосне, посидела, отдышалась, да и призвала чашу свою... сначала не голозадую.

Ярина явилась так быстро, словно ведала и зова ждала.

Восстала передо мной кустом растрепанным, после изменила форму и стала девой лесной... более-менее приличного вида. И хоть тяжело было ей, ночка у нас у всех та еще выдалась, а спрос все равно был суров.

— Откуда бутылочка, Ярина? — прямо спросила я.

Чаша руку протянула, от нее побег быстрый ко мне скользнул, к щеке прикоснулся... И я увидела! Архимага Агнехрана я увидела! От него была бутылочка, на сохранение молока зачарованная! И если бы

только она — книги принес маг. Книги и амулеты. И вызвал он именно Ярину, пентаграммой призывающей вызвал. Не ждал лишь, что для меня эта опытная чаща ничего не возьмет, для дитятки Саврана то одно дело, а для меня... Заповедная чаща, что однажды уже потеряла хозяйку, она опытная. Опытная и осторожная.

А я...

Прижала ладонью листок с побега на миг к своей щеке, и сказала благодарственно:

— Ты все правильно сделала, Ярина.

Чаща вдруг сгорбилась, а затем передала мне образами:

«Нет. Не знаю. Не уверена. Тебе плохо, хозяйка, ты битвы не вынесешь, и за мой лес костями ляжешь. Нельзя так!»

Почерк у Ярины был хороший, понятный, не то, что мой.

— Справимся, — сказала, опуская побег, — силы я наберусь, я ведьма, я справлюсь. И лес мы спасем, уж поверь мне, хорошо все будет. Ступай, оборону держи.

Чаща поклонилась и исчезла — она у нас теперь пограничная, ей надолго отлучаться с поста нельзя.

А вот второй я позвала Лесю.

Моя родная зловредина поганчатая, заявила в образе... лани. Лань у нее вышла интересная — так то тело было передано неплохо, но я еще никогда не видела лань с таким ехидным выражением на морде.

— Последний раз говорю, — прошипела раздраженно, — прекрати свои голозадые явления!

У ехидной зеленой лани существенно округлились глазищи.

— Прекрати, говорю, — приказала, укладываясь на траву, — мне за тебя перед Савраном стыдно, и перед сыном его. Совесть бы имела, не позорила ни меня, ни лес.

И на этом я мигрировала из состояния бодрствования телом, в состояние бодрствования сознанием. Все же есть плюсы в том, чтобы быть лесной ведуньей.

* * *

Пока спала, лес не спал вовсе, растревожили мы его.

Сражением ночным, мигрированием дневным. Леший гнал подальше, к самым северным частям леса оленей, косуль, зайцев. К работе привлек всех лесовиков, так что действовали быстро — где уговорами, где наговорами, а где и хворостиной по спинам самых несговорчивых. Увы, выбора не было.

Тем временем у меня перед избушкой работа шла вовсю — оно как полагается, друзей держи близко, врагов еще ближе, а вот нечисть следует держать не просто близко — близехонько. Оттого и лагерь мы разбивали близ избушки моей, Леся на черновой работе была — деревья пересаживала, да мужиков таскала. Мужики рады не были, но, коли в свое время сами деревья мои пересаживали, да в подчинение заповедных территорий переходили, то и служите хозяйке лесной верою и правдою, в смысле погреб копайте.

Копали трудом ударным, товарищеским.

Мужики копали, кроты подсобляли, русалки несли запыхавшимся трудягам красоту и воду с едой, восторгом пользовалось и то, и другое, а особенно то, что русалки, во-первых, хорошо готовили, а во-вторых, загадочно молчали. Ой, чую теперь у водяного проблем не оберешься — не на рыбалку мужики пойдут, а на охоту за невестами. И ведь приукрасят еще, как пить дать приукрасят, так что все окрестные деревни «по невесты» рыбачить решат.

Между тем Савран не просто оправдал ожидания — он их превзойти умудрился. За день, до первой звезды вечерней обернулся три раза. Не сам, всех своих охоронников в дело взял, только вот платил из своего кошелька, думал, что не замечу? Честным был Савран, этого у него не отнять, да только для него это то золото было, что он для семьи приберег, а мне то оно на что? Передам ему потом еще кошель за труды.

Проверять по списку все поручила домовому. Тот работать не любил, но коли надо, то надо. К охранникам и Саврану в помощь пришли трудяги, так что разгружали все быстро, все кроме последней телеги. К закату как раз водяной камни для погреба прислал. Несли их... кто мог, все и несли. И русалки, и русалы, и кикиморы, и лешаки, и прочая болотная нечисть. Трудовой люд поначалу оробел, от вида такого, но ничего, сработались. Труд он завсегда сближает.

К тому времени, как я из лесу пошатываясь вышла, погреб был завершен, русалки столы, наспех сколоченные, накрывали снедью,

мужики решали — остаться на пир с нечистью или рисковать не стоит.

— Домой ступайте, — величественно сказала я, слава амулету моделирующему голос, — к семьям и женам с детьми.

Сделала жест домовому — мой ответственный ответственно прошел и под роспись каждому трудяге выдал по три золотые монеты. Для деревенских это полтора годовых заработков, от того многие шапки пороняли от изумления. Изумлялись и дальше — когда леший по домам спровадил. Я же об ином позаботилась.

— Савран, — позвала, как только купец собрался уходить, — еду возьми.

Купец хотел было отказаться, пришлось напомнить:

— Тебе не о гордости, о семье заботиться нужно. Лошадей и телегу тоже забирай, понадобятся еще. А как ночь наступит, из избышки не выходи, ни ты, ни Ульяна, ни дети.

Поклонился напряженно, окинул взором столы со снедью, на русалок поглядел, на кикимор, да и не решился спрашивать. Но видела я, по глазам, по взгляду видела — не по душе ему происходящее, не за себя — за людей испугался, понял, что нечисть пировать будет. И все же поклонился поясno, лошадей под уздцы взял да и пошел к лесу, нервно кулак сжимая.

— Савран, — окликнула я.

Остановился. Лошадей с трудом остановил.

Повернулся медленно, настороженно.

Я лишь головой покачала укоризненно и сказала негромко:

— С нежитью Гиблого яра сражаться будем, Савран, людям мы не враги, как и они нам.

И вздохнул купец полной грудью, головой мотнул, дурные мысли отгоняя, поклонился снова, сказал с почтением:

— Прости, госпожа лесная хозяйка, напрасно о недобром подумал, прощения прошу.

— Ступай, Савран, утром свидимся. Война у нас будет долгая, армию мою кормить придется, так что до зимы будет у тебя и работа прибыльная и дело ответственное.

А еду купец не взял. Вот же упертый. Пришлось Лесю к нему посылать, сначала со снедью, опосля с зерном для лошадей. И еще вроде ничего не началось, а голова от забот уже кругом шла.

Ну да не до страданий — следовало собой заняться, как следует.

Жаль, как следует не получилось — едва в избушку вошла, дошаталась до кровати, да и рухнула... сна хотелось хоть немного, хоть капельку, хоть единую минуточку... Вот пара минуточек только у меня и была.

* * *

Первыми явились черти!

Их никто не звал, да и «нечистью» они были лишь условно, по большей же частью подземный народ относился к огнепоклонникам и подчинялся, если этот народец вообще был способен подчиняться, дьяволам. Последним было откровенно говоря вообще плевать, на то куда и зачем заявляются их подопечные, но тут такая маленькая деталь — между дьяволами и ведьмами имелся мирный договор.

Так что как только басурмане налетели, я молча вышла из избушки.

Черти застыли в тех позах, в которых были застигнуты. Парочка лапала русалок, большинство уже потянулось к бочкам с вином, кое-кто и на кикимор позарился, а тут я.

— Ой, — вымолвил ближайший хвостатый, и дернув пяточком, втянул воздух, да и взвыл дурниной: — Ведьма!

Унеслись черти быстрее, чем появились. Вот они были — вот пыль осталась там, где только что были. Одна проблема — кикиморам, неожиданно, все понравилось. Русалы, просто, не в их вкусах, водяной на кикимор не падкий, мужика в болото и силком не затянешь, а вот черти...

— Госпожа лесная ведунья... — протянула, глядя в сторону, куда только что умотали черти, одна из кикимор.

А я подумала, почему бы и нет.

— Вот как битву закончим, устроим пир... чертей позову.

Кикиморы воодушевились мгновенно!

Забегали быстрее русалок, а те от них шарахались, в принципе не понимая, как можно было польститься на мужиков с пяточком вместо носа? Ну да у всех вкусы разные, чего уж тут.

И пошла я наряжаться.

Долго думала что надеть. С одной стороны ведьма я, ведьма как есть, и основная часть нечисти это сразу почувствует. А с другой — я ведунья лесная, всему лесу хозяйка, от того и к наряду следовало подойти ответственно.

Открыв сундук, покопалась в закромах. И показалось мне, что до чего ж у меня жизнь была привольная да спокойная, до охранябушки. В сундуке много чего скопилось — рубашки льняные вышивкой украшенные, сарафаны цветастые, яркие, в которых я по ярмаркам ходила. Ленты для волос, бусы деревенские, простецкие, лапти удобные. Жила себе ведунья Весяна легко да привольно, ни бед ни горестей не зная. И недолго ведь так жила, а теперь, кажется, целая жизнь привольная прошла, а впереди страх один, да неведомое.

Но то все пустое, о другом думать надо — что надеть? Не готова я оказалась к роли хозяйки лесной, ох и не готова.

И тут в дверь постучали.

— Входи, Водя, — ответила не оборачиваясь.

Кто пришел я чувствовала.

Водяной вошел неслышно, остановился посреди избушки, огляделся.

— Готовишься? — спросил очевидное.

— Угу, — подтвердила, достав со дна сундука одно из своих старых платьев — черное, непроницаемо черное.

— А я с гостинцем, — несколько смущенно объявил Водя.

Обернулась, удивленно. Да так и замерла.

Водяной держал ларец плоский, а в нем, на черном бархате сияли, переливаясь, изумруды яркие, в полумраке светящиеся, магические.

Поднялась как сама не заметила, подошла, прикоснулась к камням. Колье, серьги, пояс, браслеты, кольца, все невесомым казалось — на черном бархате терялось черное серебро, от того тяжелые камни казались легкими.

— Откуда? — спросила, скользя пальцами по украшениям.

— Давно хранил, — водяной едва заметно улыбнулся. — Выменял на жемчуг речной у водяного морского, еще когда ты тут... ну появилась только. Долго ждал, хотел на день весеннего

равноденствия подарить тебе, как только уйдет печаль из глаз твоих... да вот не дождался.

Подняла взгляд, растерянно посмотрела на водяного, и слов... не было. Не смогла вымолвить ни единого.

— Не отказывайся, — вдруг попросил водяной. Вздыхнул и пояснил: — Вампиры же явятся, а ты их сама знаешь, снобы еще те, они по одежке встречают, да по камням драгоценным. Я и платье захватил. Нужно?

Кивнула.

Водя положил ларец на стол, ушел к дверям, и вскоре втащил сундук мореный размером чуть не в половину кровати моей.

Открывал долго, с трудом, рассказав в процессе:

— Не надеваны ни разу. Чародейки к выпускному готовились, наряды шили себе в городе по заказу особому, а как приехал купец с заказом... ну ты помнишь, не было уже чародеек.

— Помню, — тихо сказала я.

Водяной кивнул, и все же справился с замком, откинул крышку. Все платья были тонкой бумагой переложены, к каждому обувь шла... да не каждое мне по размеру было. А те, что по размеру... не по статусу. Уж думала свое темное надеть, да тут на дне сундука откопала черное, бархатное, телу приятное. И ткань такая — отпускать не хотелось. Что ж, его и выбрала.

Когда вторую серьгу вдевала, ощутила вторжение — вампиры, как и всегда, были пунктуальны.

«Пропускай» — приказала Ярине.

«Придержи» — попросила Лесю.

И окинула себя взглядом в зеркале.

Бледная, да. Но наносить зеленую пудру не стала — я ведьма, перед своими я скрывать этого не буду. Вороново-черными казались темные волосы... не скоро еще я свой цвет верну, ох не скоро, ну да не печаль это, а ныне и вовсе преимущество. Прямые черные пряди, уж куда как более подходят властной лесной хозяйке, чем непослушные цвета свежей палой листвы волосы. Черное платье обтянуло до колен как вторая кожа, рукава длинные, вырез не скромный, но и не чрезмерный. И изумруды сверкающие на шее, руках, поясе. Знатный подарок сделал мне водяной, знатный и эффектный... И Водя прав, это самое то, чтобы вампиров встречать.

Глянула на себя в зеркало в последний раз, взяла клюку, вышла из избышки. Да видать образ у меня был впечатляющим — и русалки и кикиморы замерли, удивленно разглядывая. Водяной на суше долго находиться не может, но ждал, стоял у околицы и ждал, пока покажусь. Оценил кивком одобрительным, да и пожелал, прошептав одними губами, «Удачи».

Она мне сегодня понадобится.

Ступила на землю, клюкой оземь ударила, открывая тропу заповедную, да и шагнула напрямик к гостям званым.

* * *

Вампиров прибыло трое — все представители лесных домов, да горных мы и не звали, не по чину. А вот то что прибыли сами, мне не понравилось. Ни соратников, ни командиров своей стражи не взяли... Отнеслись не серьезно?

Так и оказалось.

Вампиры развернулись ко мне разом, в сумраке они видят отлично, а чувствуют еще лучше. Меня ощутили. Развернулись. Оглядели. Оценили. Поклонились.

Склонила голову в ответ, да опосля посмотрела не ласково, неодобрительно поглядела.

Вампиры оплошность свою осознали, поклонились и исчезли.

То-то же.

Остальных гостей я встречала уже близ избышки.

Первыми прибыли волкодлаки. Здоровенные парни в широких рубахах, да такие здоровенные, что ткань едва не трещала. Волкодлаки аки бык-трехлетка — груда мышц могучих, да агрессивности столько же. Явились все вторые вожди, да с ними главный — эти всерьез зов восприняли. Поклонилась с благодарностью, за стол усадила. У нечисти оно как — сначала покорми, напои, а опосля уж и речь веда.

Моровики нагнали мороку — все туманом покрыли, явились как и полагается со стонами, воем, ужасом и всей толпой, штук в сто двадцать. Хорошо что подавальщицами у меня были и русалки и кикиморы — и тем и тем, туман ни по чем, а запугать сами кого хочешь могут. Хмары приползли почти всем составом — их немного

осталось, помнится в годы моего ученичества перепись нечисти показала двадцать семь особей, ко мне пришли двадцать пять. Очень обрадовались сыру — сырны головки им из погреба свежее сделанного, выкатывали русалки в четыре руки, тяжел был сыр, зато хмары обрадовались то как, тут же волосенки зашипели, с на губах зеленой подводкой яд проступил... в общем русалки из погреба сыр-то вытащили, а опосля от греха подальше его кикиморам передали, кикиморам то яд никакой не страшен.

Болотники и болотницы заявлялись семействами, коли дети уже выросли, или парами, коли детей еще нет, остальные стереглись, оно и понятно.

Ауки, анчутки, бадзулы, злыдни — появлялись хаотично, и заявившись гоняли от волкодлаков до моровиков, кто поздороваться, а кто и в глаз дать. Веселый народ, просто, веселиться очень уж любят. Да шутки не добрые — пара волкодлаков не сдержалась, обратилась от ярости и теперь гоняла за обидчиками в животном образе. Хорошо леший вовремя возвратился, разнял.

Наконец вернулись вампиры.

Теперь все как полагается — главы кланов, охрана, советники, начальники стражи. Посадила их напротив волкодлаков, в наказание за опоздание да недоверие. Вампирам сие не очень понравилось, но колбаса кровяная копченая, да вино знатное, ситуацию чуть улучшили.

Добрых полчаса дала я нежити, чтобы насытиться, да и собиралась уж со ступеней спускаться, и речь говорить достойную, как от лешего вдруг пришло сообщение:

«Аспид!»

Что? Я и не поняла поначалу, что в виду то имелось, но леший объяснил:

«Аспид пришел. Да не входит, на границе ждет. Аспид, Веся!».

Вот как стояла, так чуть не рухнула.

Их же не осталось.

Мы же обсуждали и... их не осталось. Их не было уже когда мы в период ученичества перепись нечисти делали даже!

Аспид... надо же.

«А не входит от чего?» — спросила у лешего.

И чуть сама себя по лбу с досады не ударила, и то не ударила только по одной причине — удар был бы клюкой, я бы тогда сразу в

бессознание провалилась... вот была бы потеха.

Аспид не входил потому, что он не был нечистью. Аспид — это огонь. И если Ярина его пропустит, то Леся нет, моя чаша ощутит опасность сразу, а Аспид опасен даже для нее.

Сошла со ступеней.

Нечисть за столами тут же умолкла.

Над поляной повисла тишина. Ожидающая тишина. Почтительная тишина. Хозяйка дала славный пир, гости оценили и были готовы почтительно выслушать. Вампиры даже вино разливать перестали, анчутки прекратили швыряться в обернувшегося волкодлака репейником, а кикиморы шушукаться о чертях.

Все готовы были внимать!

А тут я, с нервным:

— Эм... возвернусь вскорости...

И клюкой о землю хрясь...

Когда вышла на опушку к лешему, сильно пожалела, что ни белил, ни зеленил не использовала, ибо пунцовая я была, пылало и лицо, и уши, и даже шея. Стыд то какой.

А тут еще как на зло луна из-за облаков выскользнула, осветила меня да так ясненько, что всем стало ясненько, насколько цвет моего лица не соответствует ни ситуации, ни положению.

— Весь, — пробасил леший, — вампиры что-то сказали, аки волкодлаки-охальники?

— Хуже, — призналась я другу верному, — я сказала.

— Тады ой, — сразу обозначил все, что думает о моем умении высказываться леший.

А на опушке, шагах в двадцати, кто-то едва слышно усмехнулся, и... у аспидов еще ж и слух имеется, да такой, что даже мне, ведунье лесной, завидно.

Что ж, будем делать вид, что ничего не было и ему просто почудилось. Откашлявшись, я позу сделала горделивую, и сказала величественно:

— Коли друг —ходи. А коли враг — не рискуй.

Ярина не отсвечивала, она в земле таилась, так что ей кустами раздвигаться не требовалось, и... аспид шагом уверенным вошел.

И тут мне стало больно.

Так что чуть не взвизгнула... как сдержалась, ума не приложу. Одно утешало — не всякий способен, всей спиной приложившись об лешего, суметь промолчать. Так что можно было бы даже собой гордиться, если бы не одно маленькое, скромненькое, малехонькое «но» — я аспид испугалась.

«Весья,» — мысленно произнес леший.

«А что „Весья“? Он страшный, сам же видишь!»

«Он же аспид», — резонно подметил товарищ боевой.

«Слушай, я аспидов видела только на картинке, и да — они и там были страшными, но не настолько же!»

Аспид был... ужжжжас. Черный весь. Весь как есть чернильно-черный, почерней сырой земли, почернее ночи безлунной да беззвездной. Он был такой черный, что казалось, не он в круг света вошел, а тьма на островочек света крохотный всей своей могучей несокрушимой мощью надвигается.

И я не знаю как, но мне леший в спину давил все сильнее, пока шел к нам этот ужжжжас же натуральный!

«Весья, мне в землю врати?» — спросил вдруг леший.

«Зачем?» — меня даже потряхивало уже.

«Так ты меня сейчас с места сдвинешь. Коли страшно так, за меня скройся, — и с ухмылкой же сказал».

Я обиделась.

«Хозяйка, — и леший в миг серьезным стал, — страх то дело хорошее, но не сейчас. На аспид а посмотри взглядом своим ведьминским, да и решай — пускать али как?».

И тут мне стало совсем стыдно. Прав леший, тут не пугаться, тут оценивать надобно. Я и оценила... аспид был страшный! Ну страшный же! Страшный! Жуткий! Кошмарный!

И чем ближе подходил... тем страшнее становилось, до крика просто.

Но вместо крика, иное пришлось говорить — аспид подошел на расстояние трех шагов, голову склонил в насмешливом приветствии, да спросил с насмешкою же:

— Звала, госпожа лесная хозяйка?

Нет!!! Можешь идти! Видишь — дорога свободная, будь добр, воспользуйся!

«Весья, — укорил леший».

Да не такая уж и страшная та восставшая лесная ведунья, если даже их и четверо... И, подумаешь, Гиблый яр... там очень даже уютно, я просто, может, просто не оценила еще. Я...

«Веся!»

— З-з-звала, — голос мой дрогнул.

Аспид...

Надо же, целый аспид... и как только выжил-то?

А главное зачем? Ну хорошо же жили-то и без аспидов всяческих! Мир без них, может, добрее там был, радостнее... светлее так точно!

Но звала, тут уж не выкрутишься...

Просто если б я знала что явится, я бы может и не звала вовсе! И вообще предупреждать же нужно хоть как-нибудь, что страшный такой!

Да делать нечего.

Выдохнула, выпрямилась... ну почти, в смысле леший не так сильно стал в спину сучками да колючками давить. Но все еще больно-то было. Ощутимо больно. И леший меня от себя отодвинул. Сам. Предатель!

Теперь я стояла в четырех шагах от аспида и смотрела... ой и не туда, куда надо было я смотрела. Нужно было в душу его заглянуть, а мне страшно! Я взглядом по коже черной, матовой скольжу... а вроде чешуя у гадов ползучих всяческих блестеть должна, не? А, это же у змей, а тут аспид... У него чешуя мелкая, почти как кожа, матовая, ну как уголь. Волосы черные, как и у вампиров в хвост нижний собранные. Лицо... да кто ж его разглядит под чешуей? Такая чешуя, что свет не отсвечивает, она и черты лица прячет... не разглядишь толком. В плечах широк, но не как волкодлаки, как вампиры примерно, остальное под одеждой черной скрыто. Высок... Голову запрокинула почти, в глаза вглядываясь.

А глаза синие...

Змеиные, со зрачком вертикальным, но синие... Такие синие-пресиние, как небо летнее перед грозой.

И мне ж в эти глаза заглянуть нужно, а он смотрит насмешливо, лицо вроде серьезное, а в глазах смешинки, и смущают они меня, глаза эти... Вот как в них смотреть?!

Опустила голову. Постояла, нервно очень. Аспид совсем же рядом стоял! Страаашный! Жуууткий! И характер, вот зуб даю, тот который

накладной, что характер у него похуже, чем у вампиров надменных, поядреннее чем у анчуток со злыднями, и явно пакоснее, чем у чертей. Да он уже тут мне стоял, и издевался же!

Взяла в себя руки, отошла на шаг. Потом еще на шаг. Плюнула на приличия с досады, залезла на пень рядом, да и поглядела на аспидаса свысока. И вот так, свысока, ну если на него самого не смотреть, вроде и ничего. Злобы в нем не было. Ко мне точно. Ко мне вообще что-то другое было... что-то хорошее, почему-то, но я не разглядела что. А еще над ним было проклятие, да дело то прошлое, теперь пустое оно, только маревом призрачным еще и отсвечивает, да и то скоро исчезнет. А вот что понравилось — справедливость в аспиде была. Настоящая, убежденная. И это странно... Нечисть и справедливость вещи несовместимые, иди кикиморе какой про справедливость скажи — грохнется на землю от хохота и там угорать будет, до слез просто. А с другой стороны аспид он же не совсем нежить?

— Ну как? Оценила? Рассмотрела? Скажешь что? Али пошлешь путем долгим? — поинтересовался аспид.

Да, точно! Последний вариант! Последний вариант мне очень подходит! Иди, аспидушка, иди отседова, мне ж даже стоять рядом с тобой страшно же!

Но... я не просто ведьма, я ведунья лесная, и мне... мне лес спасать надо, а с аспидом... Аспид, это уже половина победы.

Делать нечего.

— Оценила, — промолвила, величественно сходя с пня. — Зла в тебе нет, от того входи. Но помни — коли назовешь цену неприемлемую, я и не приму.

Усмехнулся только, сверкнули на черном лице белые зубы, поклонился, условие принимая.

А я клюкой ударила, к избе шагнула...

И вот не к добру уходила же.

— Ты! Мне?! — рычал разъяренный староста волкодлаков, который по идее тут самый сдержанный должен был быть, но его с трудом удерживало двое младших вождей, с большим трудом.

А напротив сидел граф Гыркула, и, помешивая вино в бокале палацем, издевательски взирал на вождя Далака. И вот я точно знаю, что потасовку затеял клыкастый! Абсолютно точно. Просто знаю я вампиров!

— Граф! — прошипела, едва ступила на землю перед избушкой.

Поганец на меня глянул лишь мельком, и вновь издевательски воззрился на волкодлака на грани оборота, произнес:

— А причем тут я? Я лишь спросил.

Ага, спросил! Так я и поверила! И без политесов и реверансов, сказала прямо:

— Прокляну, а потом клюкой тресну!

Вампир замер. Затем медленно голову повернул, на меня уставился потрясенно, и спросил, сам не веря в то, что спрашивает:

— Валкирин?!

Но его вопрос утонул в оглушительном визге одной из кикимор:

— АСПИД!!!

И все «спокойствие» присутствующих замерших в предвкушении драки между вампирами и оборотнями, смело волной истерии.

И чего только в выкриках не было:

— Спасайся, кто может!

— Они ж вымерли!

— Аспид? Быть не может, а если может... то я пошел.

Ну вот, один здравомыслящий есть, со мной нас двое, и мы бы пошли отсюда, ох и пошли бы.

Но самым выдающимся был выкрик:

— Осени меня крест господен, это ж аспид!!!

И мы все в полнейшем изумлении уставились на моровика. Просто где нечисть и где крест господен?

Моровик под общим ошарашенным вниманием сник, стянул с себя маску и иллюзию, и вылез из-за стола обычным чертом.

— Прощения просим, — извинился, шмыгнув пятачком, — я ж у этих, монахов которые, работаю под прикрытием, вот и поднабрался лексикону церковного.

Да мне все равно, просто — чертей же никто не звал. Более того — выгнала, лично же выгнала! Ну а коли остался, сам виноват.

— Кикиморы, — протянула, недобро глядя на нарушителя, — он ваш.

За стол садилась под радующие слух вопли молящего о спасении черта. Не спасу! Из принципа не спасу! Вот не буду спасать и точка!

«Леший, ты пригляди за ним», — попросила просительно.

«Ладно, выведу к утру», — согласился друг верный.

«К полуночи,» — совсем просительно.

«Да к полуночи он только испугаться то и успеет, но процессу воспитательному не быть, Веся».

«Ну ладно, — сдалась я. — В час ночи?»

«Ужо!» — рявкнул на меня леший.

«Значит в два, — постановила уверенно».

И на этом перешла к делу.

Ну как перешла...

Сначала пришлось понаблюдать за тем, как аспид, которому, между прочим, почетное место на том конце стола выделили, аккуратно на против меня... метров через пятьдесят, подходит к вампирам и самому Гыркула говорит тихое:

— Подвинься.

И граф, вообще ничуть не возражая, взял и подвинулся.

Да что там граф — сидящие на другой стороне волкодлаки подвинулись тоже.

Все подвинулись. Да так старательно, что с той стороны длинной скамьи свалилось два вампира и три волкодлака. И главное — никаких возражений. Вообще никаких. Насильно освобожденные от занимаемых должностей вампиры и волкодлаки резво умотали к моровикам, и желания возвратиться не выказали никакого вообще.

Я проводила их завистливым взглядом, нервно покосилась на севшего аспида... и на русалок с оставшимися кикиморами. Те даже вампиров не боялись, а перед аспидом оробели, и поднести ему чарку вина да закусь не решался никто. И вот я выразительно смотрю на русалок, те выразительно на кикимор, последние делают вид, что их тут не присутствует. Да так старательно делают, что как-то вдруг словно ниже ростом стали. И тут одна из кикимор возьми да и скажи:

— А говорят, аспиды они вообще всех любят. Как кого поймают, так и давай любить!

Русалки рванули прочь синхронным слаженным отступлением, да так споро, что и чарка и кувшин с вином, что в руках держали, чуть наземь не грохнулись. И грохнулись бы, но аспид руку протянул и снесь зависла в воздухе. А затем медленно, завораживающе, подплыла к нему по воздуху, и этот... любвеобильный, спокойно сказал:

— Я не гордый, сам себе налью.

Это было не совсем правильно — я на пир позвала, мне отвечать за то, чтобы гостям все понравилось. Уже собиралась кикиморам прямой приказ отдать, да домовый выручил — поднес дорогому, хоть и страшному, гостю бутербродов с ветчиной, колбасы нарезной, да тарелку с приборами. Выручил меня домовый, сильно выручил.

А спустя десяток минут вернулись и повинившиеся русалки, видать Водя им внушение сделал.

И вот мы ждем.

Все ждем.

Гости то уже успели и насытиться и выпить, мне бы слово пора брать, да ждем, не жалуемся, на аспида вообще сложно жаловаться, а уж тем более торопить с трапезой.

Но аспид вдруг сам проявил инициативу.

— Меня ожидать не надо, госпожа лесная хозяйка, говори слово свое, готов выслушать.

Не по правилам то было, но если уж говорить о правилах — то он не совсем чтобы и нечисть, так что его по правилам еще и в баньке попарить надо было бы, а вот этого я делать не собиралась вовсе. Так что, будет как будет.

Поднялась.

Русалки услужливо стул отодвинули и вовсе унесли.

Клюка тут же верно подскочила, придавая мне и опоры, и уверенности и статуса. Повисла тишина над пирующей нечистью. И глядят все на меня с готовностью внимать, и даже анчутки летать перестали с ауками, тоже слушать готовы. А я... не сильна я в речах важных, ох и не сильна...

Ну да ничего. Приосанилась, приободрилась, вид приняла серьезный, значимый, мудростью исполненный, и произнесла торжественное, возвышенное, патетичное:

— В общем, — я указала в сторону леса проклятого, — там за рекой есть Гиблый яр. Слышали про такой?

— Эээ... слышали, — разом ответили все, как-то даже смутившись.

Все явно ожидали одухотворенную речь на полчаса как минимум, а потому сейчас даже несколько растерялись. Все, кроме аспида, тотпил вино, насмешливо на меня поглядывая. Внезапно поняла — раздражает он меня. Вот раздражает и все тут.

— Про нежить в Гиблом яру слышали? — продолжила я.

— Да, ведьма, — тоже разом ответили все.

— Страшное место? — спросила, даже не знаю с чего.

— А то! — тоже хором.

А дальше в разнобой:

— Места-то гиблые!

— Слышал там и волкодлаку несдобровать! — сказал волкодлак Далак.

— Мы, вампиры, подальше держимся, — заявил граф Гыркула.

— Моровиков и тех засасывают, — сказал какой-то моровик.

— Смерть там, даже для нечисти, — прошипела одна из хмар.

И тут тихо вдруг так стало. И все главное сразу на меня посмотрели. А я в сторону Гиблого яра. А нечисть на меня. А я... поняла, что краснею.

И тут вампиры заподозрили, что дело нечистое.

— А ты чего такой разговор завела, ведьма? — очень подозрительно протянул один из вампиров.

И главное первыми засекли-то вампиры, но вот сейчас... сейчас уже все так на меня смотрели, что я поняла — скажу про Гиблый яр и мне конец. Вот как есть конец. А потому нельзя про него говорить. Вот всем своим ведьминским чутьем чую — нельзя.

Кто б его еще, это чутье мое, послушался бы...

Вздохнула, распрямила плечи, осанку горделивую сделала, да и:

— Ой вы мои воины верные!

— Да ну лесом! — вскипел ближайший к Гыркуле вампир. — Ведьма, ты очумела?

И тут же умолк, под ледяным взглядом главного из кровососов.

Ну, мне и молчания хватит.

— Ой вы мои воины храбрые! — продолжила я.

Кто-то из моровиков попытался свалить на четвереньках, но путь ему преградил леший.

— Ой вы мои воины победоносные! — прозвучало вообще не убедительно.

На этом моменте нечисть окончательно поняла, что пора валить, а я окончательно поняла, что мотивирующие речи явно не мое, а потому, оставив все традиции, пафос и правила сказала прямо:

— Мой Заповедный лес остался последним на всем континенте.

И все те, кто повставал с мест, молча сели обратно.

Да, шокирующая новость, сама в шоке.

— Я не знаю, кто наш враг, но враг есть, — продолжила честно и открыто.

Из нестройных рядов нежити донесся вопрос:

— Один?

И я призадумалась. Крепко подумать пришлось, и с силами собравшись ответить искренне:

— То мне не ведомо.

Гости мои тоже призадумались. И я призадумалась. И настроение у всех стало такое задумчивое... один аспид сидит и на меня смотрит, и взгляд такой, что сразу стало ясно — этот вообще ни о чем не думает. Этот ржет, только скрывает, но не особо старательно.

Глянула на него укоризненно, да и сообщила:

— У нас тут горе-беда!

— Извини, лесная хозяйка, о своем задумался, — покаянно ответил аспид. — Так что ты, ведунья, делать-то собираешься?

Вот, один хороший вопрос за весь пир!

И я уже было воодушевленно достала блокнот с записями и карту Гиблого яра, да тут и вспомнила... традиции, чтоб им пусто было. Пришлось снова в горделивую осанку возвратиться, да гласом величественным возгласить:

— Гости мои славные, хороши ли был пир?

Издалека, откуда-то от злыдней, донеслось:

— Сойдет.

Злыдни, они злыдни и есть!

Глянула недобро в их сторону... отомщу же, как есть отомщу... наверное. А пока обратно к традициям.

— Итак, — я список собравшихся оглядела, — так... Ауки, анчутки, бадзулы, злыдни, моровики и хмары, вы у нас нечисть чистокровная, от того вы мне уже по гроб жизни должны, и вашего мнения никто не спрашивает.

За столами указанных особей поднялся возмущенный гул.

— Не спрашивает, я сказала! — прикрикнула на них.

Гул стих.

— Переходим к нечистокровным, — я сделала пометку в блокноте и посмотрела на волкодаков.

Волкодлаки не простые оборотни — а лесные. И хоть норы у них крут, но и ума природа-матушка не пожалела. А потому, когда все волкодлаки посмотрели на старшего здесь вождя Далаку, тот вздохнул и ответил:

— Твоя правда, хозяйка лесная, твой лес Заповедный последний на континенте остался. А Заповедный лес наш последний бастион, падет... и начнется обратный отсчет существования волкодлаков. Мы с тобой, ведунья! Мы с тобой!

Поклонилась, благодарственно и спросила, как полагается:

— Какую плату запросишь, Далак?

Волкодлак призадумался, затем ответил решительно:

— Кров.

Серьезная цена. Волкодлаков в свой лес я пускать обязана, да только на сегодняшний момент могу и прогнать за поведение плохое... а коли дам им кров, то и выгнать прочь не сумею.

«Приструним если что, Веся, — успокоил меня леший».

Что ж, раз так...

— Быть, по-твоему, Далак, — согласилась с его ценой за участие в войне.

Посмотрела на графа Гыркулу.

Тот, ехидно ослабившись, протянул кровожадненько:

— Кро-о-овь...

Я посмотрела на Гыркулу, тот на меня. Я на него, изогнув бровь. Тот на меня. Я улыбнулась. Гыркула улыбаться перестал. Нахмурился, руки холеные с когтями завидными на груди сложил, снова на меня зыркнул.

— Точно кровь хочешь? — елейным голоском переспросила я.

С Гыркулой у нас отношения были особые — меня к нему в городок, раскинувшийся у подножья холма, на котором графский замок устроился, на практику отправили. Как самую паршивую ученицу. Самая паршивая ученица повела себя самым паршивым образом и саботировала всю практику, шлясь по всяким вампирским достопримечательностям. А как дело дошло до подписания ведомости, тут-то я и спохватилась. Нарядилась в сорочку белую, сняла с себя все охранительные амулеты и принялась гулять вокруг замка с видом невинной несчастной и потерянной девы. В первую ночь на меня клонули вампиры-охранники — пришлось вином откупаться. На

вторую — два сына самого графа, гарантировали мне море удовольствия и обещали, что как только я разденусь, мне все понравится. Мне все понравилось, спорить не буду, особенно когда вампиры разделись до исподнего. А нечего с ведьмами в карты играть, плохое это дело, гиблое. Исподнее я им вообще из жалости оставила, так что оба графеныша мне все еще должны были. На третью ночь появился сам Гыркула!

И какая это была ночь!

Угодивший в ловушку граф деться никуда не мог, от тоски и отчаяния Гыркула выл, ругался... но тихо, я как-никак девица, и попутно рассказывал мне какая я хорошая, талантливая, одаренная, трудолюбивая и ответственная.

Я записывала.

Все записала, дневник по практике за одну ночь заполнила. А характеристику мне вампир надиктовал такую, что я даже сама собой загордилась. Вытирая слезы умиления, протянула все своему научному руководителю. Гыркула скрипя зубами подписал. Он тогда еще знал меня плохо и явно рассчитывал, что как только высвобожу его из ловушки, он мне голову отгрызет... в прямом смысле. Просчитался. Перед тем как выпустить его, я милым голоском сообщила, что род графов Гыркула мне должен. А карточные долги у вампиров священны, так что...

— Труссы! — прошипел граф, пристально глядя на меня и игнорируя принявшие выражения крайней заинтересованности лица присутствующих.

Надо же, как всего одно слово, может заинтриговать, даже не знала.

— Будь, по-твоему, — кивнула вампиру, пытаюсь сохранить серьезность и учтивость.

— Обе пары, — добавил граф.

Судя по взглядам вампиров, волкодлаков и прочей нечисти, интрига нарастала стремительно.

— Как изволите, — чуть склонила голову, — две пары, так две пары.

«Весь, что это значит?» — возмутился леший.

«Его сыновья мне свое исподнее в карты проиграли. Сыновей двое — следовательно, долг графского рода составляет две пары

трусов. Все просто».

Просто, увы, не получилось.

— То есть вампиры будут сражаться за две пары исподнего? — задумчиво и словно бы просто мыслями вслух поделился вождь Далак.

Граф Гыркула сидел каменным изваянием оскорбленного достоинства, остальные вампиры потрясенно переглядывались, но перечить слову старшего не смели, а волкодлаки... ржали. Втихую, но все равно заметно было.

И тут прозвучал вопрос от аспида:

— Я немного не понял, о чьем исподнем идет речь? — и нехорошо так это прозвучало.

— Не о вашем, уважаемый господин аспид, — вежливо успокоила его я. — Что касается моего договора с графом — условия договора конфиденциальны и не подлежат разглашению.

Гыркула согласно кивнул.

Аспид как-то странно посмотрел в его сторону и вампир вдруг весь подобрался, словно угрозу ощутил. Не знала бы вампиров, не заметила бы, но я среди них достаточно пожила. И... нужно будет отдельно потом с Гыркулой поговорить, не понравилось мне это.

Ну да пока о другом речь.

— А ты что попросишь, аспид неведомый? — обратилась я к самому страшному существу на оба мои леса.

Неведомый перестал прожигать глазюками Гыркулу, перевел взгляд на меня, в глаза мои посмотрел... захотелось от этого взгляда два шага назад сделать, или три... или двадцать три.

Но аспид молчал. Смотрел на меня и молчал. А все смотрели на аспида и тоже молчали. А аспид на меня. Я на него. Все уже на нас. Вампиры от чего-то занервничали, волкодлаки хотели бы продолжить трапезу, но, почему-то боялись. Я стояла. Аспид смотрел.

Тишина.

Луна поднялась в небе.

Комары звенят в воздухе, да ближе не подлетают — мелкие кровопийцы больших кровопийцев потреблять почему-то брезговали. Может, боялись подцепить вампирский вирус и стать комариными вампирами? Хм, нужно будет изучить на досуге данный вопрос...

И тут аспид сказал:

— Кровь и кров.

Приехали.

Я прочистила горло, голос осип у меня от подобных запросов, и спросила:

— Сколько и на какой период?

Просто волкодлаки это одно, они свои, кров им предоставить можно, а аспида я знать не знаю, ведать не ведаю. Опять же сколько моей крови требуется? Знать надо было конкретно. Хотя вопрос крови интересовал меня гораздо меньше, чем вопрос крова... селить аспида в своем лесу желала меньше всего. И пусть до сих пор угрозы в нем не вижу, но мало ли.

Так что мне требовалась конкретика.

— Крови — втрое меньше, чем в твоём теле сейчас. Кров — сроком на два месяца менее года, — озвучил аспид.

Оригинально.

Вгляделась в аспида — на кровожадину он не походил, уж не знаю почему. И лес ему мой тоже был не нужен совершенно — это я всей душой чувствовала. Ему другое что-то нужно... Понять бы что?!

«Леший, — позвала я, — в чем подвох?».

«Подвох точно есть, — ответил друг верный, — а вот в чем мне неведомо. Откажись».

Я посмотрела на аспида и послушно сказала:

— Нет. Цена твоя не приемлема, аспид.

И после подобного должен был встать этот неведомый, да и идти себе прочь отседова, но... на темном лице чудища промелькнула ухмылка странная и ответ меня сильно удивил:

— Лесная хозяйка, в Гиблом яру на данный момент пять ведуний, поднятых из мертвых. И на подходе двое леших... той же степени деформации.

Быть не может!

Как есть — быть не может!

Лешие — нечисть привязанная к лесу. Невозможно нечисть такого уровня убить, а затем поднять из мертвых. Мертвый леший — это пень! У людей надгробия, а у леших — пни. И такой пень он не просто пень, но суть... я...

— Это невозможно, — уверенно сказала я.

Аспид усмехнулся.

Склонил голову учтиво, и произнес:

— Клянусь своей жизнью, я не запрошу того, что не согласится отдать мне Лесная Сила.

Оу...

Ну... это меняет дело.

«Соглашаемся?» — спросила у лешего.

«Лесная Сила ни кровь твою не отдаст, ни кров для аспиды не предоставит, — леший хмыкнул. — Соглашаемся, он не получит ничего».

Вот и я так подумала.

А потому, улыбнулась, кивнула величественно и возвестила:

— Быть по-твоему, аспид.

Улыбнулся аспид, зубы белые сверкнули в свете лунном, глаза синие с прищуром, смотрели весело... а у меня вдруг беспокойство в душе появилось, заворочалось словно валуны тяжелые, зашипело змеей встревоженной, распахнуло крылья птицей испуганной.

Что-то здесь было не так.

Что-то точно вот во всем этом было не так. Да такое ощущение, словно не загнали меня только что в ловушку, да ловушку знатную. Вот всем своим ведьминским чутьем чую!